Юридич. Отд
Народ. Комис. Внут. Д
71

А. Л. Байковъ.

ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНІЕ

оговорки „REBUS SIC STANTIBUS"

ВЪ

МЕЖДУВЛАСТНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

МОСКВА.
Типо-лит. В. Ф. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., соб. домъ.
1916.

Исправленія.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
74	11 сверху	годъ	годы
86	1 „	La Pladelle	La Pradelle

Юридич. Отд.
Народ. Комис. Иност. Дел.
-17

А. Л. Байковъ.

ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНІЕ

оговорки „REBUS SIC STANTIBUS"

ВЪ

МЕЖДУВЛАСТНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

№46

МОСКВА.
Типо-лит. В. Ф. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., соб. домъ.
1916.

2к
2 экз.

Пров. 1959

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
1961
29

Предисловіе.

Оговорка „rebus sic stantibus“ въ международномъ правѣ непосредственно относится къ случаямъ односторонняго отказа государствъ отъ принятыхъ ими на себя договорныхъ обязанностей. Это частный вопросъ изъ области международной жизни, но его разсмотрѣніе вводитъ насъ въ русло вѣчно движущагося процесса разрушенія и созиданія нормъ международнаго правопорядка и юридическихъ отношеній, связующихъ государства. Въ переходѣ отъ стараго права къ новому рельефно обнаруживаются характерные признаки той группы явленій, которая обычно оцѣнивается подъ угломъ зрѣнія „политики“ и противуполагается „праву“. Отмѣтить правовые элементы данныхъ явленій составляетъ задачу настоящаго очерка.

А. Байковъ.

Москва, 28 января 1916 г.

Оглавленіе.

Стр.

Глава I.—Постановка вопроса

§ 1. „Прецеденты“ 1

§ 2. Обоснованіе „клаузулы“ (господствующія воззрѣнія). . . 12

Глава II.—„Клаузула“, какъ выраженіе „динамо-телеологической“ оцѣнки.

§ 3. Общія замѣчанія 34

§ 4. Политика и право. Источники международнаго права. Ратификація. 41

Глава III.—„Statu quo“ и „клаузула“.

§ 5. „Притязательныя“ стремленія державъ при междувластномъ „сдвигѣ“. 59

§ 6. Нормативные аффекты координаціонныхъ воздѣйствій и переоцѣнка нормъ. 67

Глава I.

Постановка вопроса.

§ 1.

Прецеденты.

Изначально дѣйствительный, правильно заключенный международный договоръ—долженъ ли «bona fide» соблюдаться сторонами, его подписавшими или, наоборотъ, допустима его отмѣна по волѣ одного изъ контрагентовъ, безотносительно къ согласію другого?

Казалось бы не можетъ быть двухъ мнѣній по поводу настоящаго вопроса! Между тѣмъ, въ теоріи (не говоря уже о практикѣ) международнаго права онъ вызываетъ горячія разногласія.

Выдающіеся интернаціоналисты, утверждая въ принципѣ «святость» международныхъ договоровъ, не только констатируютъ «фактъ» потери весьма многими трактами и конвенціями юридической эффективности въ силу одностороннихъ волеизъявленій, но и признаютъ, что при наличности извѣстныхъ условій подобные прецеденты не заключаютъ въ себѣ «юридической неправды».—Другіе ученые, исходя изъ идеи двусторонне-связующей силы международнаго договора, вызваннаго къ жизни опредѣленнымъ процессомъ волеобмѣна, требуютъ, чтобы и прекращеніе договора (не ограниченнаго срокомъ) удовлетворяло аналогичному процессу.

Оба лагеря отмѣчаютъ «juris vinculum» международнаго права и важность событій, измѣняющихъ жизненныя условія международныхъ отношеній, создававшихъ договоромъ. Разногласіе сводится лишь къ оцѣнкѣ правового значенія этихъ событій: сторонники «clausula rebus sic stantibus» приписываютъ имъ способность упразднять договоръ при наличности одностороннихъ волеизъявленій; представители противуположной точки зрѣнія разсматриваютъ всякое существенное измѣненіе обстановки международнаго соглашенія лишь въ качествѣ достаточнаго основанія для предварительнаго вопроса о ревизіи его содержанія.

Какова же практика международныхъ отношеній?

Въ 1635 году, въ эпоху тридцатилѣтней войны, Австрія, уступая Саксоніи маркграфства «Lausitz», выговорила себѣ, на основаніи Пражскаго трактата 30 мая, нѣкоторыя права по отношенію къ этимъ землямъ, какъ-то: дальнѣйшее сохраненіе «сюзеренитета» (die Lehnsherrlichkeit), верховный церковный надзоръ (kirchenhoheitliche Rechte) и, наконецъ, право условнаго возвращенія уступаемыхъ территорій. Въ началѣ 19 вѣка Саксонія отказалась признавать на будущее время притязанія Австріи, обоснованныя даннымъ трактатомъ, ссылаясь, при этомъ, на коренное измѣненіе политическихъ и правовыхъ отношеній германскихъ государствъ, осуществившееся за этотъ долгій періодъ: распаденіе въ 1806 г. германской имперіи, пріобрѣтеніе германскими державами полноты верховенства, вступленіе Саксоніи въ составъ Рейнскаго союза и др. болѣе или менѣе существенныя событія. Въ связи съ протестомъ Австріи, возникшій по этому поводу обмѣнъ взглядовъ между заинтересованными правительствами завершился компромисснымъ договоромъ 9 мая 1845 г., согласно которому Саксонія изъявила готовность подтвердить неприкосновенность правъ и преимуществъ нѣкоторыхъ церковныхъ учрежденій, послѣ чего Австрія, въ свою очередь, отказалась отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла послѣднихъ [1]).

Дальнѣйшимъ примѣромъ «клаузулы» можетъ послужить та серія событій, которая непосредственно завершилась отторженіемъ Шлезвигъ-Гольштейна отъ Даніи и, косвенно, поставила на очередь весь «германскій вопросъ». Рѣчь идетъ о судьбѣ Лондонскаго протокола 8 мая 1852 г., опредѣлившаго при ближайшемъ участіи «великихъ державъ» (въ томъ числѣ Пруссіи и Австріи) порядокъ престолонаслѣдія въ Даніи, въ интересахъ поддержанія мира и политическаго равновѣсія Европы. Какъ извѣстно, данный протоколъ, утвердившій наслѣдственныя права принца Христіана (Sonderburg-Glücksburg) по отношенію ко всѣмъ территоріямъ датской короны, не былъ приведенъ въ исполненіе въ виду войны «союзниковъ» (Пруссіи и Австріи) съ Даніей. Событія 1864 г., на которыя ссылается *Schmidt* [2]), не характерны, по мнѣнію *Kaufmann'a*, для исторіи «клаузулы»: отказъ Австріи и Пруссіи отъ Лондонскаго протокола 1852 г., послѣдовавшій въ 1864 г., былъ дипломатически мотивированъ не соображеніями «cl. reb. s. st.», но фактомъ вспыхнувшей между союзниками и Даніей войны, а также предшествующимъ нарушеніемъ ею договорныхъ обязательствъ касательно престолонаслѣдія въ герцогствахъ. Что касается протокола засѣданія 12-го (а не 17-го, какъ ошибочно выражается *Schmidt*) мая Лондонской конференціи 1864 г., то

[1]) *Schmidt (Bruno)*, Uber die völkerrechtliche clausula rebus sic stantibus (Staats—und völkerrechtliche Abhandlungen herausgegeben von G. Jellinek und C. Anschütz), Lepzig, 1907, S. 45 ff.

[2]) op. cit. S. 47 ff.

замѣчаніе австрійскаго уполномоченнаго «la situation étant changée depuis» относится къ событіямъ данной войны, заявленіе же гр. Бернсторфа отъ 18 іюня, что прусское правительство не считаетъ себя болѣе связаннымъ обстоятельствами «qu'il avait contracté le 8 mai 1852 sous d'autres présuppositions» имѣло прежде всего въ виду незаконное поведеніе Даніи въ вопросѣ о престолонаслѣдіи [1]). Возраженія Англіи на конференціи 1864 г. сводились къ тому, что война съ Даніей не упраздняетъ обязательствъ Пруссіи и Австріи по отношенію къ другимъ заинтересованнымъ державамъ, въ виду ихъ общей юридической связанности (хотя обмѣнъ ратификацій Лондонскаго протокола 1852 г. послѣдовалъ только между отдѣльными государствами и Даніей [2]).

Указывая на разногласіе въ оцѣнкѣ событій 1864 г., мы считаемъ нужнымъ оговориться, что оно не имѣетъ для насъ рѣшающаго значенія въ виду того, что фактъ упраздненія договора вслѣдствіе наступившей войны мы относимъ къ общей категоріи событій, обнимаемыхъ формулой «reb. sic. st.», которую мы соотвѣтственно расширяемъ и углубляемъ.

Въ 1870—71 гг., въ связи съ вопросомъ о дальнѣйшей судьбѣ нейтрализаціи Чернаго моря, созданной Парижскимъ трактатомъ 1856 г., между заинтересованными державами возникъ обмѣнъ взглядовъ, имѣвшій ближайшее отношеніе къ ученію о «cl. reb. s. st.». Рѣшительно высказываясь въ пользу недопустимости одностороняго упраздненія трактатовъ и конвенцій, лежащихъ въ основѣ международныхъ отношеній, покойный *проф. Ф. Ф. Мартенсъ* подчеркиваетъ выдающуюся принципіальную значимость Лондонской конференціи 1871 г., собравшейся для ликвидаціи дипломатическихъ треній, вызванныхъ нотой кн. Горчакова отъ 19/31 октября 1870 г. «Въ виду первостепенной важности международныхъ договоровъ, нельзя достаточно категорически настаивать на положеніи «Pacta sunt servanda». Пріостановка въ ихъ исполненіи или совершенное ихъ неисполненіе можетъ быть допущено только съ согласія всѣхъ договорившихся сторонъ. Это начало было выражено и скрѣплено подписью главнѣйшихъ европейскихъ державъ на Лондонской конференціи 1871 г., въ приложеніи къ протоколу засѣданія 5/17 января» [3]).

Нѣсколько иное освѣщеніе настоящему прецеденту даетъ *Kaufmann*. Изъ дипломатической переписки по поводу ноты кн. Горчакова, замѣчаетъ послѣдній, можно усмотрѣть, что заинтересованныя державы, не отвергая принципіальной значимости «клаузулы», лишь оспаривали ея конкретную приложимость къ данному случаю. Государства признали недопустимость односторонняго отказа отъ обязательствъ, невыгодность

---

[1]) Das Wesen des Völkerrechts und die clausula rebus sic stantibus. Tübingen 1911, S. 21 ff., 24 fg.

[2]) op. cit., S. 23.

[3]) Современное международное право, т. I, 1904 г., стр. 424.

коихъ извѣстна контрагенту въ моментъ подписанія подлежащаго международнаго договора. Приложеніе къ протоколу засѣданія Лондонской конференціи отъ 17 января 1871 г., редактированное, къ сожалѣнію, въ слишкомъ общей, неопредѣленной формѣ, санкціонировало—не отрицая «cl. r. s. s.»—общепризнанное начало, что для упраздненія договоровъ необходимо «l'assentiment des parties contractantes»... «au moyen d'une entente amicale» причемъ эта «entente» можетъ выразиться простымъ обмѣномъ нотъ, констатирующимъ наличность единенія во взглядахъ руководителей иностранной политики заинтересованныхъ державъ. «Признаніе», въ данномъ случаѣ, имѣетъ такое же юридическое значеніе, какъ и при оцѣнкѣ различныхъ фактовъ, предусмотрѣнныхъ резолютивнымъ условіемъ, а также событій возникновенія новаго государства или захвата власти революціоннымъ правительствомъ. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что резолютивное условіе не является самостоятельнымъ основаніемъ для прекращенія договоровъ или что международная правоспособность государствъ покоится на «договорахъ» [1]).

Высочайшимъ указомъ отъ 23 іюня 1886 г. на имя Управляющаго Министерствомъ Финансовъ послѣдовала отмѣна порто-франко въ Батумѣ, предусмотрѣннаго ст. 59 Берлинскаго трактата. Необходимость и своевременность этой мѣры мотивировалась, во-первыхъ, тѣми крайними неудобствами, которыя причинялись существованіемъ вокругъ Батума особаго таможеннаго кордона, искусственно отрѣзывавшаго мѣстное населеніе отъ своего естественнаго рынка, и, во-вторыхъ, ссылкой на то обстоятельство, что первоначальная цѣль порто-франко, имѣвшаго въ виду создать на юго-востокѣ Чернаго моря промежуточный транзитный пунктъ для иностранныхъ товаровъ, направляемыхъ въ Закавказье и въ Персію, потеряла свое значеніе послѣ отмѣны безпошлиннаго транзита черезъ Кавказъ. Императорское Правительство довело до свѣдѣнія заинтересованныхъ державъ о своемъ непреклонномъ рѣшеніи положить конецъ исключительному положенію, созданному Берлинскимъ трактатомъ. Помимо мотивовъ, изложенныхъ въ Указѣ, русскій «меморандумъ» проводитъ ту мысль, что ст. 59 не была продуктомъ коллективнаго соглашенія, но являлась выраженіемъ добровольнаго заявленія Государя Императора Александра II, что, въ свою очередь, допускаетъ возможность ея одностороннюю упраздненія, въ виду существеннаго измѣненія отмѣченныхъ выше условій за истекшій 8-лѣтній періодъ [2]).

---

[1]) op. cit. S. 12 ff., 18 ff.

[2]) „En présence de circonstances de cette importance, le gouvernement impérial ne saurait perdre de vue que l'article 59 occupe dans le traité de Berlin une place à part, car il n'est pas comme les autres, le produit d'un accord collectif, mais il se borne à enregistrer une déclaration libre et spontanée de S. M. l'empereur Alexandre II, d'impérissable mémoire". (*Archives diplomatiques*, II Serie, T. XIX, 1886,

скаго правительства въ 1886 г. не вызвало серьезныхъ возраженій со стороны другихъ державъ (за исключеніемъ Англіи) и не послужило предметомъ коллективнаго обсужденія.

Циркулярною нотой отъ 3 октября 1908 г. на имя своихъ дипломатическихъ представителей за границей австро-венгерское правительство сообщило державамъ, что оно отказывается въ пользу Турціи отъ своихъ правъ на Новобазарскій санджакъ, обоснованныхъ Константинопольской конвенціей 1879 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отдавая приказъ объ эвакуаціи данной провинціи австро-венгерскими войсками, Вѣнскій кабинетъ призналъ себя свободнымъ отъ тѣхъ ограниченій и оговорокъ, коими опредѣлялось юридическое положеніе императорско-королевскаго правительства въ Босніи и Герцеговинѣ, согласно отмѣченной выше конвенціи, въ свое время подписанной во исполненіе предначертаній ст. 25 Берлинскаго трактата [1]).

Нѣсколько дней спустя, а именно 7-го октября, въ Вѣнѣ и Будапештѣ распубликовываются слѣдующіе акты: прокламація Франца-Іосифа о подчиненіи Босніи и Герцеговины «сюзеренитету» венгерской короны и рядъ рескриптовъ на имя австро-венгерскихъ министровъ [2]). Сопоставляя эти документы съ отвѣтною рѣчью (отъ 8-го октября) императора на поздравленіе делегацій, съ рѣчью бар. Эренталя въ комиссіи по иностраннымъ дѣламъ и, наконецъ, съ дипломатической перепиской, вызванной событіями 1908 г. [3]), можно формулировать слѣдующими положеніями мотивацію австро-венгерскаго правительства въ дѣлѣ измѣненія «statu quo» Берлинскаго конгресса:

---

pp. 324 et ss.). Возражая противъ аргументаціи русскаго правительства, *Rolin—Jaequemyns* замѣчаетъ: Декларативная форма ст. 59 не измѣняетъ ея договорной природы.—„La seule annonce d'une intention ou d'un événement futur, qu'une des parties a le pouvoir de réaliser, se transforme en obligation ***du moment où cette partie en fait la déclaration solennelle dans un traité ou dans une convention synallagmatique***". (См. его La Question d'Orient en 1885—1886 въ Revue de dr. int. et de législ. comp. T. XIX, 1887, p. 41).—Что касается ссылки на „cl. r. s. st.", то не оспаривая ея значенія, авторъ приведенной статьи сожалѣетъ, что Россія не выразила готовности подвергнуть данный вопросъ коллективной оцѣнкѣ заинтересованныхъ державъ, подписавшихъ акты Берлинскаго трактата (op. cit., pp. 46 et ss.).—По мн. *Kaufmann'a*, настоящій случай, сравнительно съ имѣвшимъ мѣсто въ 1870 г. (касательно нейтрализаціи Чернаго моря), выгодно отъ него отличается двумя чертами: 1) Россія не ограничилась голословной ссылкой на „клаузулу", но привела конкретныя указанія на ея приложимость; 2) Русское правительство, при этомъ, отмѣтило, что невозможность (въ виду измѣнившихся обстоятельствъ) дальнѣйшаго соблюденія ст. 59 не посягаетъ на ея дѣйствительное содержаніе, такъ какъ съ теченіемъ времени безспорно отпала первоначальная цѣль соглашенія (op. cit., S. 21).

[1]) *Archives diplomatiques*, 1908, T. 109, pp. 278 et. ss.

[2]) l. c. pp. 281 et ss.

[3]) l. c. pp. 287 et ss.

1) Что касается Босніи и Герцеговины: a) правительство водворило въ обѣихъ провинціяхъ прочный правопорядокъ; b) за время «оккупаціи» мѣстное населеніе достигло высокой степени матерьяльной и интеллектуальной культуры; c) настало время даровать ему и благодѣянія автономіи и конституціоннаго режима; d) это возможно лишь подъ условіемъ упраздненія прежняго неопредѣленнаго положенія вещей и замѣны его австро-венгерскимъ верховенствомъ; e) аннексія Босніи и Герцеговины не противорѣчитъ ст. 25 Берлинскаго трактата и Константинопольской конвенціи, цѣлью коихъ являлось водвореніе, въ интересахъ самой Турціи и Европы, мирнаго правопорядка въ данныхъ областяхъ, причемъ оккупація ихъ разсматривалась лишь въ качествѣ средства достиженія этой цѣли, еще болѣе обезпечиваемой конечнымъ завершеніемъ процесса, предуказаннаго Берлинскимъ конгрессомъ.

2) Что касается Новобазарскаго санджака: a) оккупація санджака австро-венгерскими и турецкими войсками преслѣдовала аналогичныя цѣли; b) нынѣ, благодаря конституціонному перевороту въ Турціи, есть полное основаніе полагать, что оттоманская имперія, упрочившая свою государственность на началахъ права, будетъ въ состояніи самостоятельно поддерживать правопорядокъ въ этой мѣстности; c) вслѣдствіе этого, признавая свою миссію законченной, Австро-Венгрія отказывается отъ сотрудничества и выводитъ свои войска изъ санджака.

Противъ «аннексіи» рѣшительнѣе всего протестуютъ: Сербія, Турція и Россія [1]). Аргументація данныхъ державъ, поддержанная Великобританіей, отмѣчаетъ, что положеніе Австро-Венгріи въ Босніи и Герцеговинѣ, созданное международнымъ трактатомъ, можетъ быть измѣнено (согласно январскому протоколу Лондонской конференціи 1871 г.) только по взаимному соглашенію заинтересованныхъ державъ. Съ своей стороны Сербія, хотя и не участвовавшая въ подписаніи Берлинскаго трактата, обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что въ теченіе долгаго времени она безропотно переносила тяготѣвшія на ней обременительныя обязанности. Поэтому, если и не представляется возможнымъ возстановленіе «statu quo ante», то все-таки желательно, чтобы державы обезпечили ей компенсаціи, соотвѣтствующія ея безспорнымъ національнымъ правамъ, нарушеннымъ настоящей аннексіей [2]).

Россія ставитъ вопросъ о созывѣ конференціи. Вѣнскій кабинетъ выражаетъ на это согласіе, но подъ условіемъ, чтобы конференція не входила въ обсужденіе самаго акта аннексіи и лишь санкціонировала совершившееся событіе. Русское правительство выразило готовность послѣдовать этому новому «modus procedendi», съ тѣмъ однако, чтобы от-

[1]) l. c., pp. 291 et ss.

[2]) Министерская декларація Новаковича въ Скупщинѣ говоритъ о посягательствѣ на „естественныя права" Сербіи (l. c., p. 299).

мѣна ст. 25 Берлинскаго трактата сопровождалось подлежащей формулировкой новаго положенія вещей. Какъ извѣстно, конференція такъ и не состоялась. Дѣло ограничилось подписаніемъ 26 февраля 1909 г. въ Константинополѣ конвенціи между Австро-Венгріей и Турціей [1]). Сербія, подъ вліяніемъ Россіи и Англіи, формально отказалась отъ какихъ-либо національныхъ притязаній по адресу Австро-Венгріи [2]). Черногорія провозгласила отмѣну ст. 29 Берлинскаго трактата, ограничивавшей ея суверенитетъ [3]).

Какова же правовая значимость этихъ отрывочныхъ казусовъ? Конечно, въ цѣломъ рядѣ случаевъ (частью только что приведенныхъ, другіе будутъ отмѣчены ниже) мы встрѣчаемся съ явленіями юридической «неправды», болѣе или менѣе ярко выраженной или, наоборотъ, замаскированной различными соображеніями текущаго момента. Фактъ правонарушенія сплошь и рядомъ налицо! Но можно ли удовлетвориться подобнымъ отвѣтомъ, налагающимъ печать «неправды» на слишкомъ многіе факты международной дѣйствительности, возникающіе въ процессы «становленія» международныхъ отношеній? Слѣдуетъ ли признать, что всякое правонарушеніе въ этой области дискредитируетъ съ точки зрѣнія права ту динамику международнаго правопорядка, которая въ своемъ поступательномъ ходѣ приводитъ къ крушенію не только сепаратныхъ договорныхъ отношеній, но и цѣлыхъ системъ правового уклада, сложившихся и нѣкогда устойчивыхъ въ условіяхъ прежней политической обстановки, но потерявшихъ жизненную значимость «reb. mutatis»? Допустимо ли оправдывать неправду частную на почвѣ болѣе общей и высшей жизненной правды? Слѣдуетъ ли утверждать дуализмъ «жизненной правды», стоящей по ту сторону права, ирраціональной для нормы долженствованія, и «юридической правды», чуждой текущей дѣйствительности? Не представляется ли подобное противуположеніе показателемъ нѣкоторой дефектной ассиметріи нормъ позитивнаго права и жизненныхъ интересовъ, правомъ обслуживаемыхъ? Быть можетъ, наряду съ позитивно-правовой оцѣнкой международныхъ событій и прочихъ явленій общественности существуетъ и имѣетъ свое достаточное основаніе другая, также нормативная оцѣнка жизненныхъ данныхъ, разсматривающая тотъ же конкретный матерьялъ, но лишь въ иномъ разрѣзѣ, въ перспективѣ «динамики» соціальныхъ отношеній? И то, что носитъ характеръ «неправды» для позитивно-правового догмата—является, быть можетъ, «правомѣрнымъ» «reb. mut.» съ точки зрѣнія нормы «динамическаго» долженствованія?

Прецеденты, на которыхъ мы только что останавливались, не имѣютъ для насъ рѣшающаго значенія это лишь отдѣльные факты, историче-

[1]) l. c., pp. 54 et ss.
[2]) l. c., p. 303.
[3]) l. c., p. 292.

скіе примѣры, иллюстрирующіе (конечно не въ одинаковой мѣрѣ) нормативную значимость междувластной динамики. Сами по себѣ они недостаточны для какихъ-либо научныхъ обобщеній. Разрѣшеніе интересующей насъ проблемы требуетъ изслѣдованія болѣе углубленныхъ данныхъ, на которыхъ утверждается оцѣнка соціальныхъ явленій подъ угломъ зрѣнія «r. s. s.» и «r. m.»:

Возражая противъ «клаузулы», *Triepel* [1]) замѣчаетъ: 1) она практически несущественна—ссылка на «клаузулу» одного изъ контрагентовъ, при сочувствіи прочихъ, приводитъ къ замѣнѣ прежняго соглашенія новымъ; въ противномъ случаѣ возникаетъ борьба, въ итогѣ которой или утверждается старое право, или же созидается новое; 2) односторонній отказъ отъ исполненія договора является чисто фактическимъ исключеніемъ изъ общаго правила договорной связанности государствъ; въ этомъ смыслѣ «клаузула» лишена юридическаго значенія. Случаи подобнаго отказа не упраздняютъ цѣлостности и устойчивости международнаго правопорядка. Само собой разумѣется, что государство всегда попытается сбросить съ себя такія международныя обязанности, которыя представляется ему слишкомъ тяжелымъ, невыносимымъ бременемъ; въ крайнемъ случаѣ, оно прибѣгнетъ къ вооруженной самопомощи. Но заключать изъ этого о слабости, или шаткости международнаго права нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ и въ сферѣ внутренней государственной жизни мы сплошь и рядомъ встрѣчаемся съ революціонными переворотами, отнюдь не доказывающими отсутствія конституціоннаго права.

Противоположеніе «права» «факту» особенно рѣзко выражено у *Schmidt'a* [2]). Согласно послѣднему, «клаузула» является фактическимъ ограниченіемъ правового начала. Мы имѣемъ, замѣчаетъ онъ, опредѣленную позитивно обоснованную норму международнаго права—«pacta sunt servanda»—и можемъ констатировать, что «формально-технически» она является всеобъемлющей и не допускаетъ никакихъ исключеній и ограниченій юридическаго характера, даже при совершенномъ и цѣлостномъ измѣненіи обстоятельствъ, сопровождавшихъ заключеніе договора. Иначе говоря, международный договоръ долженъ быть соблюдаемъ, какъ «rebus mutatis», такъ и «rebus sic stantibus». Съ другой стороны, мы стоимъ передъ столь же несомнѣннымъ, исторически подтверждаемымъ фактомъ, что начало непоколебимости международнаго договора не соблюдается международною практикой въ тѣхъ случаяхъ, когда осуществленіе его при совершенно измѣнившемся соотношеніи державъ дѣйствительно угрожало бы высшимъ интересамъ государства. Мы встрѣчаемся здѣсь съ огра-

---

[1]) Völkerrecht und Landesrecht, Leipzig 1899, seit 1907 verl. v. Mohr., Tübingen, S. 90.

[2]) op. cit., S. 111 fg.

ниченіемъ «специфически-юридическаго» начала чисто «фактически утверждающимъ себя закономъ».

Bonfils [1]) допускаетъ прекращеніе обременительныхъ договоровъ только по взаимному соглашенію сторонъ. Вѣчность договоровъ, замѣчаетъ онъ, столь же абсурдна, какъ и вѣчность конституцій. Не слѣдуетъ, однако, смѣшивать двухъ различныхъ понятій—прекращенія дѣйствія договора (l'extinction, la résiliation d'une convention) и отрицанія обоснованныхъ договоромъ обязанностей (la négation des obligations par elle engendrées). Прекращеніе договора не отрицаетъ, а наоборотъ, признаетъ предшествующее бытіе договора. Договоръ естественно теряетъ свою силу съ исчезновеніемъ причинъ, вызвавшихъ его къ жизни. Радикальное измѣненіе взаимоотношенія державъ, ихъ экономическихъ и политическихъ интересовъ, приводитъ къ тому, что заключенный въ прежнихъ условіяхъ договоръ становится ненужнымъ и тягостнымъ. Но все же односторонній отказъ отъ него юридически недопустимъ. Государство, полагающее, что договоръ начинаетъ угрожать его насущнымъ интересамъ, должно вступить по этому поводу въ переговоры съ контрагентомъ и постараться убѣдить его въ этомъ. Международный договоръ долженъ терять свою силу только путемъ взаимнаго согласія, а не вслѣдствіе односторонняго волеизъявленія или каприза контрагентовъ.

Nys [2]) отмѣчаетъ опасность оговорки «reb. s. st.». Конечно, въ непрерывномъ движеніи международной жизни возникаютъ такія событія, которыя разрушаютъ предшествующія комбинаціи и договоры. Задача разрѣшается тогда сама собою, причемъ «декларативный» характеръ всякаго юридическаго правила обнаруживается здѣсь во всей своей силѣ, лишній разъ подтверждая справедливость того положенія, что «принципъ факта является основаніемъ для признанія права». Изъ этого не слѣдуетъ, однако, заключать, что контрагенты вправѣ освобождать себя отъ принятыхъ обязательствъ, ссылаясь на «клаузулу».

Cavaglieri [3]) подчеркиваетъ соображеніе, что правильно понятый интересъ, освобожденный отъ низкихъ, эгоистическихъ мотивовъ, въ сущности говоря совпадаетъ съ идеей права. Интересъ, побуждающій государства завязывать между собою сношенія, требуетъ отъ нихъ соблюденія договоровъ, иначе исчезла бы всякая атмосфера довѣрія, столь необходимая для сотрудничества государствъ, внѣ котораго невозможно ихъ бытіе и развитіе. Авторъ цитируемаго труда различаетъ три случая: 1) когда «клаузула» включена въ договоръ (хотя бы и молчаливо, но недвусмысленно); въ этомъ случаѣ оговорка опредѣляетъ судьбу соглаше-

---

[1]) Bonfils-Fauchille, Manuel de droit international public, Paris 1908, pp. 502, 507.

[2]) Le droit international, T. III, Bruxelles—Paris 1906, pp. 48 et ss.

[3]) La funzione della clausola „rebus sic stantibus“ nei trattati internationali (Archivio giuridico, Modena 1903, Nuova Serie, Volume XII, Fasc. I, p. 106 e ss.

нія; 2) когда измѣненіе «statu quo» договора лишаетъ его всякаго дальнѣйшаго смысла и значенія. Здѣсь правильнѣе говорить не о «cl. r. s. st.», но о руководящемъ принципѣ всѣхъ вообще отношеній—«Cessata causa, cessat effectus»; напр., договоръ, регулирующій положеніе католическаго населенія, теряетъ силу съ переходомъ этого населенія въ протестантство. То же должно сказать по поводу соглашеній, предоставляющихъ извѣстныя преимущества религіозной корпораціи, которая впослѣдствіи распадается, соглашеній о царствующей династіи, теряющей затѣмъ престолъ вслѣдствіе наступившей замѣны монархическаго строя республиканскимъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, договоръ падаетъ, такъ сказать, вполнѣ естественно, въ силу самаго права («ope juris»; 3) наконецъ, договоръ можетъ угрожать бытію государства, его развитію и важнымъ, существеннымъ жизненнымъ интересамъ. Естественный выходъ изъ этого положенія достигается добросовѣстнымъ пересмотромъ договора всѣми державами, его подписавшими. Предусмотрѣть заранѣе всѣ эти случаи не представляется возможнымъ.

Согласно *Листу* [1]), «утвержденіе, что всѣ международные договоры заключаются съ молчаливой оговоркой, что ихъ можно расторгнуть, если положеніе вещей измѣнится, въ такомъ общемъ видѣ безусловно невѣрно; утверждать это—значило бы отрицать международное право въ его основаніяхъ». «Исключеніе можетъ быть допущено лишь въ томъ случаѣ, если заключенный договоръ, открыто или молчаливо, предполагаетъ существованіе опредѣленнаго ф а к т и ч е с к а г о п о л о ж е н і я, и измѣненіе этого фактическаго положенія сдѣлаетъ для государства принятое имъ на себя обязательство существенно болѣе обременительнымъ» (такое значеніе, для договоровъ о гарантіи владѣній, а также для таможенныхъ соглашеній, могутъ имѣть непредвидѣнныя территоріальныя измѣненія; равнымъ образомъ, перемѣна формы правленія поражаетъ договоры, заключенные «во вниманіе» къ прежней формѣ). «Если же, помимо этихъ случаевъ», замѣчаетъ *Листъ*, «государственный дѣятель отказывается выполнить принятыя по договору обязательства, то онъ можетъ ссылаться на политику, но не на международное право».

Возраженія, на которыхъ мы только что останавливались, сходятся въ одномъ: *принципу* «pacta sunt servanda» противополагается *фактъ* уклоненія международной практики отъ строгихъ требованій правопорядка, причемъ подлежащіе прецеденты характеризуются, во-первыхъ, въ качествѣ исключеній изъ общаго правила и, во-вторыхъ, какъ явленія юридической неправды.

Что международное право нарушается событіями международной

---

[1]) Международное право, пер. съ 6-го нѣмецк. издан. подъ редакц. проф В. Э. Грабаря. 3-е русское изданіе, Юрьевъ 1912, стр. 224 и сл.

дѣйствительности—этого, конечно, никто не станетъ оспаривать, и не потому только, что правопорядокъ международныхъ отношеній лишенъ тѣхъ гарантій, которыми обладаетъ внутри-государственная организація общественной жизни, но также и потому, что нормы международнаго права, какъ всѣ вообще нормы права, выражаютъ правило *должнаго*, съ которымъ *сущее*, къ сожалѣнію, далеко не всегда и не во всемъ совпадаетъ. Само собой разумѣется, что ссылка на «cl. r. s. s.» сплошь и рядомъ маскируетъ попытки грубаго нарушенія права. Несомнѣнно также, что случаи одностороннято освобожденія отъ обязательствъ, налагаемыхъ договоромъ, разрушаютъ комплексъ связанныхъ съ нимъ конкретныхъ правоотношеній. Но, спрашивается, всегда ли подобные прецеденты означаютъ ту *неправду*, съ которой борется и должно непрестанно бороться *право* во имя соціальной справедливости? Быть можетъ, оговорка «r. s. s.»—не что иное, какъ формула «гипотетичности» юридическихъ отношеній и нормъ объективнаго правопорядка, не заключающихъ въ себѣ «абсолютныхъ» цѣнностей, но по существу всегда обусловленныхъ высшимъ и руководящимъ для всякаго права принципомъ «прагматичности» правилъ долженствованія, призванныхъ обслуживать интересы общественности?

Аргументація противниковъ «клаузулы» зиждется на рѣзкой антитезѣ «права» и «юридической неправды», причемъ (что особенно важно) понятіе права ограничивается замкнутымъ кругомъ тѣхъ конкретныхъ правоотношеній, дальнѣйшая эффективность коихъ оспаривается «клаузулой». Такимъ образомъ, остается или закрывать глаза на правовую значимость измѣненія жизненныхъ условій правопорядка и признавать всякое нарушеніе договора деликтомъ, или допускать возможность разныхъ фактическихъ quasi-правомѣрныхъ исключеній, нарушающихъ «категорическій» характеръ правового сужденія, изъ котораго исходятъ сторонники данной точки зрѣнія. Въ пользу первой альтернативы рѣшительно высказывается, какъ мы видѣли выше, *Schmidt*, теорія коего естественно попадаетъ въ тупикъ исторически непреложнаго (по его собственному признанію) противорѣчія начала «pacta sunt servanda» фактамъ упраздненія нежизнеспособныхъ договоровъ. Наоборотъ, *Cavaglieri*, утверждая принципъ ненарушимости трактатовъ и конвенцій, допускаетъ возможность различныхъ правовыхъ исключеній, постепенно стирающихъ грани между лагерями противниковъ и защитниковъ «клаузулы».

Обратимся теперь къ аргументаціи послѣднихъ, къ тѣмъ доводамъ, которые чаще всего приводятся въ пользу условной допустимости одностороннято упраздненія международныхъ договоровъ.

Передъ нами три группы теорій: теорія *цѣли*, теорія *независимости* и, наконецъ, теорія *самосохраненія*.

§ 2.

Обоснованіе „клаузулы“ (господствующія воззрѣнія).

Теорія «цѣли». Въ сферѣ внутренней государственной жизни соціальные интересы обезпечиваются односторонними актами государственнаго властвованія; здѣсь власть господствуетъ и подчиняетъ. Но власть государства не безгранична, и законъ—источникъ государственнаго права—уступаетъ мѣсто международному договору въ тѣхъ случаяхъ, когда объектъ государственныхъ притязаній оказывается по ту сторону государственной компетенціи. Договоръ является средствомъ использованія цѣнностей, данному государству не подчиненныхъ, но для него существенныхъ. Этимъ опредѣляется raison d'être договора, но также полагаются и границы договорнымъ обязанностямъ: если договоръ—средство, то его смыслъ и значеніе въ цѣли, которую онъ преслѣдуетъ; средство должно быть цѣлесообразнымъ, иначе оно перестаетъ быть средствомъ. Но въ качествѣ средства достиженія государственныхъ цѣлей, международный договоръ всегда мыслится въ опредѣленной конкретной обстановкѣ, въ которой онъ возникъ и существуетъ и отъ которой всецѣло зависитъ. Эта обстановка является его жизненнымъ основаніемъ, и ея измѣненіе, влекущее за собой недостижимость данныхъ цѣлей, упраздняетъ договорное отношеніе. «Клаузула»—необходимый элементъ договорныхъ волеизъявленій, она входитъ въ составъ всѣхъ вообще международныхъ договоровъ и получаетъ признаніе контрагентовъ, хотя бы и въ молчаливой формѣ. «Изъ существа международныхъ договоровъ», говоритъ *Ф. Ф. Мартенсъ*, «слѣдуетъ, что государство можетъ разумно обязываться только въ виду государственной цѣли, и всякое заключенное имъ обязательство существуетъ, пока согласно съ этою цѣлью. Поэтому дѣйствіе трактата прекращается при такомъ измѣненіи взаимнаго положенія сторонъ, которое дѣлаетъ означенную цѣль недостижимой[1]), или, какъ выражается *Despagnet*[2]), договоръ теряетъ силу, когда обстоятельства, мотивировавшія его заключеніе, столь измѣнились, что отпадаетъ всякій «raison d'être» его дальнѣйшаго существованія. Въ томъ же смыслѣ высказывается *Piédelièvre*[3]): государство вправѣ освободить себя отъ принятыхъ обязательствъ (эвентуально возмѣщая убытки), если является очевиднымъ, что договоръ не былъ бы вообще заключенъ въ предвидѣніи наступившихъ событій, причемъ, конечно, не всякое, но лишь достаточно существенное измѣненіе политическихъ, экономическихъ или соціальныхъ условій оправдываетъ односторонній отказъ отъ договора—нужно, чтобы прежній по-

[1]) Назв. соч., т. I, стр. 436.
[2]) Cours de droit international public, Paris 1899, p. 497 et. s.
[3]) Précis de droit international public, I, Paris 1894, p. 311 et s.

рядокъ вещей служилъ «основаніемъ и условіемъ бытія договора», необходимо, чтобы взаимоотношеніе сторонъ испытало столь важное измѣненіе, при которомъ «цѣль договора» становится недостижимой. Международный договоръ, замѣчаетъ *Mérignhac* [1]), всегда заключается съ молчаливой оговоркой, что соблюденіе принятыхъ обязательствъ зависитъ отъ постоянства интересовъ и мотивовъ, обусловившихъ соглашеніе. «Cl. r. s. st.», утверждаетъ *Chrétien* [2]), предполагается при заключеніи всякаго международнаго договора, теряющаго силу, когда измѣняются обстоятельства, ради которыхъ онъ заключенъ. Международные договоры болѣе или менѣе точно выражаютъ фактическое соотношеніе силъ, могущества и богатства контрагентовъ. Измѣненіе этого отношенія при неизмѣнности содержанія договора привело бы къ противорѣчію послѣдняго новому положенію сторонъ. Само собой разумѣется, что государство, которое отказалось бы вновь подписать заключенный ранѣе договоръ, несомнѣнно потребуетъ его пересмотра при новыхъ условіяхъ.

Остановимся на оцѣнкѣ данныхъ соображеній.

Всякая «цѣль» заключаетъ въ себѣ два элемента: представленіе о будущемъ событіи и волевую реакцію на него. Цѣль, въ свою очередь, можетъ разсматриваться или какъ «средство» достиженія другихъ цѣлей, или какъ «самоцѣль», причемъ слѣдуетъ отмѣтить, что событіе становится самоцѣлью не только на томъ основаніи, что вопросъ о высшихъ цѣляхъ сплошь и рядомъ остается безъ отвѣта, но также и потому, что въ интересахъ экономіи жизненной энергіи обнаруживается тенденція намѣренно ограничивать поле зрѣнія оцѣниваемыхъ явленій. Признавая цѣнность ближайшаго, достижимаго, мы создаемъ этапы для мысли и воли и отдыхаемъ на этихъ этапахъ прежде чѣмъ устремиться къ дальнѣйшимъ достиженіямъ. Мы сосредоточиваемъ вниманіе и энергію на опредѣленныхъ конкретныхъ цѣляхъ, ограничивая, условно и временно, циклъ телеологически развивающихся представленій. Эта разумная экономія въ расходованіи силъ, достигаемая путемъ превращенія «цѣли-средства» въ относительную «самоцѣль», возможна и необходима и въ сферѣ правовыхъ отношеній; въ частности, въ договорномъ правѣ она достигается посредствомъ юридической объективаціи цѣли, или воплощенія цѣли въ объектѣ договора. Договорная цѣль—не что иное, какъ объектъ соглашенія, т.-е. совокупность тѣхъ положительныхъ и отрицательныхъ дѣйствій (содѣяній и воздержаній), которыя предусмотрѣны договоромъ. Эти дѣйствія получаютъ значеніе самоцѣли, поскольку они (и только они) служатъ предметомъ даннаго договорнаго отношенія. Конечно, въ сознаніи подлежащихъ сторонъ, договоръ, ими заключенный, не только

[1]) Traité de droit public international, II partie, Paris 1907, p. 669 et s.

[2]) Principes de droit international public, I partie. Paris 1893, pp. 359 et ss.

«цѣль», но и «средство». Но открывающаяся при этомъ перспектива цѣлей юридически не входитъ въ составъ договора. Договоръ точно опредѣляетъ кто и что вправѣ требовать и обязанъ исполнить. Правовая оцѣнка внѣ-договорныхъ цѣлей требуетъ соотвѣтствующаго внѣ-договорнаго основанія.

Это начало относится ко всѣмъ вообще договорамъ, въ томъ числѣ и международнымъ: не только купля-продажа, наемъ услугъ, имущества и прочія соглашенія гражданскаго права, но также договоры касательно образованія различныхъ политическихъ и административныхъ союзовъ (почтовыхъ, телеграфныхъ, желѣзнодорожныхъ, сельскохозяйственныхъ и друг.), различныя конвенціи о защитѣ литературной, художественной и промышленной собственности, о выдачѣ преступниковъ и прочія соглашенія изъ области международнаго права всегда устанавливаютъ опредѣленныя права и обязанности контрагентовъ, пріуроченныя къ опредѣленнымъ договорнымъ цѣлямъ, или объектамъ даннаго договора; все что выступаетъ за предѣлы послѣдняго нуждается въ самостоятельномъ правовомъ обоснованіи.

Такимъ образомъ, право вноситъ извѣстные перерывы въ непрерывно развивающійся ходъ событій и цѣлевыхъ отношеній. Оно извлекаетъ изъ массы явленій жизни опредѣленныя группы, налагаетъ на нихъ печать нормативности, утверждаетъ (на почвѣ опредѣленныхъ юридическихъ фактовъ и дѣйствій) особыя притязанія и обязанности, создавая въ многообразіи текущей дѣйствительности своеобразные центры долженствованія и юридически обоснованныхъ притязаній.

Теорія договорнаго обоснованія «клаузулы» утверждаетъ два положенія:

1) Международный договоръ является средствомъ достиженія государственныхъ цѣлей—если цѣль «reb. mut.» становится недостижимой, то упраздняется и договорное отношеніе.

2) Это начало—необходимый элементъ всякаго международнаго договора; оно входитъ въ его составъ въ качествѣ открытой или молчаливой оговорки.

Что касается перваго положенія, то мы, конечно, далеки отъ намѣренія отрицать цѣленую природу договора. Само собой разумѣется, что международный договоръ ставитъ себѣ опредѣленныя задачи, преслѣдуетъ тѣ или иныя цѣли. Но для того, чтобы цѣль получила договорно-правовое значеніе, необходимо ея превращеніе въ юридическій объектъ договора. Въ противномъ случаѣ, правовая оцѣнка цѣли выступаетъ изъ рамокъ настоящаго соглашенія. Между тѣмъ, «клаузула» именно касается событій, договоромъ не предусмотрѣнныхъ. При такихъ условіяхъ, основаніемъ ея юридической эффективности долженъ служить не договоръ, а правовыя начала внѣ-договорнаго порядка, опредѣляющія судьбу договора.

Что же сказать по поводу второго положенія? Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда «оговорка» дѣйствительно включена въ соглашеніе, односторонній отказъ отъ него (при наступленіи предусмотрѣнныхъ событій) не можетъ разсматриваться, какъ неправомѣрное нарушеніе договора. Послѣдній теряетъ здѣсь силу въ порядкѣ, аналогичномъ тому, когда дѣйствіе контракта прекращается вслѣдствіе наступленія резолютивнаго условія или истеченія срока. Но постулировать, какъ нѣчто само собой разумѣющееся, наличность подобной оговорки въ каждомъ международномъ соглашеніи едва ли юридически допустимо. Впрочемъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда договоръ формально заключаетъ въ себѣ «клаузулу», ея правовая значимость должна оцѣниваться не договоромъ, какъ юридической сдѣлкой, но объективнымъ правопорядкомъ, лежащимъ въ основѣ контракта. Выраженія «pacta sunt servanda» и «clausula rebus sic stantibus» суть «нормы», или, точнѣе, «элементы юридической нормы,—«pacta sunt servanda rebus sic stantibus» (et non servanda rebus mutatis),— но отнюдь не «элементы» юридической сдѣлки».

«Клаузула» относится къ случаямъ «психической», а не «физической» невозможности. При физической неисполнимости, соглашеніе теряетъ силу потому, что его юридическій объектъ оказывается внѣ сферы господства контрагентовъ, безотносительно къ вопросу о его жизненной цѣнности для подлежащихъ сторонъ. Разрывъ «juris vinculum» происходитъ здѣсь не потому, что объектъ измѣнилъ свою цѣнность для одного изъ контрагентовъ, а потому и на томъ основаніи, что онъ пересталъ быть объектомъ договорныхъ правъ и обязанностей. Наоборотъ, «клаузула», не отрицая физической неисполнимости договора, ставитъ вопросъ о его жизненныхъ цѣнностяхъ, оцѣниваетъ содержаніе заключеннаго договора подъ угломъ зрѣнія высшихъ государственныхъ интересовъ, превращаетъ его «самоцѣльный» объектъ въ «цѣль-средство», въ служебное орудіе, призванное обслуживать интересы, лежащіе по ту сторону договора, иначе говоря,—разрѣшаетъ судьбу договора на внѣ-договорныхъ началахъ.

Въ «cl. r. s. st.» эффективность договора встрѣчаетъ опредѣленное ограниченіе извнѣ, не выводимое изъ содержанія договора, но коренящееся въ общей системѣ тѣхъ юридическихъ отношеній, которыя связуютъ подлежащихъ субъектовъ и на почвѣ которыхъ возникаетъ, существуетъ и упраздняется данное договорное отношеніе[1]).

Это начало одинаково приложимо и къ «договорамъ», и къ «соглашеніямъ». Волеобмѣнъ, лежащій въ основѣ обоихъ, слагается изъ актовъ взаимнаго признанія правъ и обязанностей сторонъ въ отношеніи дого-

---

[1]) Общеправовое значеніе „клаузулы“ отмѣчаетъ и *Ладыженскій* въ статьѣ, напечатанной въ „Юридич. Вѣстникѣ“, 1915 г., кн. X (II).

вернаго объекта. Данный объектъ состоитъ изъ «солидарныхъ», отчасти тождественныхъ, отчасти различныхъ дѣйствій контрагентовъ, съ коими ассоціируются соотвѣтствующія (частью тождественныя, частью различныя) волевыя переживанія сторонъ. Съ точки зрѣнія господствующей доктрины [1]), международный договоръ—продуктъ соглашенія, или согласія воль, устанавливающихъ права и обязанности сторонъ (государствъ) въ сферѣ ихъ взаимныхъ отношеній. Это опредѣленіе, по мнѣнію *Triepel'я* страдаетъ однимъ важнымъ недостаткомъ: въ немъ обнаруживается тенденція разсматривать волю контрагентовъ, какъ тождественную по содержанію; отсюда всего лишь одинъ шагъ до признанія «общей воли» (Gemeinwille) или «совокупной воли» (Gesamtwille) въ качествѣ основанія международнаго договора, являющагося выраженіемъ «единаго волевого акта» («...als nur» einen Willensakt») контрагентовъ [2]). «Договоръ» (Vertrag) не слѣдуетъ смѣшивать съ «соглашеніемъ» (Vereinbarung). Договорное волеизъявленіе касается, во-первыхъ, собственныхъ дѣйствій лица, выражающаго намѣреніе занять опредѣленную позицію, стать въ опредѣленное отношеніе къ другому (Ein «Sich Verhaltenwollen»), во-вторыхъ,—явленій, которыя не причиняются непосредственно данными дѣйствіями (Geschehenwissenwollen). Содержаніе договорныхъ волеизъявленій не тождественно у обоихъ контрагентовъ, поскольку рѣчь идетъ о дѣйствіяхъ сторонъ: такъ покупщикъ обѣщаетъ уплатить деньги, а продавецъ—передать вещь. Здѣсь и права, и обязанности контрагентовъ различны по содержанію. Наоборотъ, внѣшнія экономическія и юридическія послѣдствія, предусмотрѣнныя договоромъ, включены въ волю сторонъ, составляютъ то «idem placitum», на которое направленъ «konsens» контрагентовъ, хотя, конечно, эти послѣдствія и не имѣютъ для нихъ одинаковаго значенія. Будучи «цѣлью» договора, они вмѣстѣ съ тѣмъ являются «средствомъ» обезпеченія «различныхъ», при этомъ, «противоположныхъ», но все же коррелирующихъ интересовъ. «Внѣшняя цѣль» у контрагентовъ одна—измѣненіе властвованія. Но ихъ «внутреннія психическія цѣли» неодинаковы, такъ какъ то, что для одной стороны

---

[1]) *Мартенсъ*, назв. соч., т. I стр. 397: „Международный договоръ есть соглашеніе воли двухъ или нѣсколькихъ государствъ". *Rivier*, Principes de droit des gens, t. II, Paris 1896, pp. 33 et ss.: „Les États font entre eux des conventions comme les particuliers. Ils tombent d'accord sur tel ou tel point. De la concordance de leurs volontés,—„duorum pluriumve in idem placitum consensus",—nait un lien de droit, une obligation". *Nys*, Le droit international, t. III, Bruxelles — Paris 1906, p. 19: „Le traité ou, pour employer la terminologie ancienne, le traité public est l'accord de deux ou de plusieurs communautés politiques"; см. также *Coumoul*, Des conditions de validité des traités internationaux, Toulouse 1911, p. 10. *Mérignhac*, op. cit., II, pp. 633 et ss. „Les traités internationaux doivent, comme les contrats entre particuliers, offrir un consentement valable (p. 636).

[2]) Op. cit., s. 37.

Библиотека [illegible] академии

составляетъ расширеніе властвованія, для другой—означаетъ ограниченіе. Неправильно утверждать, что воли контрагентовъ противоположны только на почвѣ первоначальной коллизіи интересовъ, но что впослѣдствіи, благодаря компромиссу, онѣ постепенно сближаются и, наконецъ, совпадаютъ по содержанію. Для договора характерно отнюдь не устраненіе противоположностей, а то обстоятельство, что въ немъ встрѣчаются лица, «потребности коихъ противоположны такимъ образомъ, что то, чѣмъ одинъ хочетъ обладать, другой хочетъ отдать». Естественно, что при такихъ условіяхъ не возникаетъ никакой «общей», или «коллективной» воли, поскольку послѣдняя постулируетъ «сліяніе волъ, вполнѣ тождественныхъ по содержанію». Это начало, приложимое ко всѣмъ вообще договорамъ, всецѣло относится и къ договорамъ международнымъ [1]). Иными признаками характеризуется «соглашеніе», напр., сособственниковъ земельной недвижимости касательно учрежденія сервитута. Содержаніе волеизъявленій здѣсь тождественно, такъ какъ послѣдствія, предусмотрѣнныя соглашеніемъ, одинаково затрагиваютъ всѣхъ участниковъ. Въ то время, какъ «договоръ» предназначенъ служить «интересамъ противоположнымъ», «соглашеніе» обслуживаетъ «общіе интересы» и возникаетъ въ силу «общей воли» сторонъ. Само собой разумѣется, что это справедливо и въ отношеніи «международныхъ соглашеній», поскольку они обладаютъ общими родовыми признаками «соглашенія» [2]).

Соображенія *Triepel'*я не имѣютъ для насъ рѣшающаго значенія. И международный «договоръ», и международное «соглашеніе» направлены на извѣстный объектъ, взаимно признанный сторонами: каждая изъ нихъ признаетъ не только свое право+чужія обязанности (имъ соотвѣтствующія), но и свои обязанности, корреспондирующія правамъ другого субъекта. То, что становится «объектомъ» правъ и обязанностей, является точкою приложенія для утвердительной санкціи, которая осуществляется сторонами въ формѣ «ратификаціи», одинаково существенной для «договоровъ» и «соглашеній». Въ обоихъ случаяхъ, одобреніе подлежащаго акта распространяется на все его содержаніе, относится ко всѣмъ объектамъ даннаго юридическаго отношенія (объектамъ правъ и обязанностей).

Жизнь связуетъ государства другъ съ другомъ, и эта связь, или «vinculum» становится «juris vinculum» съ момента осуществившагося «признанія». Притязанія, изъ него вытекающія, становятся «правопритязаніями» (правомочіями), а состояніе связанности получаетъ характеръ «обязанности». Фактъ психологической солидарности контрагентовъ, выразившійся въ этомъ «признаніи», можетъ быть названъ различными

[1]) ibid., s. 40 и ff.

[2]) ibid., s. 51 ff., 63 ff., 66 ff.

терминами—«общая воля», «коллективная воля» и т. п. Но это не измѣняетъ существа (вполнѣ адекватнаго при «договорѣ» и «соглашеніи») акта одобренія, утвержденія возникшаго отношенія взаимной зависимости.

Правовая значимость международныхъ договоровъ опредѣляется нормами соціальнаго правопорядка, осуществляющими оцѣнку явленій международной жизни, въ томъ числѣ и различныхъ сдѣлокъ, заключаемыхъ государствами. Но и сами нормы объективнаго права подлежатъ оцѣнкѣ на почвѣ ихъ іерархической неравноцѣнности въ общей системѣ правопорядка. Въ государственномъ правѣ «обыкновенные» законы подчиняются «основнымъ», или «конституціоннымъ» законамъ, иначе говоря, должны не только удовлетворять формальнымъ требованіямъ законодательнаго процесса, но и по своему конкретному содержанію они призваны гармонировать съ высшими началами позитивнаго государственнаго правопорядка. То же слѣдуетъ сказать и по поводу международнаго права. И здѣсь «договоры», или, по терминологіи *Triepel'я*, «соглашенія» нормосозидательнаго (эвентуально упразднительнаго) характера должны не только удовлетворять формальнымъ требованіямъ волеобмѣна, лежащаго въ основѣ всякаго договора и соглашенія, но и по содержанію своему согласоваться съ руководящими началами положительнаго международнаго правопорядка, или дѣйствующаго въ международномъ оборотѣ «позитивно-правового комплекса», подъ угломъ зрѣнія коего осуществляется правовая оцѣнка явленій международной жизни, въ томъ числѣ и фактовъ заключенія и прекращенія отдѣльныхъ договоровъ и соглашеній. И здѣсь бытіе международныхъ договоровъ, ихъ юридическая эффективность, а слѣдовательно и «cl. r. s. st.»,—всѣ эти вопросы регулируются данными высшаго порядка, не опирающимися на оцѣниваемый договоръ, но лежащими въ основѣ послѣдняго.

Иными словами, выводить «cl. r. s. st.» изъ содержанія международнаго договора (или соглашенія) было бы въ одинаковой мѣрѣ неправильно, какъ въ томъ случаѣ, когда этотъ актъ носитъ характеръ юридической сдѣлки, такъ и въ томъ случаѣ, когда онъ имѣетъ въ виду установленіе нормы. Значимость всякаго договора (въ томъ числѣ и международнаго) опредѣляется внѣ-договорными (по отношенію къ нему) данными, юридически его обосновывающими.

Теорія незаисимости. Слѣдуя римскому праву, современное гражданское право, говоритъ *Rivier*[1]) не допускаетъ, въ интересахъ свободы контрагентовъ, заключенія договоровъ на неопредѣленное время; такъ, всякій мандатъ, наемъ услугъ, имущество—ограничены срокомъ. A fortiori это приложимо и къ международному праву. Человѣкъ жи-

[1]) Op. cit., t. II, pp. 128 et ss.

вѣтъ и умираетъ—жизнь государства не ограничена временемъ. При такихъ условіяхъ, связать государство на вѣчныя времена договоромъ, безъ права когда-либо отъ него отказаться, требовать неукоснительнаго соблюденія договора при совершенно измѣнившейся обстановкѣ, значило бы посягать на верховный принципъ государства—неотчуждаемость его свободы. Подобное положеніе вещей противорѣчило бы «основному» международному праву суверенаго государства—«праву независимости». Въ томъ же смыслѣ высказывается *Ф. Ф. Мартенсъ*. «Государство не можетъ отказаться отъ своихъ основныхъ международныхъ правъ, не отрекаясь отъ самого себя, своей независимости. Поэтому трактаты, нарушающіе или отмѣняющіе основныя права государствъ, незаконны и не имѣютъ обязательной силы», «Государство, обладающее задатками жизни, рано или поздно сброситъ съ себя подобныя ограниченія и возстановитъ свою международную личность во всемъ объемѣ» [1]).

Итакъ, «el. r. s. s.»—непосредственный выводъ изъ «юридической независимости» суверенныхъ государствъ въ сферѣ международнаго общенія.

Едва ли это положеніе правильно! До настоящаго времени къ наукѣ международнаго права господствуютъ слѣдующія направленія: одни юристы, напримѣръ, *Iellinek* [2]), *Triepel* [3]), *Пиленко* [4]), отчасти *Мартенсъ* [5]), *Rivier* [6]) и мн. др., исходя изъ идеи юридической независимости государствъ, утверждаютъ наличность международнаго права на самоограниченіе, самоопредѣленіе, или самообязываніе государственной власти. Другіе—*Liszt* [7]), *Pillet* [8]), *Dupllessix* [9]), *Грабарь* [10]),—отмѣчая нормативное значеніе отношеній зависимости, связующихъ государства, обосновываютъ международное право на авторитарныхъ началахъ.

Оба направленія представляются намъ одинаково крайними. Констатировать фактъ международной зависимости государствъ въ качествѣ

---

[1]) Назв. соч., т. I, стр. 302.

[2]) Op. cit., s. 27 ff. 45.

[3]) Op cit., s. 63 ff., 82 ff.

[4]) Очерки по систематикѣ частнаго международнаго права. 1911 г., стр. 43 и сл.

[5]) Назв. соч., т. I, стр. 187.

[6]) Op. cit., I, pp. 27 et s., 123 et ss.

[7]) Das Wesen des völkerrechtlichen Staatenverbandes und der internationale Prisenhof. Sonder-Abdruck aus der Festgabe der Berliner jurist. Facultät für Otto Gierke zum Doctorjubiläum, Bd. III Breslau 1910. s. 21 ff.

[8]) Les droits fondamentaux des États (Revue générale de droit international public, T. V, 1898, pp. 66 et ss., 236 et ss., T. VI, 1899, pp. 503. et ss.).

[9]) La loi des nations. Projet d'institution d'une autorité internationale législative, administrative et judiciaire, Paris 1909 pp. 9, 32 et ss.

[10]) Начало равенства государствъ въ современномъ международномъ правѣ (Изв. Мин. Иностр. Д., кн. 1, 1912 г.).

непреложнаго явленія жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ настойчиво провозглашать ихъ совершенную юридическую независимость—значитъ лишать право всякой реальной основы, искусственно втискивать жизненный матерьялъ въ непригодныя формы. Столь же ошибочна противуположная тенденція игнорированія своеобразной природы международнаго права, отождествленія его съ властно-государственнымъ правомъ. Какъ государственное, такъ и международное право регулируютъ порядокъ соціальной зависимости. Различіе между ними заключается въ томъ, что первое касается отношеній неуравновѣшенной соціальной зависимости (явленій господства и подчиненія), второе же опредѣляетъ порядокъ зависимости, построенный на началахъ соціальнаго равновѣсія—отсюда возникаетъ идея юридическаго равенства государствъ (отнюдь не тождественная ихъ юридической независимости). Длительное нарушеніе даннаго равновѣсія въ пользу тѣхъ или иныхъ политическихъ образованій приводитъ къ трансформаціи междувластныхъ правоотношеній въ властно-правныя (черезъ посредство переходныхъ стадій протектората, вассальной зависимости, гегемоніи «великихъ державъ» и т. д.).

Фактъ взаимной международной зависимости государствъ исключаетъ возможность интерпретировать нормы международнаго права при посредствѣ одного лишь принципа самообязыванія; съ другой стороны, наличность соціальнаго равновѣсія отношеній зависимости не допускаетъ распространенія на международное право принципомъ права государственнаго, постулирующаго нарушеніе соціальнаго равновѣсія, наличность одностороннихъ отношеній господства. Государства встрѣчаютъ предѣлъ своему властвованію во власти другихъ державъ. На этой почвѣ возникаютъ международныя обязанности, носящія характеръ «внѣшнихъ», хотя и не «авторитарныхъ» ограниченій. Наряду съ ними слагаются различныя обязанности сотрудничества, выражающія положительную взаимную зависимость субъектовъ международнаго права. Обѣ группы подчинены нормамъ, обязательнымъ въ силу открытаго или молчаливаго признанія ихъ со стороны международнаго союза, причемъ (и это въ особенности важно) признаніе опредѣленныхъ нормъ, нарождающихся въ процессѣ культурной эволюціи международныхъ отношеній, отнюдь не является какимъ-то liberum arbitrium» суверенныхъ державъ; послѣднія участвуютъ въ международномъ общеніи, а слѣдовательно связаны дѣйствующимъ международноправовымъ комплексомъ и тѣми выводами, которые изъ него вытекаютъ. Признаніе, съ одной стороны, служитъ основаніемъ обязанностей, а съ другой стороны,— само является актомъ осуществленія обязанностей, уже тяготѣющихъ на членахъ союза. Къ сожалѣнію, эта двойственная роль признанія обычно упускается изъ виду. Международноправовой комплексъ составляетъ основу и руководящее начало для юридической оцѣнки развивающихся событій международной жизни, до из-

вѣстной степени приспособляющихся къ нему и, въ свою очередь, приспособляющихъ его наличное содержаніе къ эволюціонирующимъ потребностямъ международнаго оборота. Такъ напр., идея невмѣшательства государственной власти во внутреннія дѣла иностранныхъ державъ выражается нормой признанія различныхъ формъ государственнаго устройства и управленія, а также политическихъ событій возникновенія государствъ (удовлетворяющихъ общимъ требованіямъ международной правоспособности) или обратныхъ процессовъ уничтоженія. Идея публичноправового характера войны объективируется отмѣною частныхъ репрессалій и каперства, изъятіемъ мирнаго населенія изъ состава комбатантовъ, гарантіей неприкосновенности частной собственности во время сухопутной войны, правами нейтральной торговли. Начало свободы международнаго судоходства обнаруживается интернаціонализаціей открытаго моря, международныхъ рѣкъ и каналовъ.

Всѣмъ этимъ явленіямъ свойственна общая черта: они отображаютъ въ себѣ наличность международноправового комплекса, выражающаго совокупность устойчивыхъ элементовъ международной зависимости государствъ. Эта зависимость, или связанность, не противорѣчитъ, однако, международному праву, поскольку, оставаясь взаимно уравновѣшенной, она не переходитъ въ образованіе надгосударственной власти.

Остающаяся (за вычетомъ отношеній, регулируемыхъ даннымъ комплексомъ) юридически свободная сфера самостоятельной компетенціи отдѣльныхъ государствъ подчиняется дальнѣйшимъ ограниченіямъ уже въ процессѣ самообязыванія (къ этой группѣ явленій относится значительное количество различныхъ международныхъ договоровъ).

Крайности отмѣченныхъ доктринъ приводятъ либо къ неустранимымъ противорѣчіямъ — ихъ не избѣгли труды такихъ выдающихся наслѣдователей международнаго права какъ *Ф. Ф. Мартенсъ, Rivier и др.* [1]), — либо къ рѣшительному отказу признавать юридическій характеръ современныхъ международныхъ отношеній; таково воззрѣніе *Lasson'a* [2]), *Hagens'a* [3]). Нѣкоторые, напр., *Fiore* [4]), гр. *Камаровскій* [5]), переносятъ вопросъ на почву естественнаго права, морали, религіи. Наконецъ, достаточно распространеннымъ является ученіе, откладывающее разрѣшеніе данной проблемы до будущаго времени, когда международное общеніе достигнетъ болѣе совершенной организаціи; къ этому направленію слѣдуетъ отнести и трудъ *Ященко* [6]).

[1]) См. нашъ трудъ. „Междувластныя и властныя отношенія въ теоріи права", 1912 г., стр. 330 и сл.

[2]) Princip und Zukunft des Völkerrechts, Berlin, 1871, s. 12 ff.

[3]) Staat, Recht und Völkerrecht, 1890, s. 46 ff.

[4]) Trattato di diritto internationale pubblico, v. 1, p. 116 ss.

[5]) Международное право, Москва 1908 г., стр. 15.

[6]) Теорія федерализма, Юрьевъ 1912 г., стр. 805, 811.

Въ связи съ настоящимъ вопросомъ, мы позволимъ себѣ формулировать слѣдующія положенія:

1) *Нормы международнаго права выражаютъ систему устойчивыхъ отношеній междувластнаго равновѣсія.* Коллизія взаимно уравновѣшенныхъ властей, другъ къ другу не подчиненныхъ, требуетъ, въ цѣляхъ ея возможнаго примиренія, болѣе точнаго размежеванія коллидирующихъ компетенцій и, прежде всего, установленія пространственной сферы верховенства, въ предѣлахъ которой мѣстная власть могла бы нераздѣльно господствовать. На почвѣ данной потребности возникаетъ понятіе государственной территоріи, какъ сферы исключительнаго, нераздѣльнаго властвованія даннаго государства, «непроницаемой», въ этомъ смыслѣ, для чужого верховенства. Мы встрѣчаемся далѣе съ явленіями раздѣльнаго властвованія, или подѣленія, въ границахъ опредѣленнаго пространства, различныхъ актовъ господства, по общему правилу входящихъ въ нераздѣльную компетенцію государства. Подобное предметное разграниченіе властей обнаруживается въ полосѣ такъ называмаго берегового моря, служащей какъ бы переходною стадіей отъ нераздѣльнаго властвованія, характернаго для государственной территоріи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, къ совмѣстному властвованію державъ въ открытомъ морѣ. Непроницаемость верховенства въ предѣлахъ основной государственной территоріи не является, однако, абсолютной. И здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіями коллизіи властей, ограничивающей исключительность и нераздѣльность территоріальнаго господства. И здѣсь территоріальная власть становится объектомъ различныхъ внѣшнихъ воздѣйствій. Но воздѣйствія эти не упраздняютъ мѣстнаго суверенитета, поскольку, съ одной стороны, послѣдній сохраняетъ за собой доминирующее положеніе, а съ другой стороны, возникающая на этой почвѣ международная зависимость различныхъ державъ остается взаимно уравновѣшенной и, такимъ образомъ, удовлетворяетъ требованіямъ юридическаго равенства подлежащихъ субъектовъ международнаго права. Въ этихъ условіяхъ слагаются нормы международнаго права, расширяющія (и соотвѣтственно ограничивающія) компетенцію одного государства въ пользу другого и обратно, таковы, напр., нормы посольскаго, консульскаго права, конфликтныя нормы международнаго частнаго и уголовнаго права, различныя нормы права войны (напр., регулирующія оккупацію непріятельской территоріи), нормы нейтралитета и т. д. Территоріальное разграниченіе властей, на которомъ мы только что останавливались, сопровождается разграниченіемъ личныхъ отношеній зависимости, возникающихъ на началахъ подданства и соотвѣтствующими явленіями коллизіи заинтересованныхъ властей. Но и здѣсь международная регламентація коллидирующихъ компетенцій (см., напр., нормы взаимоотношенія территоріальной и личной властей,

нормы пріобрѣтенія и потери подданства и др.) стремится внести равновѣсіе въ систему взаимныхъ ограниченій и сдержекъ.

«Отрицательная зависимость» государствъ (акты противодѣйствія) дополняется «положительной зависимостью» (содѣйствующіе акты), — сознаніемъ, что въ условіяхъ взаимной изолированности заинтересованныя державы не въ состояніи длительно удовлетворять потребностямъ населенія. Сознаніе этой зависимости, достигающее неодинаковой степени интенсивности и отчетливости на различныхъ ступеняхъ международноправовой эволюціи, полагаетъ основу мирному развитію международнаго оборота и воплощается въ сложной системѣ регулирующихъ его нормъ права. Подъ угломъ зрѣнія положительной зависимости государствъ, территорія перестаетъ быть факторомъ коллизіи и разграниченія, но становится ареной ихъ солидарнаго взаимодѣйствія. Она соединяетъ ихъ сѣтью сухопутныхъ и водныхъ путей сообщенія въ одно цѣлостное единство, призванное обслуживать культурные интересы человѣчества.

Нормы международнаго права, возникающія въ длительномъ процессѣ внѣшнихъ и внутреннихъ ограниченій, не нарушаютъ верховенства государствъ и не противорѣчатъ его руководящимъ началамъ, поскольку ограниченія эти удовлетворяютъ условіямъ международнаго равновѣсія [1]). Фактъ подобнаго равновѣсія, открыто или молчаливо признанный державами, становится правомъ, и нормы, его формулирующія, получаютъ значеніе нормъ международнаго права.

«Признаніе» является здѣсь не только субъективнымъ правомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ основаніемъ дальнѣйшихъ обязанностей, формально обусловленныхъ актомъ признанія, но и объектомъ обязанности (обязанности признавать), юридическимъ основаніемъ коей становится наличный «позитивноправовой комплексъ» международныхъ нормъ, на почвѣ котораго осуществляется правовая оцѣнка явленій международной жизни.

2) *Начало равновѣсія, характерное для международнаго права, отображаетъ въ себѣ кривую линію колебаній, обусловленныхъ соотношеніемъ взаимныхъ противодѣйствій сторонъ, коллидирующихъ другъ съ другомъ въ области международныхъ интересовъ.*

Различные институты права войны, какъ самой рѣшительной формы коллизіи, наглядно иллюстрируютъ значеніе данныхъ процессовъ, въ курсѣ которыхъ слагаются нормы международнаго права. Такъ, въ правѣ морской войны, начиная съ Consolato del mare вплоть до Лондонской конференціи 1909 г., обнаруживается смѣна различныхъ началъ, разрѣшающихъ въ томъ или иномъ направленіи соотношеніе интересовъ войны и мирнаго правопорядка. Различныя юридическія формулы оцѣнки флага

---

[1]) По поводу механики международныхъ отношеній см. нашъ трудъ (цитированный выше), гл. IV и V.

и груза и возможныхъ между ними комбинацій—la robe d'ennemi confisque celle d'ami», «le pavillon couvre (et confisque) la cargaison» etc. etc.,—ставятъ себѣ задачей разграничить взаимно исключающіе интересы комбатантовъ и нейтральныхъ и установить компромиссъ между ними. Сравнивая различные историческіе періоды, не трудно обнаружить колебательный ритмъ соотвѣтствующихъ тенденцій, склоняющихся въ сторону большаго или мѣньшаго обслуживанія интересовъ той или иной стороны, какъ это выразилось, напр., въ длинной серіи французскихъ ордоннансовъ 1533, 1543, 1584 и 1681 гг., а также въ англійскомъ «правилѣ войны» 1756 г., утвердившихъ первенство за интересами воюющихъ, или, съ другой стороны, въ нормахъ Consolato del mare, въ Утрехтскихъ договорахъ 1713 г., въ актахъ «вооруженнаго нейтралитета» 1780 и 1800 гг., въ трудахъ Гаагской мирной конференціи 1907 г. и въ Лондонской декларации о правѣ морской войны 1909 г., стремившихся обезпечить интересы не только воюющихъ, но также и нейтральныхъ державъ. Колебанія эти подчиняются доминирующимъ въ данную эпоху интересамъ, и если наступаютъ моменты господства идеи войны, какъ, напр., въ эпоху «континентальной системы» и въ тяжкіе годы переживаемой нынѣ великой борьбы культурнаго міра съ завоевательнымъ натискомъ германизма, то все же идея мирнаго правопорядка стремится себя обнаружить въ построеніи различныхъ противовѣсовъ, призванныхъ по возможности компенсировать нарушенное равновѣсіе междувластныхъ интересовъ. Тенденція воздалнія «suum cuique» рельефно выражена нормами Гаагской мирной конференціи 1907 г. и Лондонской морской конференціи 1909 г., формулирующими систему началъ, призванныхъ внести равновѣсіе въ коллизію интересовъ войны и нейтральной торговли, чему наглядными примѣромъ могутъ служить, напр., хотя бы нормы неприкосновенности непріятельскаго груза подъ нейтральнымъ флагомъ и обратно, нормы, касающіяся морской военной контрабанды, различныхъ услугъ воюющему, а также относящіяся къ институту блокады.

3) *Оцѣнка явленій международнаго равновѣсія осуществляется въ плоскости «вѣроятной» эволюціи общественныхъ отношеній.* Мы судимъ о будущемъ на основѣ минувшаго, согласно данными «вѣроятной» перспективы грядущихъ событій. Нарушеніе соціальнаго равновѣсія въ сферѣ внутренней государственной жизни (поскольку рѣчь идетъ о взаимоотношеніи организованной власти и подчиненнаго ей населенія) дастъ картину «властно-правной» системы отношеній, носящей «позитивный» характеръ подъ угломъ зрѣнія вѣроятной устойчивости сложившагося правопорядка; точно также и въ области международнаго права соотношеніе государствъ признается «междувластнымъ» въ той мѣрѣ, въ какой слагается представленіе о вѣроятномъ равновѣсіи властей подлежащихъ

субъектовъ и степени устойчивости даннаго равновѣсія. «Вѣроятность» является показателемъ актуальности (дѣйственности), «позитивности», права—нормативный порядокъ, лишенный вѣроятности осуществленія, становится соціальной утопіей. Съ другой стороны, вѣроятное направленіе событій общественной жизни соотвѣтственно отражается на положительномъ правѣ—такова нормативная сила фактическаго. Въ обоихъ случаяхъ обнаруживается связь нормы съ дѣйствительностью: сознаніе движется отъ «права» къ «факту» и обратно въ планѣ представляемыхъ «вѣроятностей».

При такихъ условіяхъ, ссылка на фактическое неравенство государствъ не противорѣчитъ началу международнаго равновѣсія и нормамъ международнаго правопорядка: если совокупность явленій неравенства, характеризующихъ взаимоотношеніе двухъ или нѣсколькихъ державъ, получаетъ, съ точки зрѣнія «вѣроятности», значеніе устойчиваго нарушенія соціальнаго равновѣсія между ними, то правопорядокъ, ихъ формулирующій, становится «властно-правнымъ»; наоборотъ, при наличности устойчиваго равновѣсія слагается «международный» порядокъ. Отдѣльные факты равенства (въ первомъ случаѣ) и неравенства (во второмъ), остающіеся за скобками вѣроятностей, не отражаются на общей системѣ правопорядка.

4) *Содержаніе международноправового «комплекса», служащаго основаніемъ для юридической оцѣнки явленій международной жизни, слагается путемъ постепеннаго нарастанія фактовъ, содѣйствующихъ въ томъ или иномъ направленіи текущимъ потребностямъ международнаго оборота.* Правотворчество движется здѣсь отъ частнаго къ общему, отъ конкретной дѣйствительности къ абстрактнымъ нормамъ, формулируемымъ по поводу и черезъ посредство данной дѣйствительности; такъ, напр., дѣло Алабамы привело къ Вашингтонскому компромиссу 1871 г., руководящія начала котораго, формулированныя для Женевскаго третейскаго трибунала, были впослѣдствіи рецепированы дѣйствующими нормами нейтралитета. И можно сказать, что важнѣйшія нормы посольскаго, консульскаго права, такъ назыв. «условіе наибольшаго благопріятствованія», различныя нормы войны и нейтралитета и др. выросли путемъ постепеннаго обобщенія группы международныхъ явленій, получившихъ признаніе государствъ, въ виду ихъ положительной цѣнности для интересовъ международнаго правопорядка и, такимъ образомъ, ставшихъ интегральною частью «международноправового комплекса». Возникшія въ итогѣ этого обобщенія нормы, въ свою очередь, получили значеніе основаній для юридической оцѣнки отдѣльныхъ международныхъ явленій, открывая обратный процессъ движенія правосознанія отъ общаго къ частному. Содержаніе этого комплекса не является разъ навсегда установленнымъ. Оно развивается соотвѣтственно развитію между-

народной жизни, создавая «пластичныя» формы права, приспособляющіяся къ запросамъ соціальной дѣйствительности.

Рѣшительно отвергая (въ силу отмѣченныхъ соображеній) *«международную независимость»* государствъ, тѣмъ болѣе возведенную въ высшую категорію *«основного»* права, мы тѣмъ самымъ оспариваемъ дальнѣйшую возможность обоснованія «клаузулы» при посредствѣ *фикціи* государственной независимости, лишенной всякаго жизненнаго содержанія.

Теорія самосохраненія. Съ принципомъ «свободы» и «независимости» нерѣдко связуется идея «самосохраненія». По мнѣнію *Ф. Ф. Мартенса,* международный договоръ теряетъ свою силу, если соблюденіе его «ставить государство въ опасность» [1]), такъ какъ «право самосохраненія», наряду съ «правомъ независимости» является «основнымъ» международнымъ правомъ государствъ [2]). Въ томъ же направленіи аргументируетъ и *Rivier,* для котораго «независимость» и «самосохраненіе» представляются также двумя неразрывно связанными между собою «основными» правами [3]). Понятіе «самосохраненія» пріурочивается, при этомъ, къ «благополучію» государства, къ защитѣ его «существенныхъ интересовъ», «свободнаго», или «естественнаго» развитія». Публичная власть, говоритъ *Mérignhac* [4]), не вправѣ заключать такихъ договоровъ, которые навѣки связывали бы будущія поколѣнія. Нельзя исполнять обязательствъ, угрожающихъ «существеннымъ интересамъ» страны. «Благополучіе государства» является «высшимъ закономъ». При коллизіи договора съ высшими государственными цѣлями, къ коимъ прежде всего относится «самосохраненіе», упраздняется, полагаетъ *Jellinek* [5]), связующая сила договора. Связанность государства на вѣчныя времена противорѣчила бы его природѣ, ибо жизнь государства не ограничена временемъ, и на протяженіи вѣковъ государство испытываетъ величайшія метаморфозы. «Что имѣется общаго между Франціей эпохи Каштинговъ и современной французской республикой, или между Англіей Альфреда Великаго и Англіей королевы Викторіи? Можно ли допустить, чтобы государство прошлаго властвовало надъ его настоящимъ и будущимъ. Вѣдь это означало бы полную остановку государственной жизни и наступленіе конца всемірной исторіи!» Цѣль права—въ сохраненіи условій человѣческаго общежитія. Но къ этимъ условіямъ принадлежитъ, прежде всего, государственная организація въ ея свободномъ развитіи. Слѣдовательно, все ей препятствующее никогда не можетъ стать правомъ. Какое бы уваженіе мы ни

---

[1]) Назв. соч., т. I, стр. 436.
[2]) Тамъ же, т. I, стр. 303, 307.
[3]) Op. cit., II, p. 128 et s.
[4]) Op. cit., II, p. 670.
[5]) Die rechtliche Natur der Staatenverträge, Wien 1880, s. 62 fg.

питали къ международному договору, какъ таковому, нельзя допускать, утверждаетъ *Chrétien* [1]), чтобы онъ становился препятствіемъ на пути естественнаго развитія государства и угрожалъ его бытію. Отказъ отъ подобнаго договора достаточно обоснованъ присущимъ каждому государству правомъ самосохраненія. Государство, замѣчаетъ *Pédelièvre* [2]), вправѣ отказаться отъ договора, угрожающаго его публичнымъ интересамъ. Согласно *Bonucci* [3]), въ международномъ оборотѣ нѣтъ высшей «юридической цѣнности», сравнительно съ цѣнностью «поступательной жизни государствъ». Слѣдуетъ признать «естественнымъ закономъ» этой жизни, что государства не соблюдаютъ договоровъ, исполненіе коихъ представляется имъ болѣе тягостнымъ, чѣмъ ихъ нарушеніе. Это право оцѣнки, получившее обычно-правовое признаніе, сохраняетъ силу не только по отношенію къ договорамъ, но также и самимъ нормамъ международнаго права. Оно является «основнымъ правомъ» государствъ, оправдывающимъ, въ случаяхъ необходимости, вооруженныя дѣйствія нейтральнаго государства, нарушеніе угрожаемымъ государствомъ незначительныхъ правъ третьяго (не виновнаго) государства, а также—нарушеніе правилъ войны. Оно оправдываетъ далѣе такъ назыв. «arrêt du prince, jus angariae» (подъ условіемъ, однако, возмѣщенія убытковъ), «relache forcée» и, въ исключительныхъ случаяхъ, акты вмѣшательства. Понятіе «психической» необходимости является «цѣлевымъ». Но высшая цѣль государства—развитіе государственной жизни. И эта цѣль господствуетъ надъ всѣми правами и нормами, какъ внутренней, такъ и внѣшней государственной жизни. Данное правило обладаетъ силой обычнаго права, оно представляется нормой не только «политической», но также «юридической», поскольку юридическая норма прежде всего обязуетъ государство къ осуществленію такихъ дѣйствій, которыя являются средствомъ для достиженія высшей цѣли. Подобная воля въ государствѣ сильнѣе закона, она всегда есть и пребываетъ, она предшествуетъ всякому закону и переживаетъ его и подчиняетъ себѣ все многообразіе законовъ. «Клаузула» является выраженіемъ даннаго принципа и, въ этомъ смыслѣ, не противорѣчитъ правопорядку, но согласуется съ нимъ.

Не менѣе рѣшительно высказывается *Kaufmann*. «Независимость», замѣчаетъ послѣдній, не можетъ разсматриваться въ качествѣ «основного» международнаго права. Наоборотъ, слѣдуетъ сказать, что всякое правоотношеніе международнаго характера постулируетъ состояніе взаимной зависимости подлежащихъ субъектовъ. Точно также «равенство», «уваженіе», «взаимныя сношенія» державъ не являются «правами». Го-

[1]) Op. cit., I, p. 359.

[2]) Op. cit., I, p. 312.

[3]) Die clausula rebus sic stantibus im zwischenstaatlichen Recht (Zeitschr. für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht, Breslau 1910, Bd. IV S. 449 u. ff.

сударства материяльно другъ другу неравны. Допустимо говорить лишь о чисто-формальномъ равенствѣ ихъ международной правоспособности (въ этомъ случаѣ, равенство—«тавтологія» понятія международной субъективности»). Право на «уваженіе»—не основное право, а простое притязаніе на обычныя формы вѣжливости въ международномъ оборотѣ [1]). «Взаимныя сношенія» также не право, но фактическое предположеніе международнаго права. Единственнымъ, но зато дѣйствительно «основнымъ правомъ» слѣдуетъ признать «самосохраненіе», въ силу котораго всякое существенное измѣненіе «statu quo» взаимоотношенія державъ достаточно обосновываетъ возстановленіе ихъ прежней самостоятельности [2]). Единственная цѣль международнаго права—обезпеченіе государственныхъ интересовъ, опредѣляемыхъ правомъ самосохраненія, каковое, въ свою очередь, составляетъ объективный принципъ международнаго права, поскольку субъектъ его, государство, само въ себѣ заключаетъ объективную цѣнность. Международное договорное право зиждется на солидарности международныхъ интересовъ и ограничивается сферой послѣднихъ [3]). Всѣ международные договоры имѣютъ опредѣленную имманентную границу: они должны и хотятъ связывать лишь постольку, поскольку соотношеніе силъ и интересовъ, характерное для заключеннаго договора, не претерпѣваетъ такого существеннаго измѣненія, при которомъ содержаніе соглашенія оказалось бы несовмѣстимымъ съ правомъ самосохраненія [4]).

Осторожнѣе выражается *Despagnet* [5]): онъ полагаетъ, что односторонній отказъ отъ договора допустимъ, когда содержаніе договора угрожаетъ политическому или экономическому бытію государства, причемъ необходима наличность «дѣйствительной опасности», недостаточно кон-

---

[1]) Op. cit., S. 195.

[2]) ibid., S. 196.

[3]) ibid., S. 192 u ff.

[4]) ibid,, S. 204.

[5]) Op. cit., p. 497.—См. также *Louis Olivi*, D'un cas controversé de cessation de la force obligatoire des traités internationaux (Rev. de dr. int. et de législ. comp., 1891. T. XXIII, p. 590 et ss.): „Si les nouvelles conditions rendent la prestation, quoique possible encore, incompatible avec l'existence même de l'État, nous n'hésitons pas à dire que tout engagement demeure éteint en vertu des principes supérieurs de droit. Car les traites qui servent à favoriser le bien-être des États contractants ne peuvent opérer la destruction de l'un d'eux. Il en serait de même si l'accomplissement de la prestation empêchait d'une façon absolue *tout développement possible* de la vie de l'État. Dans le cas également, le droit nécessaire réclame la cessation d'un rapport, juridique consensuel. Mais si un *développement quelconque* de l'Etat est possible et conciliable avec l'observation de l'accord, l'obligation de le remplir subsistera, sauf la démonstration d'une volonté différente des contractants. Il faut donc, à cet égard et pour les conséquences de droit, distinguer ce qui est nécessaire de ce qui est seulement *utile* à l'État" (pp. 607 et suiv).

статировать фактъ отрицательнаго вліянія договора на «развитіе» государства.

Таковы главнѣйшія основанія, обычно приводимыя въ пользу «клаузулы»: международный договоръ, ставшій въ противорѣчіе съ своей цѣлью, посягающій на независимость государствъ, на ихъ право самосохраненія, теряетъ свою юридическую силу съ момента одностороняго отказа заинтересованнаго государства отъ его дальнѣйшаго исполненія [1]).

Недостаткомъ теоріи самосохраненія является тотъ исключительный уголъ зрѣнія, при посредствѣ котораго осуществляется ею оцѣнка международныхъ отношеній. Тенденціозно стушая краски на явленіяхъ борьбы и конкурренціи, возникающихъ въ условіяхъ «отрицательной» взаимной зависимости державъ, коллидирующихъ на міровой аренѣ, и почти совершенно игнорируя ту «положительную», равнымъ образомъ взаимную, зависимость политически организованныхъ народовъ, которая связываетъ ихъ, несмотря на факты коллизіи, въ культурное товарищеское общеніе, теорія самосохраненія, столь претендующая на глубокое знаніе жизненной правды и трезвость сужденій, въ дѣйствительности грѣшитъ противъ этой правды и создаетъ рискованныя обобщенія цѣпью внутреннихъ противорѣчій и рѣшительныхъ искаженій событій общественной жизни.

По мнѣнію *Kaufmann'a* [2]), «миръ»—чисто «отрицательное» понятіе, посредствомъ котораго констатируется прекращеніе борьбы за обладаніе цѣнностями, т.-е. имъ означается фактъ предшествующаго подѣленія благъ, но миръ, какъ таковой, не служитъ принципомъ для подобнаго подѣленія. Что состояніе мира свидѣтельствуетъ о прекращеніи вооруженной борьбы—съ этимъ мы, конечно, согласны, но ограничиваться при опредѣленіи понятія мира такимъ внѣшнимъ и отрицательнымъ признакомъ едва ли допустимо. Миръ—нѣчто большее, чѣмъ простое прекращеніе борьбы: онъ означаетъ сотрудничество, замѣну актовъ противодѣй-

---

[1]) *G. Rolin-Jaequemyns*, исходитъ изъ идеи „матерьяльной и моральной невозможности“ исполненія международнаго договора. La Question d'Orient en 1885—1886 (Rev. de dr. int. et de législ. comp., T. XIX: „Les partisans de la négative redoutent que l'abus de cette clause ne subordonne l'exécution des promesses les plus sacrées au caprice d'un des contractants. Il faut sans doute se garder de cet excès, en n'admettant comme circonstances nouvelles que celles qui équivalent à une impossibilité matérielle ou morale d'exécution, ou qui désintéressent la partie au profit de laquelle l'exécution devait se faire. Mais ce n'est pas là une raison pour repousser la clause même. En réalité, son application raisonnable, faite après examen contradictoire, donne le seul moyen d'assigner une limite pacifique aux conventions internationales conclues pour un temps indéterminé. Hors de là, on arrive ou bien à considérer ces conventions comme éternelles—ce qui serait absurde—ou bien à ne plus pouvoir les dénouer que par la force“ (p. 46).

[2]) Op. cit., S. 151.

ствія системой взаимно содѣйствующихъ отношеній. Миръ несетъ съ собой «благую вѣсть» о совмѣстной работѣ народовъ во имя общей культуры и ея жизненныхъ цѣнностей. Простое прекращеніе борьбы не въ состояніи создать сложной сѣти международныхъ административныхъ союзовъ, призванныхъ обслуживать интересы человѣчества. Суммированіемъ (хотя бы до безконечности) чисто отрицательныхъ, воздержательныхъ актовъ (достаточныхъ, однако, для понятія «прекращенія борьбы») нельзя положить основы творческому, созидательному правопорядку, какъ высшему выраженію мира, или состоянія общественной солидарности. Миръ является условіемъ и, въ этомъ смыслѣ, несомнѣннымъ принципомъ сотрудничества и устойчиваго подѣленія благъ. Внѣ мирнаго правопорядка невозможно ни то, ни другое. Впрочемъ, доктрина «самосохраненія» стремится замаскировать крайности своихъ выводовъ. Такъ, авторъ интируемаго труда замѣчаетъ, что международное договорное право является выраженіемъ «общихъ интересовъ», связующихъ государства [1]). «Общность интересовъ», говоритъ онъ, «можетъ и должна служить основой координаціонному международному праву» [2]). Оказывается далѣе, что «существуетъ такъ много постоянныхъ общихъ интересовъ, что ради нихъ слѣдуетъ жертвовать преходящими сепаратными интересами, если только они не затрагиваютъ дѣйствительно жизненныхъ вопросовъ» [3]). Очевидно, что миръ, при данныхъ условіяхъ, получаетъ иную окраску, становится положительнымъ состояніемъ совмѣстной работы державъ на почвѣ общихъ имъ интересовъ. Къ сожалѣнію, для апологетовъ войны, къ числу коихъ слѣдуетъ причислить и *Kaufmann'a* [4]), миръ—прекарное и лишь относительно правомѣрное явленіе, такъ какъ право всегда коренится въ силѣ и единственнымъ закономъ для «координированныхъ» въ международномъ порядкѣ субъектовъ остается верховное начало: «Nur der, der kann, darf auch» [5]).

Возражая противъ данной доктрины, мы не ставимъ себѣ задачей отвергать существенность принципа самосохраненія для международнаго права. Самосохраненіе—общій біологическій законъ и, какъ таковой, несомнѣнно распространяется на всю область права, а слѣдовательно и на явленія междугосударственной жизни. Всякое право должно прежде всего считаться съ психологіей общества, съ естественными стремленіями,

---

[1]) ibid., S. 160.

[2]) ibid., S. 190.

[3]) ibid., S. 191.

[4]) ibid., S. 151 ff., 153.

[5]) Въ этомъ отношеніи интересна аргументація дарвинистовъ философовъ войны: см., *R. Steinmetz*, Die Philosophie des Krieges (Natur-und kulturphilosophische Bibliothek, Bd. VI), Leipzig 1907, S. 190. ff., 196 ff. *K. Wagner*, Krieg, eine politisch-entwickelungsgeschichtliche Untersuchung, Jena 1906, S. 45 ff., 51 ff. *J. Schlaf*. Der Krieg, S. 25 ff.

влеченіями и прочими переживаніями людей, а слѣдовательно и съ такъ называемымъ чувствомъ, или инстинктомъ самосохраненія. Въ этомъ смыслѣ, всякое право, претендующее на «позитивность», должно быть «естественнымъ». Правопорядокъ, призванный обслуживать соціальныя потребности, долженъ основываться на человѣческой природѣ, долженъ воспринимать ея жизненное содержаніе, иначе онъ окажется совершенно безсильнымъ передъ лицомъ дѣйствительности, не въ состояніи будетъ вліять на мотивы человѣческаго поведенія. Праву надлежитъ не отрѣшаться отъ жизни, но преображать жизнь, воздѣйствовать на нее въ опредѣленномъ направленіи, культивируя общежительные элементы человѣческихъ отношеній и подавляя развитіе антисоціальныхъ тенденцій. Въ этомъ планѣ, самосохраненіе само по себѣ отнюдь не является факторомъ враждебнымъ общественности, и если въ процессѣ возникновенія государства оно несомнѣнно сыграло не послѣднюю роль, то и въ сложившемся государственномъ правопорядкѣ оно занимаетъ вполнѣ законное мѣсто. Самосохраненіе всегда было и будетъ законнымъ импульсомъ для отстаиванія правовыхъ притязаній. Признавая такъ называемыя «личныя права», государство санкціонируетъ совокупность условій свободной самодѣятельности человѣка, утверждаетъ самосохраненіе и развитіе человѣческой личности. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно беретъ на себя, въ извѣстныхъ случаяхъ и размѣрахъ, защиту человѣческой личности даже вопреки человѣку, напр., прибѣгаетъ къ различнымъ средствамъ принудительной охраны здоровья, иначе говоря,—восполняетъ естественный инстинктъ самосохраненія, нерѣдко, въ силу различныхъ причинъ, подавленный въ индивидахъ. Защита жизненныхъ интересовъ является одной изъ важнѣйшихъ функцій правопорядка, и борьба за право составляетъ логическій выводъ изъ притязательной природы всякаго правомочія. Признавать этотъ фактъ можно и не будучи правовѣрнымъ дарвинистомъ, доктринеромъ «классовой борьбы» или поклонникомъ государственнаго абсолютизма и мировой завоевательной политики, въ духѣ современнаго германскаго имперіализма.

Если «самосохраненіе»—существенный факторъ соціальной дѣйствительности, то само собой разумѣется, что соотвѣтствующія явленія должны обнаруживаться и въ международной жизни, съ тѣмъ, однако, особеннымъ отпечаткомъ, который на нихъ налагается своеобразной природой международнаго правопорядка. Этотъ особый отпечатокъ не слѣдуетъ усматривать въ томъ обстоятельствѣ, что внутри государства самосохраненіе ограничивается нормами права, а въ международныхъ отношеніяхъ оно будто бы не встрѣчаетъ правовыхъ ограниченій, становится неограниченнымъ выраженіемъ государственнаго верховенства. Признавать подобнаго рода верховенство въ смыслѣ безконтрольнаго хозяйничанья отдѣльныхъ государствъ на международной аренѣ, хотя бы

и во имя весьма растяжимаго понятія самосохраненія, значитъ отрицать международное право, какъ право (къ чему и приходятъ нѣкоторые юристы, за которыми мы не хотѣли бы слѣдовать). Должно, однако, оговориться, что этотъ выводъ вполнѣ гармонируетъ съ суверенитетомъ, какъ «юридической независимостью». Въ самомъ дѣлѣ, если каждое суверенное государство обладаетъ основнымъ правомъ независимости, то нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній отрицать за нимъ юридическую возможность активно бороться съ тѣмъ процессомъ возрастанія отношеній зависимости, который осуществляется въ руслѣ международной жизни. Идея независимости, не считающаяся съ фактомъ взаимной зависимости державъ, лежащей въ основѣ ихъ товарищескаго сотрудничества, логически приводитъ къ конфликту суверенитета съ международнымъ правопорядкомъ. То же слѣдуетъ сказать и по поводу самосохраненія, какъ верховнаго закона международной жизни. Исходя изъ него и разсматривая индивидуальное государство, «государственную личность», въ качествѣ единственнаго «объективнаго принципа» международнаго права, *Kaufmann* [1]) хотя и отрицаетъ независимость государствъ (въ этомъ сто несомнѣнная заслуга) [2]), но все же приходитъ къ аналогичному выводу и, что въ особенности печально, самъ колеблетъ устои того «координаціоннаго» права [3]), которое онъ (вполнѣ справедливо) положилъ въ основу международнаго правопорядка. О какой, въ самомъ дѣлѣ, реальной координаціи можно еще говорить, когда каждое единичное государство оказывается вправѣ дѣлать рѣшительно все, что ему угодно, въ цѣляхъ самосохраненія. Подобная «координація» въ дѣйствительности становится «субординаціей» всѣхъ чужихъ, иностранныхъ государствъ въ пользу отечественной державы.

Для большей ясности вопроса, мы предлагаемъ слѣдующую перестановку понятій «самосохраненія» и «международнаго права», а именно, сужденіе: «международное право опредѣляется особенностями процессовъ самосохраненія въ междугосударственныхъ отношеніяхъ» мы замѣняемъ обратной формулой: «особенности процессовъ самосохраненія въ этой области опредѣляются международнымъ правомъ», т.-е. своеобразной структурой междувластнаго равновѣсія, лежащаго въ основѣ международнаго правопорядка и соотвѣтственно отражающагося на условіяхъ и формахъ самосохраненія подлежащихъ субъектовъ. Поясникъ нашу мысль:

1) При «властно-правной» зависимости, утвержденной на устойчивомъ нарушеніи соціальнаго равновѣсія, право самосохраненія ограничивается авторитарнымъ воздѣйствіемъ извнѣ, обязующимъ подчиненныхъ приспособляться къ велѣніямъ господствующаго (этой обязанности кор-

[1]) ibid., S. 192.
[2]) ibid , S. 195.
[3]) ibid., S. 160, 178, 190.

респондируетъ право властителя на осуществленіе соотвѣтствующихъ актовъ распоряженія). Что касается взаимоотношенія подвластныхъ между собою, то и здѣсь право самосохраненія подлежащихъ лицъ регулируется верховною волей, опредѣляющей границы и условія его осуществленія.

2) Иными признаками характеризуется «междувластная» зависимость, выражающая наличность устойчиваго соціальнаго равновѣсія взаимодѣйствій заинтересованныхъ субъектовъ. Здѣсь отсутствуетъ одностороннее подчиненіе, а слѣдовательно и обязанность приспособляться къ господствующему. Очевидно, что при такихъ условіяхъ отпадаетъ возможность авторитарной регламентаціи всѣхъ вообще субъективныхъ правъ, обусловленныхъ междувластной правоспособностью, въ томъ числѣ и права самосохраненія. Послѣднее (если только признать за нимъ значеніе субъективнаго права) окажется приблизительно въ такомъ же положеніи, какъ и всякое другое, напр., право заключенія договоровъ, право представительства и т. д. И тѣ, и другія права имѣютъ одно общее имъ всѣмъ юридическое основаніе—междувластный правопорядокъ. Договоръ международный тѣмъ и отличается отъ юридическихъ сдѣлокъ, заключаемыхъ гражданами, что договаривающіяся стороны, въ первомъ случаѣ, вообще (а не только въ отношеніи другъ друга) не подвластны, тогда какъ во второмъ—подчинены государственному верховенству. То же должно сказать и по поводу права представительства и другихъ правъ. Каждое изъ нихъ получаетъ своеобразную окраску, благодаря тому состоянію неподчиненности, въ которомъ находятся подлежащіе субъекты и которое сообщаетъ связующему ихъ правоотношенію особый, отличительный отпечатокъ.

Соображенія, отмѣченныя выше, приложимы ко всей теоріи самосохраненія, независимо отъ ея разновидностей. Что бы ни признавалось объектомъ послѣдняго—«благополучіе» государства *(Mérignhac)*, его «свободное» *(Jellinek)* или «естественное» *(Chrétien)* развитіе и проч.,—идея самосохраненія сама по себѣ останется недостаточной для выясненія и юридическаго обоснованія «клаузулы» въ международномъ правѣ.

Глава II.

„Клаузула", какъ выраженіе „динамо-телеологической" оцѣнки.

§ 3.

Общія замѣчанія.

«*Международный договоръ эффективенъ лишь «rebus sic stantibus»—онъ дѣйствуетъ при наличности (или отсутствіи) извѣстныхъ данныхъ, юридически существенныхъ для его бытія.* Такъ, важнѣйшимъ положительнымъ условіемъ для большинства международныхъ договоровъ является наличность мирнаго правопорядка—война, вносящая рѣшительный переворотъ въ многообразіе политическихъ, экономическихъ и прочихъ взаимоотношеній, сложившихся въ періодъ мира, упраздняетъ всѣ договоры, для которыхъ мирный оборотъ былъ постулятомъ; само собой разумѣется, что договоры, спеціально заключенные на случай войны (напримѣръ, Женевская конвенція о раненыхъ и больныхъ воинахъ 1864 г., нынѣ 1906 г., различныя нормы войны, кодифицированныя Гаагскими мирными конференціями 1899 г. и 1907 г. и др.) сохраняютъ силу и во время вооруженной борьбы, поскольку она не нарушаетъ гипотезы соглашенія. Дальнѣйшимъ основаніемъ прекращенія международнаго договора является сознательное нарушеніе его (хотя бы частичное) одною изъ сторонъ. Подобный поступокъ, по общему правилу, сообщаетъ контрагенту право упраздненія договорнаго отношенія (въ иномъ положеніи находятся договоры гражданскаго типа). То же слѣдуетъ сказать по поводу событій, предусмотрѣнныхъ резолютивнымъ условіемъ (и истеченія срока договора). И здѣсь наступленіе опредѣленныхъ фактовъ (эвентуально срока) уничтожаетъ международное соглашеніе—то, что обладало способностью связывать (создавать права и обязанности) становится юридически безсильнымъ, непродуктивнымъ, ничтожнымъ. Договороупразднительные факты зависятъ частью отъ воли сторонъ (напр., прекращеніе договора по обоюдному согласію, односторонній отказъ), частью возникаютъ въ силу событій, не зависящихъ отъ хотѣнія контрагентовъ—къ

числу ихъ относятся случаи смерти одного изъ нихъ или обоихъ, уничтоженія объекта договора. Препятствіе исполнимости договора можетъ быть, при этомъ, «физическимъ» (напр., уничтоженіе объекта) или «психическимъ» (по терминологіи нѣкоторыхъ—«юридическихъ»), напр., Пражскій миръ 23 августа 1866 г. реставрировалъ всѣ договоры и соглашенія, заключенные ante bellum, кромѣ тѣхъ, возстановленіе коихъ не могло бы осуществиться «...en vertu de leur nature même, par la dissolution de la Confédération germanique».

Несмотря на различіе приведенныхъ примѣровъ, они обладаютъ общимъ признакомъ: *гипотеза* международнаго договора опредѣляетъ его судьбу—международный договоръ условенъ, гипотетиченъ. Признакъ этотъ налицо и въ «клаузулѣ». Онъ отличается отъ нѣкоторыхъ, отмѣченныхъ выше основаній прекращенія договоровъ (напр., при наступленіи резолютивнаго условія или истеченіи срока) въ томъ отношеніи, что договороупразднительные факты въ нихъ заранѣе предусмотрѣны и точно опредѣлены, между тѣмъ какъ «клаузула» имѣетъ «бланкетный» характеръ (кромѣ того, она относится къ случаямъ «психической», а не «физической» неисполнимости соглашенія). «Клаузула» является логическимъ выводомъ изъ общаго принципа «гипотетичности» международныхъ договоровъ. Она составляетъ неразложимый остатокъ «pactum-consensus», тотъ формально не выраженный комплексъ предположеній, коимъ опредѣляется судьба договора (что, конечно, не исключаетъ возможности ея формально-бланкетнаго признанія въ самомъ текстѣ соглашенія).

Начало «rebus sic stantibus» не представляется, однако, специфическимъ признакомъ однихъ лишь международныхъ договоровъ. Оно распространяется на всѣ вообще явленія международнаго права. Не только бытіе государства составляетъ фактическое и юридическое предположеніе тѣхъ правовыхъ отношеній, которыя слагаются въ условіяхъ международной координаціи, но и различныя метаморфозы, переживаемыя государствами, сплошь и рядомъ отражаются не только на содержаніи производныхъ правъ, но и на самой правоспособности подлежащихъ субъектовъ. Напримѣръ, заключеніе уніи лишаетъ данное государство самостоятельнаго международнаго представительства, образованіе федераціи существенно ограничиваетъ или даже и вовсе лишаетъ ея членовъ, бывшихъ прежде суверенными, правоспособности въ области международныхъ отношеній. То же должно сказать по поводу превращенія въ «вассальное» государство и, до извѣстной степени, поступленія подъ «протекторатъ», нерѣдко маскирующій потерю верховенства. Далѣе, институтъ «постояннаго нейтралитета» создаетъ особый «статусъ», ограничивающій (цѣною опредѣленныхъ компенсацій) осуществленіе права войны и нѣкоторыхъ другихъ правъ, принадлежащихъ суверенными державамъ. Международный оборотъ, какъ и всѣ вообще явленія жизненнаго про-

цесса, представляется непрерывнымъ «потокомъ» событій, частью закрѣпляющихъ «statu quo», частью создающихъ болѣе или менѣе рѣшительные перевороты, или сначала едва замѣтные, но неизбѣжные сдвиги въ сложившемся соотношеніи державныхъ силъ, солидарныхъ и борющихся на міровой аренѣ. Въ этомъ процессѣ «становленія» и, въ извѣстномъ смыслѣ, ритмическаго колебанія междувластнаго равновѣсія создается та конкретная, не поддающаяся учету обстановка, въ которой ростутъ и умаляются связанныя между собою различными отношеніями равенства и неравенства «великія», «среднія» и «малыя» державы, участвующія въ международномъ общеніи. На основѣ этой жизненной обстановки и въ соотвѣтствіи съ ея существенными элементами слагается «reb. s. st.» и измѣняется «reb. mut» весь правовой укладъ, подчиненный обусловливающимъ его эффективность предположеніямъ. Отмѣченное явленіе затрагиваетъ различныя стороны международной жизни. Напримѣръ, пріобрѣтая морскую прибрежную полосу, государство, бывшее доселѣ сухопутнымъ, тѣмъ самымъ становится морскою державой и получаетъ право на морской флагъ и связанныя съ нимъ преимущества, которыми прежде не обладало. Приростъ или уменьшеніе народонаселенія равнымъ образомъ отражаются или, по крайней мѣрѣ, могутъ отразиться на правоотношеніяхъ державъ (см. напр., основанія неодинаковаго участія государствъ въ «международной призовой палатѣ», согласно актамъ Гаагской Мирной конференціи 1907 г.). Данныя эффекты вліяютъ и на юридическое положеніе третьихъ державъ, расширяя въ извѣстныхъ случаяхъ или, наоборотъ, ограничивая ихъ права и обязанности. Осуществленіе государствомъ права представительства, посольскаго права, испытываетъ на себѣ воздѣйствіе различныхъ событій, имѣющихъ опредѣленную правовую значимость для международнаго правопорядка, напр., смерть главы государства или перемѣна формы государственнаго устройства влекутъ за собой необходимость назначенія новаго дипломатическаго агента или сообщенія прежнему новой «вѣрительной грамоты». То же слѣдуетъ сказать и по поводу прекращенія дипломатической миссіи въ виду войны—возстановленіе мирныхъ отношеній требуетъ возобновленія «грамотъ». Самый объемъ и содержаніе правъ и преимуществъ, принадлежащихъ посламъ, пережилъ рядъ метаморфозъ, вызванныхъ измѣненіемъ условій международной жизни (стоитъ хотя бы вспомнить постепенное превращеніе «jus quarteriorum» эпохи 16 и 17 вв., съ правомъ суда и убѣжища, въ сравнительно скромный институтъ неподсудности дипломатическихъ агентовъ мѣстнымъ уголовнымъ и гражданскимъ судамъ. Само собой разумѣется, что и консульское право испытало на себѣ всю значимость гипотетической обусловленности юридическаго положенія подлежащихъ учрежденій въ ихъ историческомъ развитіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе хотя бы

на судьбу такъ называемой «консульской юрисдикціи» и на процессъ ея упраздненія въ громадномъ большинствѣ державъ, въ связи съ измѣненіемъ внутренняго культурнаго быта и правопорядка страны, гдѣ находится консулъ. Аналогичныя явленія обнаруживаются и въ другихъ областяхъ: измѣненіе условій морской торговли и военной техники отразилось на содержаніи нормъ военно-морского права и нейтралитета (уничтоженіе каперства, эволюція понятій контрабанды, морской блокады, взаимоотношеній флага и груза etc. etc.), на размѣрахъ морской прибрежной полосы, на нейтрализаціи международныхъ путей сообщенія; современные успѣхи воздухоплаванія поставили на очередь вопросъ о цѣлесообразности переоцѣнки понятія территоріальнаго верховенства и т. д. Эти примѣры не имѣютъ, конечно, исчерпывающаго значенія. Они представляютъ собою лишь незначительную часть всей сферы права, насквозь проникнутой принципомъ условности.

Не всякое, однако, событіе упраздняетъ дѣйствующее юридическое отношеніе. Для этого требуется, чтобы новое было въ достаточной мѣрѣ устойчивымъ и чтобы возникшее положеніе вещей оказалось несовмѣстимымъ съ «statu quo ante». Такъ, измѣненіе государственной территоріи не уничтожаетъ, по общему правилу, договоровъ заинтересованнаго государства—всѣ заключенныя ранѣе соглашенія сохраняютъ силу въ предѣлахъ наличной территоріи (начало «подвижности границъ»). Государство остается субъектомъ международнаго права безотносительно къ размѣрамъ принадлежащей ему территоріи, а слѣдовательно и количественно-тождественнымъ субъектомъ дѣйствующихъ договорныхъ отношеній. Не поражаетъ эффективности трактатовъ и смѣна формъ государственнаго устройства и управленія. Всякое новое правительство обязано соблюдать договоры, подписанные прежнимъ, такъ какъ субъектомъ международныхъ правоотношеній является не тотъ или иной диспозитарій государственнаго властвованія, но само государство, сохраняющее свое единство и постоянство независимо отъ правительственныхъ перемѣнъ (это приложимо и къ революціоннымъ переворотамъ). На томъ же основаніи посуществленіе смерть монарха или президента республики для договоровъ, ими подписанныхъ—новый властитель связуется старымъ. Содержаніе нѣкоторыхъ соглашеній настолько устойчиво, что даже возникаютъ явленія принципіально чуждаго международному праву «преемства» договорныхъ отношеній: мы имѣемъ въ виду случаи перехода къ третьему государству (не бывшему контрагентомъ) такъ называемыхъ «локализованныхъ» правъ и обязанностей, а также и нѣкоторыхъ государственныхъ долговъ (связанныхъ съ опредѣленною мѣстностью).

При коллизіи стараго права съ новымъ и достаточной устойчивости сталкивающихся тенденцій, борьба между ними завершается компромиссомъ, призваннымъ совмѣстить законные интересы прежняго порядка ве-

щей съ новѣйшими требованіями. Этотъ компромиссъ облекается иногда въ крайне своеобразныя формы, идущія въ разрѣзъ сложившимся научнымъ традиціямъ (характерной иллюстраціей можетъ служить современное положеніе Папы и «законъ о гарантіяхъ» 13 мая 1871 г.). При незрѣлости новыхъ событій и несоотвѣтствіи ихъ устойчивымъ элементамъ прежняго порядка вещей, новое оказывается безсильнымъ (см. напр. ст. 7 Парижскаго трактата 1856 г., согласно которой Турція провозглашается полноправнымъ членомъ семьи европейскихъ народовъ).

Начало «reb. s. s.» обнаруживаетъ себя и въ области внутренней государственной жизни. Государственный правопорядокъ непрерывно испытываетъ на себѣ правовое воздѣйствіе событій, возникновеніе коихъ, вліяя въ опредѣленномъ направленіи на условія дѣйствующаго права, вызываетъ сознаніе необходимости соотвѣтствующаго измѣненія тѣхъ или иныхъ позитивныхъ нормъ и приспособленія ихъ къ процессамъ соціальной эволюціи. Такимъ образомъ слагается представленіе о неотложныхъ реформахъ, о необходимости «de lege ferenda» подвергнуть переоцѣнкѣ правовые институты, противорѣчащіе новымъ потребностямъ общежитія. Объектомъ оцѣнки можетъ стать любой элементъ государственнаго уклада, самый строй и основныя начала государственности отливаются въ новыя формы посредствомъ ревизіи конституціи или, при недостаточной «пластичности» ея, путемъ наростанія различныхъ обычаевъ, приспособляющихъ старыя формы къ новому содержанію политической жизни (таково, напр., значеніе конституціонныхъ обычаевъ С.-А. С. Штатовъ, постепенно приблизившихъ систему «раздѣленія властей» къ типу англо-французскаго парламентаризма. Интересенъ также процессъ расширенія компетенціи Швейцарскаго Союзнаго Совѣта въ дѣлѣ заключенія международныхъ договоровъ).

Слѣдуетъ, при этомъ, отмѣтить, что *значимость новыхъ условій правопорядка отнюдь не ограничивается фактическимъ измѣненіемъ его содержанія* (или тенденціей къ сторону этого измѣненія, вплоть до насильственныхъ, революціонныхъ переворотовъ); *она сопровождается также, что особенно важно, соотвѣтствующей эволюціей правосознанія,* въ силу чего представленіе о реформахъ ассоціируется съ нормативными переживаніями, какъ нѣчто не только цѣлесообразно-желательное, но и должное, правомѣрное подъ угломъ зрѣнія юридической оцѣнки. Иначе говоря, вопросъ возникающій de lege ferenda становится не только «политической», но одновременно и «юридической» проблемой. Свойство «правомѣрности»—продуктъ переживаемаго (въ психическомъ процессѣ) соотвѣтствія между объектомъ нормативной оцѣнки и содержаніемъ этическаго комплекса. Фактъ этого соотвѣтствія, констатируемый внутренней санкціей «признанія» (въ смыслѣ утвержденія, одобренія) получаетъ значеніе «правомѣрности». Наличность противорѣчія сознается, какъ

статусъ «неправды». «Этическій комплексъ» становится основой для оцѣнки правопорядка (въ томъ числѣ и дѣйствующихъ нормъ). Но его содержаніе не представляется неподвижнымъ; оно эволюціонируетъ соотвѣтственно росту соціальныхъ потребностей.

Такимъ образомъ, «cl. r. s. st.» выражаетъ начало *гипотетической обусловленности юридическихъ нормъ и закономѣрности ихъ развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оправданная правосознаніемъ подлежащихъ субъектовъ, она получаетъ значеніе правового принципа, который господствуетъ надъ всею областью права и сообщаетъ ему «пластичность», подвижность, а слѣдовательно и надлежащую устойчивость, приспособляемость къ потребностямъ общественной жизни.* Внутри государства эволюція права подчиняется верховной власти, вслѣдствіе нарушенія соціальнаго равновѣсія въ пользу опредѣленныхъ «властно-правныхъ» органовъ. Въ международномъ правопорядкѣ нѣтъ высшей власти, но имѣется «уравновѣшенная» взаимная зависимость властей, при наличности коей каждое государство одинаково управомочено опредѣлять судьбу договора съ точки зрѣнія данныхъ «клаузулы». Въ дѣлѣ оцѣнки послѣдней обѣ стороны равноправны. Этому праву контрагента отнюдь не корреспондируетъ обязанность другого подчиняться рѣшенію перваго. Въ границахъ принадлежащей имъ компетенціи, каждый изъ нихъ обладаетъ, выражаясь языкомъ Гегеля, «властью послѣдняго рѣшенія». На этой почвѣ возможна, конечно, коллизія, но она здѣсь является правомѣрной, не составляетъ «неправды». Послѣдняя начинается лишь тамъ, гдѣ нарушеніе «чужой» компетенціи связуется съ превышеніемъ «собственной». Праву свободной (въ этихъ границахъ) оцѣнки соотвѣтствуетъ чужая обязанность воздерживаться отъ осуществленія (по адресу коллидирующаго субъекта) актовъ уголовной кары, всегда предполагающей наличность преступленія, въ данномъ случаѣ отсутствующаго, что не исключаетъ, конечно, допустимости различныхъ мѣръ международнаго принужденія, начиная отъ реторсіи и кончая войной (но отнюдь не суда и наказанія). При наличности двусторонне-свободной оцѣнки и заинтересованности контрагентовъ въ мирномъ разрѣшеніи спора, выходомъ изъ коллизіи является компромиссъ между ними, ревизія (по взаимному соглашенію) заключеннаго договора.

Само собой разумѣется, что равноправность сторонъ въ отношеніи оцѣнки эффективности сепаратныхъ договоровъ, создающихъ различныя «производныя» права и обязанности, не освобождаетъ ихъ отъ обязанности подчиненія нормамъ объективнаго международнаго права, лежащаго въ основѣ международнаго правопорядка, поскольку, въ противномъ случаѣ, рѣчь могла бы итти не о коллизіи равноцѣнныхъ частныхъ интересовъ отдѣльныхъ державъ, но о посягательствѣ со стороны послѣднихъ на неравноцѣнные имъ общіе интересы международнаго союза. Это на-

чало высшаго авторитета объективнаго права не противорѣчитъ природѣ международнаго общенія, не превращаетъ его въ «властно-правный» порядокъ. Въ самомъ дѣлѣ, антитеза «частныхъ» и «общихъ» интересовъ отнюдь не адэкватна противоположности «междувластной» и «властной» системъ. И въ международномъ, и въ государственномъ правѣ имѣются «общіе» интересы, возвышающіеся надъ «частными» интересами. Различіе обнаруживается лишь въ организаціи «признанія» означенныхъ интересовъ: въ первомъ случаѣ, оно осуществляется посредствомъ «единогласія»; во второмъ, въ силу и на основаніи «большинства» голосовъ. Но однажды признанное въ качествѣ нормы правило поведенія не подлежитъ одностороннему упраздненію его тѣми или иными участниками международнаго общенія. Ревизія объективнаго международнаго права должна осуществляться совмѣстнымъ и единогласнымъ рѣшеніемъ всѣхъ заинтересованныхъ субъектовъ. Но и здѣсь мы должны обратить вниманіе на явленіе неодинаковости юридическаго положенія государствъ: если «великія» державы равны между собою (и то же приходится сказать по поводу «среднихъ» и «малыхъ» государствъ въ сферѣ ихъ внутри-групповыхъ отношеній), то сравнительная взаимная зависимость этихъ группъ и ихъ отдѣльныхъ членовъ далеко не адэкватна. При такихъ условіяхъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ обстоятельствѣ, что въ итогѣ «неравенства» обнаруживается фактъ преимущественнаго значенія голосовъ «великихъ» державъ на конгрессахъ и конференціяхъ, призванныхъ формулировать нормы международнаго права,—фактъ, могущій противорѣчить послѣднему (его началу «единогласія») лишь въ томъ случаѣ, если бы междугосударственныя отношенія совпадали съ междувластными (или международными въ тѣсномъ смыслѣ этого слова), но совершенно понятный и допустимый при наличности такихъ «властно-правныхъ» отношеній посредствующаго типа, которыя, не будучи «государственно-правными» (т.-е. явленіями организованной внутри-государственной жизни), вмѣстѣ съ тѣмъ выступаютъ изъ рамокъ чисто «междувластной» зависимости, всегда постулирующей и выражающей начало «равновѣсія», или «равенства» подлежащихъ субъектовъ.

«*Cl. r. s. st.*»*воздѣйствуетъ на судьбу договора соотвѣтственно четыремъ основнымъ функціямъ права:*

1) Она утверждаетъ незыблемость договорнаго комплекса при неизмѣнности объективныхъ и субъективныхъ условій соглашенія.

2) Она противодѣйствуетъ, при данныхъ условіяхъ, привхожденію какихъ-либо новыхъ элементовъ, противорѣчащихъ договору. Въ обоихъ направленіяхъ обнаруживается «консервативная» тенденція «оговорки».

3) Существенное измѣненіе прежнихъ условій служитъ достаточнымъ основаніемъ для пересмотра соглашенія—здѣсь «клаузула» творитъ и созидаетъ.

4) Наконецъ, она упраздняетъ, уничтожаетъ все, что несовмѣстимо съ новыми жизненными данными. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ выражается «прогрессивное» значеніе «оговорки». Ограничивать ея роль лишь функціей «restitutio in integrum», какъ это дѣлаетъ, повидимому, *Kaufmann*[1]), мы не считаемъ возможнымъ.

Предшествующее изложеніе посвящено общей характеристикѣ важнѣйшихъ признаковъ «клаузулы», какъ выраженія «принципа переоцѣнки» междувластныхъ правоотношеній, слагающихся въ извѣстной конкретной обстановкѣ. Но, спрашивается, какова же природа даннаго принципа? Не слѣдуетъ ли признать «клаузулу» эффектомъ чисто «политической» оцѣнки, лишенной «правовыхъ» элементовъ?

На этомъ вопросѣ намъ нужно нѣсколько остановиться.

§ 4.

Политика и право. Источники международнаго права. Ратификація.

Политика и право. Одной изъ весьма распространенныхъ, но далекихъ отъ жизни научныхъ традицій является обычное въ литературѣ противупоставленіе понятій «*права*» и «*политики*», или, выражаясь иначе, нормъ долженствованія, построенныхъ на этическихъ цѣнностяхъ, и правилъ поведенія, обоснованныхъ соображеніями цѣлесообразности.

Между тѣмъ, если обратиться къ наличному содержанію сознанія и къ тѣмъ массовымъ явленіямъ общественной жизни, въ руслѣ которыхъ слагаются и осложняются процессы индивидуальной и коллективной психологіи, то становится очевиднымъ, насколько подобное противупоставленіе двухъ, по существу будто бы различныхъ, классовъ нормъ страдаетъ тенденціозностью, не оправдываемой ни жизненнымъ опытомъ, ни требованіями научной классификаціи.

Основаніе подобной традиціи заключается въ предположеніи (возводимомъ въ какую-то аксіому), что сфера «права» ограничена, что нормы правовой оцѣнки распространяются лишь на опредѣленную группу соціальныхъ явленій, что право оцѣниваетъ человѣческія отношенія только «de lege lata» и что оцѣнка послѣднихъ «de lege ferenda» уже составляетъ проблему политики.

Предположеніе это страдаетъ крайнимъ апріоризмомъ и не считается ни съ исторіей права, ни съ психологіей нормативныхъ переживаній. Право касается всѣхъ сторонъ бытія. Въ жизни нѣтъ ничего, что было бы абсолютно непроницаемымъ для права. Все существенное для индивида и общества испытываетъ на себѣ правовое воздѣйствіе. Можно сказать,

---

[1]) Op. cit., S. 196.

что право въ такой же мѣрѣ неотдѣлимо отъ жизни, какъ форма—отъ содержанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сужденія «de lege lata» и «de lege ferenda» тѣсно связаны между собою и относятся къ одной и той же родовой категоріи права. Правопорядокъ не является неподвижнымъ. Онъ *постоянно находится въ процессѣ приспособленія къ жизненнымъ даннымъ*, его обусловливающимъ. Право въ объективномъ смыслѣ представляетъ собою вѣчно движущуюся массу нормативныхъ общественныхъ отношеній, съ различными уплотненіями, отложеніями, накопленіемъ и расходованіемъ элементовъ, не адэкватной устойчивости и жизненной цѣнности. Въ основѣ правовой оцѣнки сущаго, съ точки зрѣнія должнаго, лежитъ наличный правовой комплексъ, или совокупность отложившихся въ нашемъ сознаніи «практически» признанныхъ правилъ поведенія. Но эти правила полны противорѣчій и пробѣловъ, порождающихъ соотвѣтствующія переживанія внутренняго разлада и несогласованности правовыхъ нормъ съ запросами жизни. Смыслъ правового комплекса—въ его «прагматичности»: объективный правопорядокъ—прежде всего *средство* обезпеченія общественныхъ потребностей, хотя и не всегда цѣлесообразное, въ виду неизбѣжной ассиметріи правопорядка и жизненнаго порядка дѣйствительности (въ ихъ динамическомъ аспектѣ). Несовершенство права—результатъ, съ одной стороны, отставанія права отъ требованій жизни, а съ другой стороны, опереженія имъ существенныхъ запросовъ послѣдней. Устойчивость общественнаго этическаго сознанія всегда зависитъ отъ внутренней согласованности данныхъ двухъ порядковъ—*возможнаго должнаго* и *реально сущаго*, т.-е. отъ степени «цѣлесообразности» правопорядка, выражающей наличность отмѣченной согласованности.

Само собой разумѣется, что начало цѣлесообразности, руководящее для «политики», получаетъ, при такихъ условіяхъ, опредѣленную значимость и для «права», а именно, становится юридическимъ принципомъ, что, въ свою очередь, приводитъ къ тому положенію, при которомъ казалось бы столь различныя по существу оцѣнки общественныхъ отношеній «de lege lata» и «de lege ferenda» выступаютъ въ качествѣ двухъ выраженій одного и того же понятія должнаго, обращеннаго лишь къ различнымъ проблемамъ. Отсюда, въ свою очередь, слѣдуетъ, что нормы политики могутъ быть (и постоянно бываютъ) не только *предметомъ* правовой оцѣнки, но и *основаніемъ* для послѣдней. Иначе говоря, чисто политическое соображеніе можетъ быть возведено на степень правового аргумента. Въ самомъ дѣлѣ, всякая норма права и вообще всякое правовое явленіе могутъ оцѣниваться или подъ угломъ зрѣнія дѣйствующаго (позитивнаго) правового комплекса, или же съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія (эвент. противорѣчія) грядущему, еще не сложившемуся общественно-правовому комплексу (соціальному идеалу). Въ первомъ случаѣ, правовые импульсы и сужденія носятъ обычно характеръ «категориче-

скихъ императивовъ», поскольку основаніе обязательности утверждается здѣсь на опредѣленномъ и, такъ сказать, «самодостаточномъ» фактѣ наличнаго правового комплекса. Во второмъ случаѣ, подлежащіе импульсы и сужденія получаютъ «гипотетическую», условную значимость, поскольку отступленіе отъ требованій позитивнаго правопорядка обосновывается измѣненіемъ условій общественности, переносится на почву соображеній цѣлесообразности и облекается въ форму различныхъ построеній грядущаго на фонѣ будущаго этическаго комплекса, объективирующаго телеологическую цѣнность реформы. Въ этомъ планѣ, всякая дѣйствительно цѣлесообразная, т.-е. строго соотвѣтствующая жизненнымъ требованіямъ, а слѣдовательно вполнѣ назрѣвшая и «политически» обоснованная соціальная реформа вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ самымъ представляется «юридически» цѣнной. Обѣ цѣнности—политическая и юридическая—подтверждаютъ здѣсь одна другую. Диссонансъ между ними (независимо отъ случаевъ разногласія въ дѣлѣ оцѣнки) вызывается тѣмъ психологическимъ фактомъ, что прежній правовой комплексъ, хотя бы онъ и находился въ состояніи внутренняго разложенія, все же даетъ себя чувствовать въ той или иной степени и формѣ. Для перехода отъ стараго къ новому требуется нѣкоторая этическая рѣшимость, готовность заглушить голосъ прежней совѣсти ради новаго, лучшаго «credo».

Подводя итоги изложенному, мы формулируемъ нашу мысль слѣдующимъ образомъ: существуютъ два основанія для «правовой оцѣнки», а именно: 1) *наличный юридическій комплексъ* и 2) *принципъ цѣлесообразности*. Въ первомъ случаѣ, явленіе оцѣнивается въ его отношеніи къ опредѣленному юридическому «statu quo», или «de lege lata», причемъ подлежащій комплексъ, служащій основаніемъ оцѣнки, получаетъ значеніе «догмата», самодостаточнаго «категорическаго» сужденія—*статико-догматическая* правовая оцѣнка. Во второмъ случаѣ, вопросъ разрѣшается соотвѣтственно данному цѣлесообразности, независимо отъ императивовъ дѣйствующаго комплекса. Соображенія «rcb. mut.» получаютъ рѣшающее значеніе, и самое сужденіе «de lege ferenda» становится (какъ отмѣчено выше) «гипотетическимъ»—*динамо-телеологическая* правовая оцѣнка (обычно называемая «политической»).

Какъ та, такъ и другая оцѣнка могутъ *трансформироваться*, переходить одна въ другую: чѣмъ рельефнѣе абрисы грядущаго этическаго комплекса, чѣмъ болѣе содержаніе его представляется важнымъ и цѣннымъ, тѣмъ императивнѣе звучатъ правовыя сужденія, тѣмъ настойчивѣе требованія этическаго сознанія. Данный комплексъ все болѣе и болѣе отрѣшается отъ обосновывающаго его начала цѣлесообразности и по мѣрѣ возрастанія въ немъ элементовъ самодостаточной значимости становится основаніемъ для чисто категорическихъ сужденій. Такимъ образомъ, этическій комплексъ будущаго, возведенный на степень высшаго «идеала», транс-

формируетъ первоначально динамо-телеологическую правовую оцѣнку въ статико-догматическую. Обратное явленіе обнаруживается при статико-догматической оцѣнкѣ: чѣмъ болѣе критическое сознаніе человѣка освобождается отъ императивныхъ велѣній дѣйствующаго, позитивнаго комплекса, тѣмъ яснѣе выступаетъ его телеологическая первооснова, съ соотвѣтствующими гипотетическими сужденіями, трансформирующими «статико-догматическую» правовую оцѣнку въ «динамо-телеологическую». Въ результатѣ даннаго процесса, «credo» позитивнаго догмата превращается въ систему условно-правовыхъ отношеній.

Такъ называемая «политика» относится къ категоріи «динамо-телеологической оцѣнки. Она обнимаетъ совокупность «техническихъ» нормъ и дѣйствій, осуществляемыхъ въ границахъ объективнаго права, частью имъ непосредственно регулируемыхъ, частью опредѣляемыхъ дискреціонною властью компетентныхъ лицъ и учрежденій. При этомъ обнаруживается слѣдующее явленіе: въ тѣхъ случаяхъ, когда соображенія цѣлесообразности открываютъ возможность нѣсколькихъ равноцѣнныхъ дѣйствій (или воздержаній), въ этомъ смыслѣ одинаково оправдываемыхъ «политикой», подлежащія «нормативно-правовыя» переживанія сообщаютъ имъ характеръ «правомочія»; наоборотъ, по мѣрѣ того какъ политическая «возможность» превращается (въ правосознаніи заинтересованныхъ лицъ) въ «необходимость»,—соотвѣтствующія дѣйствія (элемент. воздержанія) получаютъ значимость «правообязанности».

Къ этой именно категоріи «динамо-телеологической» правовой оцѣнки и относится «clausula reb. sic. st.», выражающая начало «пластичности» правопорядка.

«Статико-догматическая» оцѣнка сопровождается слѣдующими эффектами: поскольку дѣйствительность разсматривается въ ея отношеніи къ опредѣленному «позитивно-правовому комплексу», все непредусмотрѣнное послѣднимъ получаетъ (въ этомъ разрѣзѣ) характеръ «ирраціональности» (въ правовомъ смыслѣ), т.-е. всякое явленіе, оцѣниваемое на фонѣ обнаружившихся «пробѣловъ» комплекса, представляется юридически безразличнымъ, какъ находящееся внѣ поля зрѣнія его догматовъ. При отсутствіи соотвѣтствующаго пробѣла, явленіе, попадая въ освѣщенную позитивными нормами среду опознаннаго, становится юридически «раціональнымъ», причемъ координація даннаго жизненнаго матерьяла съ подлежащею нормой ассоціируется съ представленіемъ юридической «правды», т.-е. дѣйствительности не только раціональной, но и правомѣрной; наоборотъ, наличность коллизіи мыслится какъ «неправда» (раціонально-неправомѣрное бытіе, несовмѣстимое съ требованіями правопорядка).

Но правовыя сужденія не ограничиваются (какъ отмѣчено выше) этимъ видомъ оцѣнки. Съ «догматомъ» конкуррируетъ «талосъ», и то,

что ирраціонально или раціонально-преступно (неправомѣрно) въ планѣ «комплекса»—можетъ получить оправданіе въ той новой перспективѣ жизненныхъ цѣнностей, которая раскрывается въ цѣли. Начало дѣлесообразности расширяетъ область юридически опознаннаго и даетъ новыя основанія оцѣнкѣ. Для «динамо-телеологическаго» правового сужденія, данныя «reb. mut.» становятся такимъ же нормальнымъ предположеніемъ новыхъ правовыхъ возможностей и долженствованій, насколько ирраціональное или преступно всякое радикальное измѣненіе «statu quo» въ разрѣзѣ «статико-догматическаго» сужденія. Это проливаетъ свѣтъ на правовую значимость различныхъ соціальныхъ «сдвиговъ» (къ нимъ относятся революціонные перевороты, а также, въ извѣстномъ смыслѣ, и войны). Консервативная функція «догмата» можетъ только отвергать и осуждать «сдвигъ» соціальныхъ отношеній, какъ явленіе ирраціональное или раціонально-преступное съ точки зрѣнія позитивно-правового комплекса. Но прогрессивный импульсъ цѣли санкціонируетъ положительные эффекты новаго правопорядка, сложившагося на обломкахъ прежняго.

Слѣдуетъ, при этомъ, отмѣтить, что жизненные «факты» не являются пассивнымъ матерьяломъ для оцѣнки. Ходъ событій, съ своей стороны, воздѣйствуетъ на правовыя сужденія, создавая извѣстный уклонъ въ пользу одною ихъ этихъ видовъ оцѣнки, въ зависимости отъ измѣненія или, наоборотъ, консолидаціи «statu quo», на которомъ утверждается «догматъ».

Источники международнаго права. Съ «cl. r. s. s.», выражающей «динамо-телеологическую» оцѣнку правовыхъ явленій тѣсно связанъ вопросъ о значимости такъ называемыхъ «источниковъ» права, въ частности—международнаго. Всякое правовое общеніе нуждается въ «объективаціи» правосознанія, каковая, помимо факта «согласованности» (координаціи) нормативныхъ переживаній, требуетъ наличности другихъ элементовъ, обусловливающихъ правовую связь заинтересованныхъ субъектовъ. Послѣднія постулируютъ: 1) взаимную «опознанность» чужого правосознанія—обѣ стороны должны имѣть увѣренность (конечно, лишь относительную) въ возможной координаціи ихъ правовыхъ представленій и дѣйствій; 2) необходима адэкватная санкція «должнаго», какъ такового, взаимное «волевое намѣреніе» въ пользу установленія правовой координаціи ихъ отношеній.

Иначе говоря, принципъ «индивидуализма», достаточный для обоснованія явленій правового солипсизма, долженъ уступить мѣсто началу «плюрализма», разъ только рѣчь идетъ объ устойчивой координаціи совмѣстной жизни, требующей, чтобы индивидуальное правосознаніе получило «объективно-правовую значимость».

Эта замѣна единичнаго «я» множественнымъ «мы», или «правовая плюрализація личностей», входящихъ въ общеніе, характерная для всѣхъ

вообще явленій нормативной общественности, получаетъ особую значимость для международнаго права, какъ выраженія «междувластнаго правопорядка», построеннаго на началахъ юридическаго равенства заинтересованныхъ субъектовъ. Исходя изъ даннаго принципа, можно формулировать слѣдующія положенія, выясняющія природу такъ называемыхъ «источниковъ» международнаго права:

1) Государственный законъ и судебное рѣшеніе не являются источниками международнаго права, поскольку «односторонній» характеръ данныхъ актовъ лишаетъ ихъ «объективной значимости», необходимой для международноправового общенія.

2) «Плюрализація» государственныхъ велѣній, удовлетворяющая отмѣченнымъ выше условіямъ правовой связности, сообщаетъ имъ элементы «объективной значимости» и, такимъ образомъ, возводитъ ихъ на высшую степень источниковъ международнаго права. Въ самомъ дѣлѣ, множество адэкватныхъ велѣній, направленныхъ на обслуживаніе междувластныхъ интересовъ, свидѣтельствуетъ о тождествѣ подлежащихъ правосознаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, взаимная «опознанность» даннаго тождества, «признаніе» характеризующаго его состава и наличность «волевыхъ намѣреній» использовать обнаруживающуюся координацію правосознаній — преодолѣваютъ индивидуальную обособленность и утверждаютъ нормативную связность возникающихъ между ними на этой почвѣ отношеній.

3) Эти признаки имѣются на лицо въ каждомъ международномъ «обычаѣ», хотя элементы правовой объективаціи выводятся, въ данномъ случаѣ, изъ такъ называемыхъ «конклюдентныхъ дѣйствій». Обычай, поэтому, несмотря на его «внѣ-консенсуальную» природу, слѣдуетъ разсматривать въ качествѣ источника международнаго права.

4) То же должно сказать по поводу международныхъ договоровъ, создающихъ правовую связность путемъ «консенсуальнаго» волеобмѣна.

Источникомъ международнаго права, или международно-нормативнымъ фактомъ является, слѣдовательно, *«множественное, построенное на междувластныхъ началахъ, признаніе объективной значимости* (въ указанномъ выше смыслѣ) *правила* (нормы) *поведенія»*.

Это «множественное признаніе» составляетъ родовой признакъ всѣхъ вообще «источниковъ международнаго права». Поэтому мы отказываемся, вопреки *Holtzendorff'y*[1]), разсматривать «признаніе» въ качествѣ особаго вида международныхъ источниковъ, наряду съ договоромъ и обычаемъ. Съ другой стороны, мы не считаемъ «соглашенія», въ смыслѣ Vereinbarung, единственнымъ источникомъ международныхъ нормъ. «Общая воля», которой *Triepel*[2]) сообщаетъ нормативную функцію въ междуна-

[1]) Handbuch des Völkerrechts, Bd. I (1885), S. 86 ff.

[2]) По мн. *Triepel'я* (op. cit.), международное право возникаетъ лишь путемъ „соглашенія" (Vereinbarung) S. 99. Наоборотъ, „договоръ" (Vertrag) всегда

родныхъ правоотношеніяхъ, является тѣмъ «множественнымъ признаніемъ», которое лежитъ въ основѣ какъ «договоровъ», такъ и «соглашеній», одинаково создающихъ (въ международномъ правѣ) не только правоотношенія, но и нормы поведенія. Этимъ не упраздняется, конечно, особая значимость нѣкоторыхъ трактатовъ, призванныхъ формулировать высшія нормы международнаго права, обязательныя для всѣхъ участниковъ общенія. На неправильномъ отрицаніи за «договорами» нормативной силы зиждется противоположная крайность, въ которую впадаетъ *Seligmann* [1]), разсматривающій «обычай» въ качествѣ единственнаго источника международнаго права. Какъ договоръ, такъ и обычай являются лишь двумя видами одного и того же «множественнаго признанія», юридически санкціонирующаго всю систему междувластныхъ отношеній.

Отмѣтимъ попутно особенность, присущую *«плюрализаціи правового признанія»*: она не только *объективируетъ* правосознаніе подлежащихъ субъектовъ (при наличности прочихъ элементовъ объективаціи), но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ нормамъ правоотношеній *«трансубъективный»*, или *«сверхъиндивидуальный»* характеръ. Чѣмъ шире сфера дѣйствія нормы, чѣмъ бо́льшее количество субъектовъ исповѣдуетъ ея обязательность, тѣмъ императивнѣе нормативныя требованія, тѣмъ авторитетнѣе права и обязанности, обоснованныя данною нормой. Возрастающая «плюрализація признанія», не упраздняя формальнаго принципа «единогласія», возвышаетъ авторитетъ подлежащихъ нормъ до уровня «надгосударственнаго» порядка, воздѣйствующаго на единичныя государства въ сторону приспособленія колеблющагося меньшинства къ директивамъ международнаго союза.

Сопоставляя различныя функціи правовой оцѣнки съ функціями «клаузулы», не трудно обнаружить органическую связь между ними. *«Статико-догматическая»* правовая оцѣнка, по природѣ своей консервативная, утверждаетъ наличное содержаніе «позитивно-правового комплекса» и вмѣстѣ съ тѣмъ сопротивляется привхожденію новыхъ, несоизмѣстимыхъ съ нимъ элементовъ. Наоборотъ, *«динамо-телеологическая»* оцѣнка, подвергая дѣйствующее право ревизіи «de lege ferenda», подъ угломъ зрѣнія цѣлесообразности, занимаетъ двойственную позицію по адресу «правового комплекса»: она творитъ новое и упраздняетъ старое

только „юридическая сдѣлка“ (Rechtsgeschäft); онъ порождаетъ субъективныя права и обязанности, но не творитъ объективнаго права (S. 45 ff., 61 ff., 70 ff.); „обычай“ также не источникъ междун. права; таковымъ (поскольку рѣчь идетъ о такъ назыв. „обычаѣ“, или „междун. практикѣ“) въ дѣйствительности является, „молчаливое соглашеніе“ (S. 95, 97, 100 ff.). Contra: *Nippold*, согласно которому и „договоръ“, и „обычай“—источники международнаго права (см. его Der völkerrechtliche Vertrag, Bern 1894, S. 33 ff., 51 ff.

[1]) Abschluss und Wirksamkeit der Staatsverträge, Freiburg i. B. 1890, S. 49 u fg.

(прогрессивная функція оцѣнки), но также утверждаетъ все сохранившее въ себѣ жизнеспособность, надлежащую «прагматичность», и ставитъ преграды засоренію жизненныхъ элементовъ комплекса новыми матерьялами.

Эти четыре функціи «динамо-телеологической» оцѣнки, въ разныхъ направленіяхъ воздѣйствующей на эволюцію права, осуществляетъ (какъ было отмѣчено выше) и «клаузула». Возвышаясь надъ уровнемъ позитивнаго комплекса, не связанная его содержаніемъ, она свободно творитъ и упраздняетъ, утверждаетъ и противодѣйствуетъ, словомъ,—осуществляетъ тотъ *«отборъ юридическихъ цѣностей»*, который необходимъ для сохраненія за объективнымъ правопорядкомъ *«прагматической»* значимости при вѣчной смѣнѣ условій жизненныхъ отношеній.

Черезъ посредство «обычая» «cl. r. s. s.» консолидируетъ международный правопорядокъ. Путемъ заключенія международныхъ договоровъ «клаузула» удовлетворяетъ требованіямъ международнаго творчества и упраздненія отжившихъ нормъ правопорядка.

Слѣдуетъ, однако, оговориться: «договоръ» и «обычай» могутъ осуществлять и аналогичныя функціи. Такъ, обычай не выдаватъ «политическихъ преступниковъ», бѣжавшихъ за границу, выросъ на обломкахъ противоположной практики, считавшейся прежде всего съ политическимъ строемъ государства-убѣжища. Съ другой стороны, «договоръ» можетъ не только творить и упразднять, но и консолидировать извѣстныя нормы, сложившіяся ранѣе путемъ обычая; таковы многія нормы международнаго права войны и нейтралитета, нормы посольскаго права и многія др.

«Договоръ» и «обычай» являются факторами постояннаго обновленія «позитивно-правового комплекса» въ сторону возможно лучшаго приспособленія объективнаго правопорядка къ соціальнымъ потребностямъ. Своей «гипотезой», обусловливающей эффективность дѣйствующихъ нормъ существенными данными конкретной жизненной обстановки, старое право связуется съ новымъ. Эта «гипотеза» сообщаетъ динамическому процессу правового «становленія» надлежащій характеръ юридической непрерывности и преемства. Она перебрасываетъ мостъ между противуположными берегами правосознанія, оторвавшимися другъ отъ друга въ силу катастрофическихъ сдвиговъ соціальныхъ отношеній.

Въ этомъ процессѣ перехода отъ стараго къ новому, «cl. r. s. s.» открываетъ возможность «динамо-телеологической» персонификаціи должествованія въ интересахъ устраненія трагическаго дуализма между сущимъ и должнымъ. Она выводитъ право изъ замкнутаго круга отжившаго легитимизма и пробиваетъ брешь въ застывшихъ формахъ стараго правопорядка для новыхъ жизненныхъ достиженій.

Ратификація. Громадное значеніе для устойчивости международно-договорнаго правопорядка (а слѣдовательно и для интересующаго насъ во-

проса о принципѣ «reb. s. st.») имѣетъ организація той функціи «признанія», которая налагаетъ печать нормативности на международный договоръ. Согласно господствующей доктринѣ [2]), только «ратификація» сообщаетъ международному договору правовую значимость; въ предшествующей стадіи онъ остается проектомъ, лишеннымъ юридической силы [2]); подпись дипломатическихъ агентовъ не создаетъ «juris vinculum» для договаривающихся субъектовъ. Ратификація составляетъ актъ юридически свободнаго усмотрѣнія заинтересованнаго государства [3]).

По мнѣнію *Chailley* [4]), ратификація въ абсолютной монархіи юридически несущественна, подъ условіемъ, конечно, чтобы мандатарій (дипломатическій агентъ), подписавшій соглашеніе, оставался въ границахъ мандата. Въ этомъ случаѣ, при наличности «точныхъ, опредѣленныхъ и безспорныхъ полномочій», нѣтъ надобности въ дополнительномъ утвержденіи международнаго договора монархомъ. Въ иномъ положеніи находятся конституціонныя государства, ограничивающія верховную власть монарха народнымъ представительствомъ.

Ратификація, по мнѣнію большинства, необходимый, но не единственный моментъ заключенія международнаго договора. Она можетъ быть, по выраженію *Coumoul'я* [5]), «несовершенной» (imparfaite), а именно, въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство, нуждающееся (соотвѣтственно конституціоннымъ требованіямъ) въ парламентскомъ одобреніи договора, ратификуетъ послѣдній, не заручившись надлежащимъ вотумомъ палатъ. Подобная ратификація будетъ «условной» (conditionnelle) для государства, глава коего ее осуществилъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, «суспенсивной» для государства, по адресу котораго она была сдѣлана. Такъ, напр., въ 1831 г. французское правительство ратифицировало договоръ объ уплатѣ С.-А. С. Штатамъ 25 милліоновъ фр., причемъ палаты, несмотря

---

[1]) *Coumoul*, Des conditions de validité des traités internationaux, Toulouse 1911: „Sans la ratification, le traité n'est qu'une promesse d'engagement" (p. 156); *Dauzat*, Du role des Chambres en matière de traités internationaux, Paris 1899, p. 10; *Michon*, Les traités internationaux devant les Chambres, Paris 1901, p. 3; *Darras*, Etude sur les traités de paix, Bar-le-duc 1900, p. 52; *Triepel*, op. cit., S. 319, 428 Anm. 5.

[2]) Противуположной точки зрѣнія придерживалась прежняя доктрина: см. *Grotius*, De jure belli ac pacis, II, cap. XI, § 12; *Vattel*, Le Droit des gens, Livre II, chap. XII, § 156.

[3]) *Nippold*, op. cit., S. 123, *Jellinek*, Die rechtliche Natur der Staatenverträge. Wien 1880, S. 55.

[4]) De l'autorité gouvernementale compétente pour passer les traités internationaux, Auxerre 1882, p. 152.

[5]) Op. cit., p. 161. См. также Riess, Die Mitwirkung der gesetzgebenden Körperschaften bei Staatsverträgen nach deutschem Staatsrechte (Abhandl. aus dem Staats- und Verwaltungsrecht herausgegeben von Brie, Heft 10). Breslau 1904, S. 14 fg.

на угрозу Америки прибѣгнуть къ репрессаліямъ, дважды отказались одобрить означенное соглашеніе.

Что касается тѣсно связаннаго съ данной проблемой вопроса о томъ, кому принадлежитъ право ратификаціи, то, по мнѣнію *Nippold'a* [1]), его слѣдуетъ разрѣшать на почвѣ фактическихъ данныхъ: уполномоченнымъ нужно прежде всего признавать тотъ органъ, который, въ подлежащей странѣ, фактически заключаетъ международные договоры. «Для другого государства не существуетъ ни права, ни обязанности провѣрять государственноправовыя полномочія фактически ратифицирующаго органа». Презумпція въ пользу послѣдняго. Международное право не требуетъ никакой «особой легитимаціи». Противуположное воззрѣніе исходитъ изъ совершенно чуждаго международному праву различенія формъ государственнаго устройства.

Большинство юристовъ разрѣшаетъ настоящій вопросъ иначе: признавая значимость «государственноправовыхъ» полномочій для оцѣнки, подъ угломъ зрѣнія международнаго права, эффективности договора, *Pinösch* [2]) проводитъ различіе между «формальными» и «матерьяльными» ограниченіями. Наличность первыхъ исключаетъ необходимость «легитимаціи» въ дѣлѣ заключенія международнаго договора. Провѣрка «формальныхъ» ограниченій лежитъ на контрагентѣ, но послѣдній не обязанъ—разъ онъ договаривается съ формально уполномоченнымъ органомъ—провѣрять еще его «матерьяльныя» полномочія. По мнѣнію *Dauzat* [3]), договоры ратифицированные правительствомъ, но не внесенные на одобреніе парламента, обладаютъ лишь «относительной ничтожностью» (nullité relative): они могутъ быть опротестованы только парламентомъ, согласіе коего являлось необходимымъ. Ничтожность покрывается съ момента, когда парламентъ, ознакомившись—хотя бы при «обнародованіи» договора въ оффиціальномъ органѣ (лучше путемъ непосредственнаго доклада палатамъ)—съ текстомъ договора, не изъявилъ «протеста». Теорія «условной ратификаціи», для которой утвержденіе договора правительственною властью безъ законодательнаго одобренія сообщаетъ ему лишь «суспенсивную» силу, послѣдовательно приводитъ къ необходимости какъ формальной, такъ и матерьяльной провѣрки. Наконецъ, нѣкоторые, напр., *Clunet* [4]), признаютъ абсолютную ничтожность подобныхъ договоровъ, заключенныхъ безъ (хотя бы и не вопреки) одобренія палатъ.

При оцѣнкѣ желательнаго размежеванія въ этой области прерога-

---

[1]) Op. cit., S. 116 fg.

[2]) Die Verteilung der Kompetenzen zum Abschlusse von Staatsverträgen in der Schweiz, Borna—Leipzig 1906, S. 19 fg.

[3]) Op. cit., pp. 42 et ss.

[4]) Du défaut de validité de plusieurs traités diplomatiques (J. D. I. pr. 1897).

тивъ «исполнительной» и «законодательной» властей, *Michon* [1]) высказывается въ пользу концепціи, проводящей различіе между трактатами, ратификація коихъ составляетъ прерогативу правительства, и группой международныхъ договоровъ, требующихъ парламентскаго одобренія. Практика подчиняется двоякой системѣ, такъ назыв. «англійской» и «международной». Англійская система [2]), исходя изъ принципіальнаго различенія юридической природы международнаго договора и государственнаго закона и соотвѣтственнаго разграниченія функцій и органовъ международнаго представительства и государственнаго законодательства, предоставляетъ право заключенія трактатовъ и конвенцій, связывающихъ непосредственно лишь государства,— главѣ государства. Воля его имѣетъ здѣсь формально рѣшающее значеніе. Государство становится субъектомъ конвенціональныхъ правъ и обязанностей съ момента ратификаціи, осуществляемой монархомъ независимо отъ парламентскаго одобренія. Но парламентъ сохраняетъ за собой полноту законодательной власти. Поэтому, въ той мѣрѣ въ какой международный договоръ требуетъ, для внутригосударственной эффективности, изданія опредѣленнаго закона, парламентъ тѣмъ самымъ привлекается къ участію въ данномъ процессѣ законодательства. Согласно второй, или «международной» системѣ, законодательный органъ (даже въ томъ случаѣ, когда онъ формально не участвуетъ въ международномъ представительствѣ) все же привлекается къ осуществленію отличной отъ законодательства функціи—къ разрѣшенію вопроса о самой судьбѣ международнаго договора; безъ его одобренія не можетъ возникнуть международнаго обязательства.

Первая система приводитъ къ извѣстному давленію на законодательную функцію палатъ съ момента заключенія международнаго договора. Вторая система сохраняетъ за палатами совершенную свободу дѣйствій и оцѣнки даже по адресу ратификованнаго договора, поскольку парламентское утвержденіе является, въ данномъ случаѣ, юридическимъ предположеніемъ самой международной связанности договаривающихся субъектовъ, безотносительно къ вопросу о внутригосударственной силѣ соглашенія. «Международная легитимація», замѣчаетъ *Riess* [3]) принадлежитъ какъ тамъ, такъ и здѣсь, лишь главѣ государства (а не законодательнымъ органамъ); въ этомъ смыслѣ между ними не существуетъ «формальнаго» различія. По второй системѣ, однако, компетенція главы государства «матерьяльно» ограничена участіемъ законодательныхъ орга-

---

[1]) Op. cit., p. 12 et s. см. также *Esmein*, Elémenta de droit constitutionnel français et comparé, Paris 1906, pp. 637 et ss.

[2]) Изъ сопоставленія ст.ст. 12 и 13 нашихъ основныхъ законовъ и ст. 31 учр. Государ. Думы можно заключить, что Россія примыкаетъ, въ настоящемъ вопросѣ, къ „англійской“ системѣ.

[3]) Op. cit., S. 11 ff.

новъ. Согласно обѣимъ системамъ, допустимо какъ предварительное, такъ и послѣдующее парламентское одобреніе международнаго договора, хотя, конечно, изъ политическихъ соображеній (въ особенности при второй системѣ) предпочтительнѣе обращаться къ палатамъ до ратификаціи международнаго соглашенія. При «международной» системѣ необходимо представленіе «всего договора» палатамъ. «Англійская» система требуетъ привлеченія законодательныхъ органовъ лишь къ изданію соотвѣтствующаго международному договору закона, хотя и здѣсь (въ силу соображеній законодательной техники) нерѣдко прибѣгаютъ къ законодательному одобренію всего договора.

Сравнительныя преимущества[1]) второй системы бросаются въ глаза: 1) она отсрочиваетъ возникновеніе международной связанности государства до момента законодательнаго одобренія (и ратификаціи) международнаго договора; 2) она дастъ возможность болѣе основательнаго обсужденія международнаго соглашенія подъ угломъ зрѣнія народныхъ интересовъ, представляемыхъ палатами; 3) она технически совершеннѣе, такъ какъ парламентъ получаетъ возможность «частичныхъ» исправленій международнаго договора (тогда какъ первая система допускаетъ лишь одобреніе или неодобреніе en bloc ратифицированнаго акта, внесеннаго на разсмотрѣніе парламента въ цѣляхъ изданія подлежащаго закона); 4) она устраняетъ возможные конфликты между правительствомъ и палатами по поводу интерпретаціи законодательной компетенціи послѣднихъ при исполненіи международныхъ договоровъ; 5) она устраняетъ опасный дуализмъ международнаго и государственнаго правопорядковъ на почвѣ возникновенія международнаго обязательства, лишеннаго внутри-государственной эффективности; 6) она устраняетъ политически нежелательныя воздѣйствія правительства на парламентъ, который можетъ оказаться безсильнымъ передъ «fait accompli» международнаго обязательства, заключеннаго правительственною властью; 7) парламентское одобреніе, выражающее функцію общественнаго «признанія», сообщаетъ подлежащему договору, а слѣдовательно и всему конвенціональному международному порядку, значительно бо́льшую обезпеченность и устойчивость.

Французская конституція рецепируетъ «международную» систему[2]): такъ ст. 8 зак. 16 іюля 1875 г. принципіально предоставляетъ исполнительной власти право заключенія международныхъ договоровъ. Законодательная власть принимаетъ въ этомъ дѣлѣ участіе лишь поскольку договоромъ затрагиваются высшіе интересы государства. Президентъ заключаетъ и ратифицируетъ международные договоры, кромѣ установленныхъ конституціонныхъ изъятій, весьма, однако, многочисленныхъ, а

---

[1]) См. *Dauzat*, op. cit., pp. 13 et ss., 45, *Chailley*, op. cit., p. 185.

[2]) *Coumoul*, op. cit., pp. 171 et ss., *Michon*, op. cit., p. 199 et s.

именно: 2-я часть ст. 8-й требуетъ вотума обѣихъ палатъ для мирныхъ трактатовъ, коммерческихъ договоровъ, международныхъ соглашеній затрагивающихъ государственные финансы [1]), касающихся личнаго состоянія (l'état des personnes) и имущественныхъ правъ французовъ за границей. Наконецъ, въ формѣ закона осуществляются—цессія, обмѣнъ и пріобрѣтеніе территоріи.

Германская имперская конституція, по мнѣнію *Riess'a* [2]), построена на началахъ «международной» системы: оба законодательныхъ корпуса участвуютъ въ разрѣшеніи вопроса о «международномъ бытіи» договоровъ, заключаемыхъ имперіей въ границахъ ст. 11-й. Порядокъ изданія «des Vertragsgesetzes» аналогиченъ процессу изданія обыкновенныхъ законовъ. Союзный совѣтъ осуществляетъ, при этомъ, двоякую функцію—предварительное одобреніе международнаго договора, какъ такового, и послѣдующую санкцію «des Vertragsgesetzes» (договора, превращеннаго въ законъ). Императору принадлежитъ здѣсь лишь право «ратификаціи», а не «санкціи», каковая осуществляется союзнымъ совѣтомъ. Слѣдуетъ также отмѣтить, что согласно ст. 11-й герм. конст. не требуется одобренія палатами «мирныхъ трактатовъ»; для нихъ достаточно императорской ратификаціи. Такъ, прелиминарный франко-германскій договоръ отъ 26 февр. 1871 г. былъ заключенъ безъ участія палатъ, каковымъ впослѣдствіи предоставлено было высказаться по поводу нѣкоторыхъ пунктовъ въ порядкѣ ихъ осуществленія. Точно также и окончательный мирный трактатъ 10 мая 1871 г. лишь доложенъ палатамъ, причемъ Союзный Совѣтъ и Рейхстагъ участвовали только въ моментѣ приведенія его въ исполненіе. Иного взгляда на права Рейхстага придерживаются *Laband* [3]) и нѣкот. др., по мнѣнію коихъ одобреніе даннаго органа существенно лишь съ точки зрѣнія внутренняго законодательства—не одобренный Рейхстагомъ договоръ обязателенъ въ международномъ смыслѣ, но лишенъ внутригосударственной силы.

Сопоставляя различныя конституціи, можно формулировать слѣдующія начала, опредѣляющія взаимоотношеніе «властей» при заключеніи международныхъ договоровъ:

1) Главѣ государства (монарху, президенту республики) присваивается, по общему правилу, право заключенія и ратификаціи международныхъ договоровъ. Исключеніе составляетъ швейцарская конституція, сохраняющая данное право за федеральнымъ собраніемъ, ратифицирующимъ международный договоръ, а не за правительствомъ. Союзный Совѣтъ компетентенъ лишь въ дѣлѣ осуществленія подготовительныхъ и испол-

---

[1]) По поводу значимости послѣдней оговорки см. *Esmein*, op. cit., p. 640 et. s.

[2]) Op. cit., S. 58 ff.

[3]) Das Staatsrecht des deutschen Reiches, Bd. I, 1895, S. 612, *Листъ*, международное право (перев. подъ редакц. проф. В. Э. Грабаря, 1912), стр. 220.

нительныхъ функцій. Подписывая актъ «ратификаціи», онъ дѣйствуетъ «по порученію» федеральнаго собранія [1]).

2) Правительственная власть ограничивается участіемъ парламента при заключеніи нѣкоторыхъ международныхъ договоровъ. Трактаты, для которыхъ обычно требуется законодательная санкція, можно свести къ слѣдующимъ группамъ [2]):

a) Договоры, связанные съ измѣненіемъ дѣйствующихъ законовъ, договоры, затрагивающіе государственные финансы, обязывающіе гражданъ и проч. соглашенія, непосредственно отражающіяся на публичныхъ интересахъ страны.

b) Договоры измѣняющіе составъ государственной территоріи, по своей важности, несомнѣнно нуждаются въ законодательномъ утвержденіи. Въ свое время, теорія «народнаго суверенитета» провозглашала начало «неотчуждаемости» государственной территоріи. Конституціонная практика отказалась отъ этого принципа въ пользу парламентскаго контроля. Датская конституція 28 іюля 1866 г. (ст.18) признавала достаточнымъ контролировать только «цессію» государственной территоріи. Греческая конст. 16/23 апр. 1864 г. (ст. 33) и Нидерландская конст. 1848 г. (рев. 1887 г.) присоединили къ этому случаю территоріальнаго «обмѣна». Наполеоновская практика, воспроизведенная Бразильской имперской конст. 25 марта 1824 г. (ст. 102) и старой Португальской конст. 29 апр. 1826 г., проводила различіе между измѣненіями государственной территоріи во время мира и во время войны; только въ первомъ случаѣ требовалась законодательная санкція. Современная конституціонная практика расширила участіе парламента въ этомъ вопросѣ, дѣлая его обязательнымъ не только при «цессіи» или «обмѣнѣ», но и при всякомъ «пріобрѣтеніи» государственной территоріи. Для такъ назыв. «исправленія границъ» нерѣдко устанавливается особый порядокъ. Такъ Сербская (ст. 4), Болгарская (ст. 2) конституціи, требующія участія «учредительной» власти при измѣненіи государственной территоріи, удовлетворяются «законодательной» санкціей при простомъ «исправленіи границъ». При этомъ, Сербская конст. говоритъ о территоріяхъ «не населенныхъ» и «не имѣющихъ существеннаго значенія»; согласно Болгарской конст., подобное измѣненіе пограничной черты не должно влечь за собой «цессію деревни».

c) Договоры, въ силу различныхъ соображеній подчиненные спеціальному контролю палатъ. Сюда, напр., относится постановленіе Испанской конституціи, требующее парламентскаго одобренія для заключенія «наступательныхъ» союзныхъ договоровъ.

---

[1]) *Pinösch*, Op. cit., S. 11, 27, 30. — По мн. *Burckhardt'a*, ратификація въ Швейцаріи осуществляется Союзнымъ Совѣтомъ (Kommentar der schweizerischen Bundesverfassung, 1904—5, S. 741). Ср. *Blumer*. Handb. d. schweizerischen Bundesstaatsrechts, Bd. III, S. 349.

[2]) *Dauzat*, op. cit., pp. 28 et ss., *Coumoul*, op. cit., pp. 171 et ss.

Помимо прямого участія палатъ при заключеніи международныхъ соглашеній, парламентъ имѣетъ возможность оказывать косвенное давленіе на правительство. Сюда относится правительственное сообщеніе текста международнаго договора законодательнымъ органамъ, предусмотрѣнное Бельгійской конст. 7 февр. 1831 г. (ст. 68), Греческой конст. 1864 г. (ст. 32) и др. Возникающіе на этой почвѣ «вопросы», «интерпелляціи», а также различныя парламентскія постановленія являются, въ связи съ «политической отвѣтственностью» министровъ, важнымъ орудіемъ парламентскаго контроля въ данной области.

Спрашивается, какова государственноправовая значимость правильно заключеннаго международнаго договора? Съ точки зрѣнія господствующей доктрины, международный договоръ, какъ таковой, лишенъ внутри-государственной силы. Международное право, говоритъ *Triepel*, не можетъ конкуррировать съ правомъ территоріальнымъ. Это два неадэкватныхъ порядка, регулирующихъ «различныя жизненныя отношенія» [1]). Нормы международнаго права не составляютъ части территоріальнаго права [2]). Международноправовое творчество не замѣняетъ государственноправового [3]). Международное право не можетъ непосредственно отмѣнять государственныхъ актовъ [4]) и даже не обладаетъ непосредственно субсидіарнымъ значеніемъ—не восполняетъ пробѣловъ территоріальнаго права [5]). Международное право связываетъ лишь государства [6]), но не должностныхъ лицъ [7]) и населеніе [8]) «Источникъ территоріальнаго права долженъ самъ обнаружить дѣятельность, чтобы такъ или иначе пріобщить къ себѣ право, созданное международноправовымъ источникомъ» [9]). Въ томъ же, приблизительно, смыслѣ высказываются *Nippold* [10]), *Pinösch* [11]), *Riss* [12]). Внутригосударственной силы международный договоръ достигаетъ посредствомъ «превращенія» (Umwandlung)—по выраженію *Nippold'a* [13])—договорнаго акта въ государственный «императивъ», что получается путемъ «публикаціи» его текста.

---

[1]) Op. cit., S. 254.
[2]) ibid., S. 111 ff., 128 ff., 141 ff.
[3]) ibid., S. 111 ff., 121 ff., 124 fg.
[4]) ibid. S. 258 ff.
[5]) ibid., S. 254 ff.
[6]) ibid., S. 111 ff.
[7]) ibid., S. 120 ff., 153, 225, 259, ff., 263 ff.
[8]) ibid., S. 118 ff., 153, 254, 259 ff.
[9]) ibid., S. 112.
[10]) Op. cit., S. 141.
[11]) Op. cit., S. 9 ff.
[12]) Op. cit., S. 4, 16.
[13]) „Публикація", замѣчаетъ *Nippold*, является не только сообщеніемъ во всеобщее свѣдѣніе (Veröffentlichung) содержанія заключеннаго договора, но и актомъ, воплощающимъ въ себѣ „государственное велѣніе" (den staatlichen Impe-

Иной точки зрѣнія придерживается *David* [1]) международный договоръ можетъ воздѣйствовать на частныхъ и должностныхъ лицъ «въ качествѣ выраженія международнаго положительнаго законодательства». Международный договоръ является «государственнымъ закономъ», поскольку исполнительная власть «суверена» въ области международныхъ отношеній. Правильно заключенный, ратифицированный и обнародованный договоръ сопровождается непосредственными юридическими послѣдствіями въ предѣлахъ государственной территоріи, воздѣйствуя, соотвѣтственно своему объекту, на «дипломатовъ, администраторовъ и судей». Равнымъ образомъ *Jitta* [2]), исходя изъ авторитета «международнаго обычая», независимаго отъ внутренняго государственнаго права, утверждаетъ внутригосударственную силу международныхъ договоровъ, связывающихъ не только государства, но также частныхъ лицъ и судей. *Ehrlich* [3]) рѣшительно высказывается въ пользу «надгосударственной» (supraétatique) системы международнаго права. *Dicna* [4]) признаетъ, что судья обязанъ восполнять пробѣлы закона нормами международнаго права. A fortiori обязательны для него международные договоры, одобренные законодательной властью.

Отсутствіе у международныхъ договоровъ внутригосударственной силы обосновываютъ, главнымъ образомъ, двумя аргументами:

1) Ссылкой на то, что субъектами международнаго права являются лишь государства, а не должностныя лица и подданные.

2) Указаніемъ на различіе конститутивныхъ элементовъ международнаго договора и территоріальнаго права: первый, согласно *Nippold'y* [5]),

---

rativ); op. cit., S. 139 fg., а также Anm. 19, S. 102. Въ томъ же смыслѣ высказывается и *Jellinek*, Op. cit., S. 56. Ср. *Triepel*, Op. cit., S. 117 fg., 389 ff. *Pinđsch* усматриваетъ внутригосударственное велѣніе въ „ратификаціи“ и „публикаціи“ международнаго договора (op. cit., S. 10). — Согласно *Michon*, международный договоръ, даже одобренный палатами и обнародованный президентомъ, все-таки не является „настоящимъ закономъ“, но лишь „раздѣляетъ суверенитетъ закона“ (participe de la souveraineté de la loi); межд. договоръ хотя и можетъ „déroger à la loi“, но лишь въ границахъ, опредѣляемыхъ природой международнаго соглашенія; у него нѣтъ „того характера всеобщности“, который присущъ закону въ тѣсномъ смыслѣ слова. (Op. cit., pp. 222 ss.).

[1]) De l'interprétation des traités diplomatiques par l'autorité judiciaire, Nancy 1909, p. 100 et s.

[2]) Le droit commun international comme source du droit international privé (Revue de dr. internat. privé et de dr. pénal internat., 1908, p. 559).

[3]) Les tendances actuelles du droit international privé (Revue de dr. internat. privé et de dr. pénal internat., 1908, pp. 902 et ss.).

[4]) Des réclamations de l'extradé en présence de l'autorité judiciaire de l'État, auquel il a été livré (Revue générale de droit internat. public, 1905, pp. 516 ss., 522 ss., 528 s).

[5]) Op. cit., S. 24.

заключаетъ въ себѣ «самоограниченіе»+«волеизъявленіе о консенсѣ»; территоріальное право, помимо элементовъ «самоограниченія», нуждается въ опредѣленномъ «велѣніи», исходящемъ отъ государства.

Не отрицая различія «субъектовъ» и «существа» международнаго и государственнаго права, мы не приписываемъ этимъ даннымъ рѣшающаго значенія въ вопросѣ о внутригосударственной силѣ международныхъ договоровъ. Всякій актъ государства, выражающій публичную функцію, заключаетъ въ себѣ элементъ «императива»—велѣнія, обязующаго подчиненныхъ согласовать свою служебную и частную дѣятельность съ волеизъявленіемъ компетентной власти. Такой императивъ имѣется и въ международныхъ договорахъ. Вступая въ соглашеніе съ иностранной державой, государство утверждаетъ линію своего поведенія, выражаетъ опредѣленное правовое намѣреніе, всегда и необходимо «авторитарное» для учрежденій, призванныхъ осуществлять его волю, и для всего подчиненнаго населенія, обязаннаго къ ней приспособляться. Данный «императивъ» воплощается въ томъ положительно-одобрительномъ волевомъ актѣ, который называется «ратификаціей» международнаго договора, сходной (въ этомъ моментѣ) съ «санкціей» закона. Что касается «публикаціи» договора, то она по существу не отличается отъ аналогичной публикаціи закона. Правильно заключенный трактатъ всегда обладаетъ внутригосударственной силой—иначе пришлось бы мыслить юридическое бытіе государства отрѣшеннымъ отъ составляющихъ его учрежденій и народа. Сохраняя свой международный характеръ, договоръ, ратифицированный государствомъ, необходимо связуется съ опредѣленными юридическими *эффектами*. Этимъ, конечно, не предрѣшается вопросъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ трактатъ въ общей *іерархіи* государственнаго властвованія? Подлежащій отвѣтъ, далеко не всегда одинаковый, будетъ зависѣть отъ государственноправового положенія органовъ, участвующихъ въ дѣлѣ заключенія международнаго договора: конституціонно ратифицированный и утвержденный законодательной властью трактатъ получаетъ силу закона, становится «закономъ въ формальномъ смыслѣ»; при отсутствіи законодательнаго одобренія (если таковое не требуется конституціей) онъ эффективенъ лишь въ качествѣ подзаконнаго акта.

Такимъ образомъ, всякій международный договоръ обладаетъ внутригосударственной силой, но эта сила *неравноцѣнна* по степени своей конституціонной эффективности—съ этимъ должно считаться и международное право, для котораго «основные законы» страны не могутъ представляться величиной юридически безразличной.

При такой постановкѣ вопроса становится очевидной вся важность парламентскаго участія въ международно-договорномъ правѣ. Парламентское одобреніе не только отводитъ международному акту почетное мѣсто закона въ системѣ внутригосударственнаго властвованія, но и сообща-

етъ ему особую международноправовую устойчивость. Начало «pacta sunt servanda» утверждается, въ данномъ случаѣ, на болѣе прочной основѣ. «Ратификація» международнаго договора не ограничивается здѣсь чисто «формальнымъ» признаніемъ государственной властью состоявшагося соглашенія, но становится адэкватнымъ выраженіемъ народнаго правосознанія, отображаемаго и руководимаго народными представителями. Съ другой стороны, парламентская оцѣнка договора заключаетъ въ себѣ извѣстныя гарантіи болѣе правомѣрнаго использованія оговорки «rebus s. s.» при постановкѣ вопроса о прекращеніи договорной силы, поскольку судьба договора переносится изъ области «безотвѣтственной» международной политики въ сферу, подчиненную непосредственному парламентскому контролю. Само собой разумѣется, что участіе послѣдняго существенно не только въ процессѣ возникновенія, но также и прекращенія международнаго договора, опредѣляющаго правовое положеніе государства на международной аренѣ.

Глава III.

„Statu quo“ и „клаузула“.

§ 5.

„Притязательныя“ стремленія державъ при междувластномъ „сдвигѣ“.

Остановимся на явленіяхъ междувластнаго «сдвига», иначе говоря—болѣе или менѣе существеннаго (по внѣшности обыкновенно внезапнаго) измѣненія порядка междувластной зависимости, лежащаго въ основѣ конкретныхъ правоотношеній. Какова юридическая феноменологія подобныхъ «сдвиговъ» подъ угломъ зрѣнія «статико-догматической» и «динамо-телеологической» оцѣнокъ?

Правовой комплексъ можетъ слагаться, по своему составу, не только изъ юридическихъ нормъ, но также изъ различныхъ междугосударственныхъ политическихъ группировокъ, «признанныхъ» заинтересованными субъектами. Посягательства на данный комплексъ ассоціируются—на почвѣ «статико-догматической оцѣнки»—съ нормативными представленіями нѣкоторой «неправды» и соотвѣтственными импульсами въ пользу возстановленія нарушеннаго «statu quo». При неустойчивости послѣдняго возрастаетъ значимость «динамо-телеологической оцѣнки» его наличнаго содержанія. Сдвигъ сложившихся политическихъ отношеній обычно сопровождается слѣдующими эффектами:

1. *Разложеніе прежней основы вызываетъ рядъ «притязаній», выражающихъ стремленіе заинтересованныхъ субъектовъ опредѣлить и использовать тѣ жизненныя возможности, которыя открываются при новыхъ условіяхъ.* Остановимся на нѣкоторыхъ примѣрахъ.

27 сентября 1911 г., итальянское правительство ставитъ Порту въ извѣстность о своемъ твердомъ рѣшеніи «оккупировать» Триполитанію и Киренаику. Необходимость этой мѣры мотивируется, главнымъ образомъ, двумя соображеніями: 1) постоянные безпорядки, царствующіе въ Триполитаніи и Киренаикѣ, угрожаютъ, вслѣдствіе близости этихъ провинцій къ итальянскимъ владѣніямъ, существеннымъ интересамъ Италіи; 2) въ теченіе долгихъ и безплодныхъ переговоровъ съ Турціей, послѣдняя

не только не приняла надлежащихъ мѣръ къ устраненію этого ненормальнаго положенія, но, съ своей стороны, систематически оказывала враждебное противодѣйствіе всякимъ законнымъ начинаніямъ итальянцевъ въ Триполитаніи и Киренаикѣ [1]). Отвѣтъ Турціи отъ 28 сентября съ предложеніемъ коллективнаго обсужденія «гарантій» правопорядка, совмѣстимыхъ съ «территоріальною цѣлостью» оттоманской имперіи, не удовлетворилъ, какъ и слѣдовало ожидать, итальянское правительство, уже опредѣлившее дальнѣйшій ходъ событій [2]).

Само собой разумѣется, что аргументація итальянской ноты, редактированной въ «ультимативной» формѣ, не имѣла ничего общаго съ настоящими причинами итало-турецкой войны. Въ этомъ отношеніи гораздо откровеннѣе другой документъ: «Exposé des motifs» правительственнаго законопроекта отъ 22 февраля 1912 г., призваннаго санкціонировать декретъ 5 ноября 1911 г. о присоединеніи Триполитаніи и Киренаики къ королевству, обнажаетъ дѣйствительные мотивы итальянской политики—сознаніе необходимости поддержанія политическаго равновѣсія въ области средиземнаго бассейна и убѣжденіе въ неизбѣжности распада турецкихъ владѣній въ Африкѣ. «Италія всегда признавала своимъ жизненнымъ интересомъ равновѣсіе политическихъ вліяній въ средиземномъ бассейнѣ и постоянно разсматривала, въ качествѣ необходимаго условія означеннаго равновѣсія, свободное и полное развитіе своей экономической дѣятельности и своего вліянія въ Триполитаніи и Киренаикѣ». Не подлежало также сомнѣнію, «что владычество Турціи не могло долго сохраниться въ областяхъ, соприкасающихся съ болѣе цивилизованными націями» и что «фатальный законъ исторіи привелъ бы другія державы къ осуществленію той цивилизаторской миссіи, отъ которой уклонилась бы Италія» [3]).

Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе достаточно продолжительнаго времени Италія, лишенная надлежащихъ колоній, оставалась безсильнымъ свидѣтелемъ постепеннаго раздѣла Африки между «великими державами». Успѣхи Франціи въ Марокко (еще ранѣе въ Тунисѣ) побудили королевство, пока еще не поздно, къ занятію Триполитаніи и Киренаики—этихъ послѣднихъ остатковъ былого величія «Блистательной Порты» на африканскомъ континентѣ. Ссылка на безпорядки въ Триполитаніи и Киренаикѣ—лишь болѣе или менѣе удобный предлогъ для осуществленія этой цѣли.

Въ эпоху балканскихъ войнъ 1912—13 гг., Румынія, сначала оставшаяся въ сторонѣ развертывавшихся событій, успѣваетъ впослѣдствіи

---

[1]) *Archives dipl.*, 1911, T. 120, pp. 59 et ss.
[2]) *Archives dipl.*, 1911, T. 120, pp. 61 et ss
[3]) *Archives dipl.*, 1912, T. 121, pp. 143 et ss.

использовать новое положеніе вещей и на обломкахъ бывшаго балканскаго союза обезпечиваетъ себѣ доминирующее положеніе, скрѣпленное Бухарестскимъ мирнымъ трактатомъ.

Болгаро-румынское столкновеніе внѣшнимъ образомъ возникло по поводу вопроса объ «исправленіи» границъ. На самомъ дѣлѣ рѣчь шла не о корректированіи пограничной черты, зачастую необходимомъ въ интересахъ упорядоченія военно-пограничнаго надзора, устраненія таможенныхъ затрудненій и т. д., но о замаскированной «цессіи» болгарской территоріи въ пользу Румыніи. Послѣдняя мотивировала свои притязанія слѣдующими аргументами: справедливостью компенсаціи за румынскій нейтралитетъ, ролью державъ, подписавшихъ Берлинскій трактатъ 1878 г., и началомъ сохраненія «политическаго равновѣсія» на Балканахъ [1]).

По поводу данной аргументаціи указываютъ [2]) на то обстоятельство, что пресловутый румынскій «нейтралитетъ» былъ явно недоброжелательнымъ для Болгаріи: Румынія, въ свое время, приняла всѣ мѣры для общей мобилизаціи своей арміи, хотя никто не угрожалъ ея нейтралитету, и, такимъ образомъ, нарушила если не букву, то духъ ст. 10-й Гаагской конв. о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ (глава I), такъ какъ формула этой статьи («Ne peut être considéré comme acte hostile le fait par une puissanse neutre de repousser même par la force les atteintes à sa neutralité»), очевидно, предусматриваетъ необходимыя мѣры защиты собственнаго нейтралитета, а не военныя приготовленія по адресу одного изъ комбатантовъ. Кромѣ того, Румынія нарушила свой нейтралитетъ уже въ самомъ началѣ успѣховъ болгарскаго оружія, въ особенности съ 8-го января—румынскія притязанія были возбуждены тотчасъ послѣ паденія Киркилиссе. Что касается Берлинскаго трактата, то, во-первыхъ, сама Румынія не исполнила требованій ст. 44 касательно свободы вѣроисповѣданій и политическаго равноправія населенія (рѣчь идетъ о евреяхъ); во-вторыхъ, Берлинскій конгрессъ, разрѣшивъ территоріальную ликвидацію русско-турецкой войны, не создалъ никакихъ основаній для дальнѣйшихъ притязаній Румыніи по адресу Болгаріи. Относительно верховныхъ правъ Европы въ дѣлѣ разрѣшенія «балканскаго вопроса» отмѣчаютъ, что если бы рѣчь шла о «европейскомъ концертѣ» въ періодъ до послѣдней войны, то его участіе въ раздѣлѣ турецкихъ земель могло бы имѣть основаніе. Но теперь, когда Болгарія, съ оружіемъ въ рукахъ, сама пріобрѣла завоеванныя территоріи, вмѣшательство Ев-

---

[1]) Подлинный текстъ дипломатической переписки отпечатанъ въ *Jahrbuch des Völkerrechts*, II Bd. 1. Hälfte; см. Nr.LI, S. 83; Nr.LXXI, S. 91 ff.; Nr.LXXVIII, S. 95; Nr.CIV, S. 111 ff.; Nr.CXXXIX, S. 150.

[2]) *M. J. Caleb*, Le conflit Roumano-Bulgare et le droit des gens (Revue de dr. internat. et de législ. comp. II Série, T. XV, 1913, pp. 333 et ss., 445 et ss.).

ропы представлялось бы запоздалымъ. Помимо сего, положеніе вещей въ 1912 г. существенно отличалось отъ эпохи Берлинскаго конгресса: въ 1878 г. дѣйствовала (черезъ посредство Россіи) и распоряжалась судьбою Балканъ—Европа. Теперь новый «statu quo» созданъ помимо воли послѣдней. «Великія державы» сами признали этотъ фактъ, провозгласивъ свою «незаинтересованность». Наконецъ, третій аргументъ Румыніи, ссылка на «политическое равновѣсіе»—въ сущности говоря противорѣчащее международному праву—неприложимъ къ данному случаю (помимо соображеній принципіальнаго характера) также и потому, что «индивидуальное равновѣсіе» державъ минувшаго времени давно уже уступило мѣсто «групповому равновѣсію» націй.

Соображенія, на которыхъ мы только-что останавливались, неравноцѣнны по своему содержанію. Притязанія Румыніи, конечно, далеко выходили за предѣлы простого «исправленія» границъ. Равнымъ образомъ, требуемая «цессія» болгарской территоріи не была компенсаціей за «дружественный» нейтралитетъ, но являлась достаточно откровеннымъ вымогательствомъ въ удачно использованной политической обстановкѣ. Нельзя того же сказать по поводу «правъ» Европы въ дѣлѣ устроенія Балканъ: жизненные интересы державъ были въ достаточной мѣрѣ затронуты развитіемъ настоящихъ событій, и если «великія державы» не обнаружили склонности къ болѣе активной роли при разрѣшеніи балканскаго союза, то это случилось отчасти изъ опасенія осложнить и безъ того сложный вопросъ о ликвидаціи турецкаго наслѣдства. Что касается ихъ торжественнаго заявленія о «незаинтересованности», то не слѣдуетъ преувеличивать значенія подобныхъ декларацій и приписывать имъ формально-юридическую силу. Вѣдь и союзники заявили о своей территоріальной незаинтересованности въ моментъ открытія военныхъ дѣйствій. Послѣдній аргументъ Румыніи—идея «политическаго равновѣсія»—едва ли противорѣчитъ международному праву. Фактъ этого «равновѣсія» всегда составлялъ жизненную основу тѣхъ правовыхъ отношеній, которыя, на протяженіи вѣковъ, слагались въ предѣлахъ международнаго общенія и облекались въ форму различныхъ, взаимно уравновѣшенныхъ, національныхъ группировокъ. Нарушеніе «междувластнаго равновѣсія» всегда составляло реальную опасность для заинтересованныхъ въ его сохраненіи державъ и служило достаточнымъ оправданіемъ для мѣропріятій встрѣчной политики. Въ частности, вполнѣ очевидное притязаніе Болгаріи на балканскую гегемонію [1]) представлялось несомнѣнной угрозой и для Ру-

[1]) Въ пользу принципа „политическаго равновѣсія“ высказыв. *Pillet*, Recherches sur les droit fondamentaux des États (Revue généŕ. de dr. internat. publ. 1898, pp. 252—253); *Donnadieu* разсматриваетъ данный принципъ (обоснованный инстинктомъ „самосохраненія“), какъ средство борьбы съ „гегемоніей“ (см. его La théorie de l'équilibre, étude d'histoire diplomatique et de droit international,

мыніи (не говоря о прочихъ союзникахъ). Можно и должно сожалѣть о той позиціи, которую заняла Болгарія въ итогѣ первой балканской войны, но нельзя серьезно отрицать, что съ точки зрѣнія румынскихъ интересовъ Бухарестское правительство поступило умно и благоразумно, создавъ противовѣсъ болгарскимъ стремленіямъ.

Правовая идея «statu quo»—какъ фактора сдерживающаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, импульсирующаго (reb. mut.) «притязанія» заинтересованныхъ субъектовъ—играла важную роль на Балканахъ. Ея придерживаются великія державы; она служитъ основой для всего зданія турецкой государственности (въ частности на данный мотивъ ссылается Порта въ своей нотѣ отъ 23 окт./5 ноября 1912 г. [1]), указывая на «ужасныя послѣдствія оккупаціи Константинополя» Болгаріей, если бы таковая осуществилась). Наконецъ, сами балканскія государства пользуются соображеніями «statu quo» въ качествѣ аргумента для своихъ притязаній. Такъ ст. 1-я «секретнаго приложенія» къ болгаро-сербскому союзному договору разсматриваетъ какъ «casus belli» наступленіе какихъ-либо внутреннихъ или внѣшнихъ осложненій въ Турціи, угрожающихъ «statu quo» на Балканскомъ полуостровѣ [2]). Слѣдуетъ также отмѣтить, что однимъ изъ аргументовъ Румыніи по адресу «европейскаго концерта», въ ея спорѣ съ Болгаріей, являлось указаніе Бухарестскаго правительства на заслуги Румыніи въ дѣлѣ сохраненія «statu quo» на Балканахъ [3]). Его нарушеніе признается основаніемъ для вопроса о «компенсаціяхъ» [4]).

Сербо-болгарскій союзъ, столь печально окончившій свое существованіе въ итогѣ первой балканской войны, вызвалъ горячій обмѣнъ взглядовъ въ связи съ вопросомъ о «cl. r. s. s.» по поводу дальнѣйшей эффективности договора отъ 29 февраля 1912 г. и, въ особенности, ст. 2-й «секретнаго приложенія». Бѣлградское правительство обратило вниманіе Софійскаго кабинета на необходимость «ревизіи» какъ самаго трактата, такъ и военной конвенціи, принимая во вниманіе, что за время войны нѣкоторыя постановленія трактата потерпѣли столь существенное измѣненіе, при которомъ неизбѣжно возникаетъ вопросъ объ обязательности трактата въ его цѣломъ, а слѣдовательно и всѣхъ дополнительныхъ статей

Paris 1900); см. также *Tardieu*, La France et les Alliances. La lutte pour l'Equilibre (1871—1910). По мн. *Dupuis* (Charles), начало „политич. равнов.“, неприложимое къ „праву“, имѣетъ существенное значеніе въ области международной „политики“ (Le principe d'équilibre et le concert européen de la paix de Westphalie à l'acte d'algésiras, Paris 1909, pp. 93 ss., 104 ss.). О значеніи „политическаго равновѣсія“ на Балканахъ см. *Driault*, La Question d'Orient depuis ses origines jusqu'à nos jours (Librairie Félix Alcan), p. 288.

[1]) l. c., S. 82 fg.Nr. L.

[2]) l. c., S. 4.

[3]) l. c., S. 92 fg.

[4]) l. c., S. 95, Nr. LXXVIII., отчасти S. 124, Nr. CXVII.

и оговорокъ. Договоръ нарушенъ, какъ способомъ его осуществленія, такъ и внѣшними обстоятельствами, рѣшительно повлiявшими на конечный исходъ войны. Союзники, завоевавъ почти всю европейскую Турцію, получили гораздо больше, чѣмъ было предусмотрѣно договоромъ; раздѣлъ территорій долженъ быть «справедливымъ»; проектированная раньше основа ликвидаціи союзнаго «кондомината» совершенно разрушена; при новомъ порядкѣ вещей Болгарія получаетъ всю свою безспорную территорію, тогда какъ Сербія, наоборотъ, лишь часть своей безспорной зоны [1]). Къ сожалѣнію, арбитражъ, предложенный Россіей для прекращенія возникшихъ на этой почвѣ опасныхъ пререканій между союзниками, оказался невозможнымъ, въ виду сербской уклончивости и послѣдующаго выступленія Болгаріи [2]). Споръ былъ разрѣшенъ силой оружія, независимо отъ данныхъ дипломатической аргументаціи.

На измѣненіе опредѣленнаго положенія вещей ссылается и Румынія, заявившая о своей свободѣ отъ принятыхъ ранѣе обязательствъ воздержанія, вслѣдствіе наступившей войны Болгаріи съ Сербіей и Грецiей [3]). То же должно сказать по поводу Турціи, отказавшейся «reb mut.» отъ соблюденія Лондонскаго трактата отъ 30 мая 1913 г.

Сдвигъ «политическихъ» отношеній сопровождается и притязаніями «юридическаго» характера. Такъ, въ связи съ событіями 1912—13 гг., оттоманскимъ правительствомъ былъ поднятъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ «капитуляцій». Въ своемъ отвѣтѣ на коллективную ноту «великихъ державъ» отъ 17 января 1913 г. [4]). Порта обусловливаетъ свое согласіе на частичную уступку Адріанополя рядомъ требованій касательно введенія автономнаго таможеннаго тарифа, заключенія торговыхъ договоровъ «на основѣ принциповъ современнаго права», распространенія турецкихъ фискальныхъ законовъ на всѣхъ иностранцевъ, немедленнаго согласія

---

[1]) l. c. Nr. XLIV, S. 74 ff. По поводу оцѣнки русскимъ правительствомъ „Сербскихъ притязаній, см. *Оранж. кн.* (Сборн. диплом. докум., авг. 1912 г.—іюль 1913 г., изд. М. И. Д.), №№ 135, 169.

[2]) Справедливость требуетъ отмѣтить, что виновной въ данныхъ событіяхъ является не одна Болгарія. Значительная доля отвѣтственности должна быть возложена на Сербію (въ виду ея уклончиваго отношенія къ вопросу объ арбитражѣ) и на Россію (послѣднія не использовала въ надлежащей мѣрѣ тѣхъ широкихъ полномочій, которыя были предоставлены ей сербо-болгарскимъ соглашеніемъ 1912 г.). См. по этому поводу русск. дипл. переписку, отпечатанную въ *Оранж. кн.* №№ 158, 162, 166, 167, 171, 177, 180, 181, 233, 235, 240, 241, 251, 253, 262, 268, 272.—См. также замѣчан. *Гешова*, Балканскій союзъ, воспоминанія и документы, Петроградъ, 1915 г.

[3]) См. цирк. депешу *Maioresci* отъ 20 іюня/3 іюля 1913 г. Jahrb. d. Völk., l. c., Nr. CXXVII, S. 146.

[4]) l. c., Nr. XXIV, S. 36 ff.

державъ на повышеніе таможенныхъ пошлинъ. Наконецъ, высказывается пожеланіе, чтобы державы издали «декларацію» объ отмѣнѣ «капитуляцій» и чтобы тотчасъ же по заключеніи мира были открыты переговоры въ интересахъ совмѣстнаго изученія средствъ, необходимыхъ для достиженія означенной цѣли.

Обращаетъ на себя вниманіе притязаніе Бѣлградскаго правительства на отмѣну турецкихъ «капитуляцій» въ предѣлахъ «Старой Сербіи»: послѣ оккупаціи данной мѣстности войсками короля Петра, сербы потребовали отъ иностранныхъ консуловъ, чтобы они отказались отъ осуществленія правъ, предоставленныхъ имъ турецкими капитуляціями, на томъ основаніи, что занятая область аннектирована королевствомъ и находится подъ его непосредственнымъ управленіемъ [1]).

Аналогичная тенденція отождествить «военную оккупацію» съ «аннексіей» характерна и для итало-турецкой войны 1911—1912 гг. До заключенія мира, еще во время развитія военныхъ дѣйствій, Италіей былъ изданъ декретъ, въ силу котораго Триполитанія и Киренаика объявлялись перешедшими подъ «верховную власть» королевства, о чемъ, въ самый день изданія этого распоряженія, были поставлены въ извѣстность державы. Подобные акты несомнѣнно противорѣчатъ нормамъ международнаго права, поскольку «оккупація» не адэкватна «аннексіи». Она сопровождается возникновеніемъ опредѣленныхъ правъ власти въ пользу оккупанта, но занятая имъ мѣстность—пока не разрѣшенъ вооруженный споръ—остается подъ суверенитетомъ противника. Равнымъ образомъ, серьезныя возраженія могли бы вызвать: занятіе Англіей Солумскаго порта, а Франціей—оазисовъ Джанетъ и Бильма, въ моментъ, когда уже начались военныя дѣйствія между Турціей и Италіей. Если бы послѣдняя не выразила на это своего согласія, то пришлось бы говорить о недопустимой (во время войны) «цессіи» непріятельской территоріи [2]).

Еще характернѣе та группа взаимно исключающихъ «притязаній», которая выросла въ связи съ іюльской катастрофой 1914 г., открывшей грандіозную перспективу еще не завершенной міровой борьбы народовъ. Передъ нами событія громадной исторической важности! Какимъ масштабомъ измѣрить ихъ правовую значимость? Да приложима ли вообще нормативная оцѣнка къ катастрофическимъ «сдвигамъ» соціальнаго порядка? Быть можетъ все это лишь «факты», для «права» ирраціональные? Быть можетъ динамика международной жизни—«потокъ» событій, движущійся совершенно въ иной плоскости, въ руслѣ иного, чуждаго праву порядка вещей? Или и въ этой области, гдѣ сущее столь

[1]) См. *K. Strupp*, Zeitschr. f. Völkerr. u. Bundesstaatsr. 1912—13, Bd. VI. S. 596.

[2]) См. *Rapisardi-Mirabelli*, La guerre Italo-Turque et le droit des gens (R. de dr. internat. et de législ. comp., T. XV, II. Série, p. 116 ss.).

властно измѣняетъ дѣйствительность, гдѣ ходъ событій, не считаясь съ требованіями права, подтачиваетъ и повергаетъ правопорядокъ,—быть можетъ и здѣсь, въ этомъ процессѣ разрушенія и созиданія, правосознаніе все же отмѣчаетъ и отбираетъ соціально цѣнные элементы, продолжаетъ работу оцѣнки того, что есть, что было, что будетъ подъ угломъ зрѣнія должнаго? Но если такъ, то къ какой категоріи «правды» или, наоборотъ, «неправды» слѣдуетъ отнести эти поверхностные и углубленные сдвиги различныхъ наслоеній общественнаго уклада, измѣняющіе «statu quo» международной дѣйствительности?

На этотъ общій вопросъ мы уже отвѣтили раньше. Въ планѣ «статико-догматическаго» сужденія, всякій соціальный сдвигъ, не укладывающійся въ рамки «политико-правового комплекса», естественно мыслится какъ нѣчто или «ирраціональное», совершенно неподлежащее правовой оцѣнкѣ, или (при коллизіи съ комплексомъ) какъ явленіе соціальной «неправды». Иную позицію занимаетъ «динамо-телеологическое» сужденіе: не связанное «догматами» statu quo ante, оно разсматриваетъ факты новой дѣйствительности (частью заполняющіе пробѣлы комплекса, частью противорѣчащіе его содержанію) съ точки зрѣнія свободной цѣлесообразности, расширяющей сферу праросознанія. Здѣсь оцѣнка возможна и должна, но выводы ея далеко не всегда совпадаютъ съ категорическими сужденіями перваго типа. Въ этомъ планѣ получаютъ правовую значимость и тѣ притязанія «великихъ» и «малыхъ» державъ, которыя утвердились на обломкахъ прежняго порядка отношеній, разрушеннаго настоящей войной. Война народовъ—вооруженная реализація «правопритязаній», вызываемыхъ сдвигами междувластнаго равновѣсія. Признаки громаднаго, не поддающагося учету сдвига характерны и для событій текущей войны. Судьба «постояннаго нейтралитета» Бельгіи (а также и Люксембурга)—лишь одинъ изъ моментовъ общаго крушенія европейской системы. Въ пламени мірового, все разгорающагося пожара закаляются притязанія, ирраціонально-преступныя «r. s. s»., но раціонально-правомѣрныя «r. m.»: Франція претендуетъ на возвратъ Эльзаса и Лотарингіи и созданіе «естественной» границы по Рейну; Россія заявляетъ права на Галицію и Познань (въ интересахъ объединенія Польши), а послѣ турецкаго выступленія намѣчаетъ завоеваніе Константинополя и господство надъ проливами [1]); Англія и Японія завладѣваютъ германскими колоніями; Италія (во имя принциповъ «risorgimento» направляется къ сторону Тріеста, Трентино и береговъ Далмаціи; Германія, при помощи Австро-Венгріи, стремится основать новую систему господ-

[1]) По поводу отношенія Россіи къ Константинополю и проливамъ см. интересный трудъ ***Max'a Hoschiller'a***, La Russie sur le Chemin de Byzance (Revue de Paris, 1 et 15 Août 1915, №№ 15 et 16 pp. 590 ss., 760 ss.). Отзывы русскаго общественнаго мнѣнія изложены на стр. 779 сл., 782 сл.

ства надъ всѣми народами, вовлеченными въ орбиту міровой политики Берлина. Наряду съ «великими» и «малыя» державы — Сербія, Болгарія, Греція, Румынія (ихъ число можетъ умножиться) выступаютъ въ той или иной формѣ съ притязаніями на расширеніе сферы своего вліянія!

Противуположные полюсы этихъ притязаній, импульсируемыхъ и подавляемыхъ ходомъ событій,—гегемонія державъ «согласія», съ одной стороны, и міровое господство Германіи, съ другой. Въ данныхъ границахъ, по мѣрѣ выясненія той или иной «вѣроятности», опредѣляемой развитіемъ «фактовъ», крѣпнетъ эффективность соотвѣтственной группы обоснованныхъ ею притязаній, и новый порядокъ отношеній получаетъ все бо̀льшую реальность. Его «признаніе» заинтересованными субъектами совершитъ превращеніе грядущаго «порядка» международной дѣйствительности въ «правопорядокъ», тѣмъ болѣе обоснованный, чѣмъ бо̀льшее количество соціальныхъ цѣнностей онъ въ состояніи будетъ обслуживать.

§ 6.

Нормативные эффе́кты координаціонныхъ воздѣйствій и переоцѣнка нормъ.

II. *Въ стадіи перехода отъ стараго къ новому, идея «pax quaerenda est», какъ выраженіе объективной цѣнности «порядка», становится правовымъ основаніемъ для «координаціонныхъ» воздѣйствій, нормативная значимость которыхъ оцѣнивается, при этомъ, соотвѣтственно степени ихъ вѣроятной эффективности для мирнаго оборота.* Подлежащая дѣятельность можетъ носить «*автономный*» или, наоборотъ, «*гетерономный*» характеръ.

Формула «Балканы—балканцамъ» построена на началахъ автономной самодѣятельности заинтересованныхъ державъ. Ст. 2-я сербо-болгарскаго договора [1]) предвидитъ возможность вооруженнаго сопротивленія «союзниковъ» всякой попыткѣ какой бы то ни было «великой державы» «...занектировать, занять или завладѣть своими войсками, хотя бы только временно, любой частью территорій балканскаго полуострова, находящихся нынѣ подъ турецкимъ владычествомъ». Въ своей рѣчи, произнесенной 21 декабря 1912 г. въ палатѣ депутатовъ, *Poincaré* считаетъ единственно «справедливымъ» и «устойчивымъ» разрѣшеніемъ балканскаго вопроса—признаніе всѣхъ правъ балканскихъ національностей [2]).

Формула «Балканы—балканскимъ народностямъ», замѣчаетъ *Gabriel Hanotaux* [3]), «является самой простѣйшей». Національный принципъ

---

[1]) См. Jahrb. d. Völkerrechts, II Bd. 1. Nälfte, Nr. 1. S. 3.

[2]) l. c., Nr. XXI, S. 30

[3]) La guerre des Balkans et l'Europe 1912—1913, Paris 1914, p. 159, 165 ss. 185, 198.

обезпечиваетъ территоріи народамъ, ихъ населяющимъ. Что̀ можетъ быть естественнѣе этого? Можно спорить по поводу цифръ и границъ. Но вырвать изъ сердца народовъ убѣжденіе, что они принадлежатъ самимъ себѣ, представляется невозможнымъ». Признавая цѣлесообразность настоящаго принципа, *Littmann* [1]) возражаетъ противъ его централистическаго примѣненія на Балканахъ. При трудности размежеванія народностей (напр., въ Македоніи), онъ предлагаетъ прибѣгать къ «кантональному—по швейцарскому образцу—или групповому самоопредѣленію населенія».

Не отрицая трудности разрѣшенія національнаго вопроса на Балканахъ, приходится все же признать, что иная постановка вопроса не можетъ обезпечить прочнаго мира на ближнемъ востокѣ.

Гетерономными признаками характеризуется координаціонная политика «европейскаго концерта», неоднократно выступавшаго на международной аренѣ въ моменты опасныхъ для общаго мира вооруженныхъ столкновеній. Современный международный оборотъ въ такой мѣрѣ связываетъ государства сложною сѣтью разностороннихъ культурныхъ отношеній, что строгое обособленіе войны представляется совершенно неосуществимымъ. Пусть борются другъ съ другомъ хотя бы лишь два государства—фактъ войны все равно наноситъ болѣе или менѣе жестокій ударъ всѣмъ мирнымъ отношеніямъ нейтральныхъ. Нейтралитетъ, поэтому, отнюдь не адэкватенъ мирному состоянію: онъ представляетъ собою новый юридическій «статусъ», новый комплексъ правоотношеній, выражающій какъ бы равнодѣйствующую войны и мира—этихъ двухъ неуравновѣшенныхъ факторовъ международной динамики.

Итало Турецкая война, затрагивавшая судьбу «ближне-восточнаго вопроса», представлялась грозной опасностью для интересовъ всеобщаго мира. Вотъ почему «великія державы» ставятъ себѣ задачей по возможности «локализовать» событія 1911—12 гг., стремятся заключить ихъ въ опредѣленныя цѣлевыя и территоріальныя границы, дабы избѣгнуть слишкомъ внезапнаго сдвига міровой исторіи, къ которому Европа еще недостаточно подготовилась.

Цѣлью войны для Италіи провозглашается пріобрѣтеніе Триполитаніи и Киренаики. Театръ войны ограничивается Ливійскою территоріей. Соглашаясь на это, Италія, съ одной стороны, осуществляла актъ свободнаго самоограниченія, съ другой стороны, выражала признаніе общеевропейской заинтересованности державъ въ «восточномъ вопросѣ». Этотъ двойственный характеръ одновременно внутреннихъ и внѣшнихъ ограниченій рельефно выступилъ наружу въ тѣ дни, когда, желая сломить упорство Блистательной Порты, итальянское правительство отдало своему

---

[1]) Das europäische Friedensproblem und der Balkan, München-Leipzig 1913, S. 40.—По поводу „Албанскаго вопроса“ см. La Question Albanaise, Paris 1913.

флоту приказъ бомбардировать внѣшніе форты Дарданеллъ. Само собой разумѣется, что форсированіе пролива въ данномъ случаѣ было простой демонстраціей по адресу Турціи, тѣмъ не менѣе, одной угрозы расширеніемъ рамокъ настоящей войны, въ связи съ перспективой нарушенія европейскаго равновѣсія на «ближнемъ востокѣ», оказалось достаточно, чтобы вызвать серьезныя нареканія въ прессѣ и въ нѣкоторыхъ парламентахъ (см., напр., запросы лорда Ньютона въ верхней палатѣ и депутата Кинга въ палатѣ общинъ). Вызванное бомбардировкой Дарданеллъ временное закрытіе Турціей проливовъ было опротестовано Россіей, наиболѣе страдавшей отъ разобщенія Чернаго моря съ средиземнымъ бассейномъ. Прочія державы, не оспаривая правъ Турціи по отношенію къ проливамъ, ограничились дружескими представленіями въ пользу скорѣйшаго открытія Дарданеллъ для мирнаго торговаго оборота. Само собой разумѣется, что центръ тяжести даннаго вопроса заключался не въ содержаніи ст. 3 Лондонскаго трактата 13 марта 1871 г. (на которую формально ссылалась Россія). Дѣйствія Турціи, хотя бы и вполнѣ правомѣрныя въ рамкахъ подлежащаго договора и обоснованныя событіями войны, становились въ разрѣзъ гораздо болѣе важнымъ интересамъ другихъ державъ, не обязанныхъ жертвовать ими ради частнаго спора воюющихъ.

Въ періодъ 1912—13 гг., «европейскій концертъ» обнаруживаетъ намѣреніе взять въ свои руки дѣло водворенія мира на Балканахъ. Такъ, въ самый день объявленія Черногоріей войны Турціи, т.-е. 8-го октября 1912 г., «великія державы» опредѣляютъ слѣдующими тремя положеніями (формулированными въ коллективной нотѣ на имя Порты) свое отношеніе къ «балканскому вопросу»: 1) державы рѣшительно осуждаютъ всякую мѣру, клонящуюся къ нарушенію мира; 2) ссылаясь на ст. 23 Берлинскаго трактата, онѣ принимаютъ на себя задачу осуществленія (въ интересахъ мѣстнаго населенія) административныхъ реформъ въ европейской Турціи; 3) въ случаѣ возникновенія войны на Балканахъ все равно не будетъ допущено измѣненіе «statu quo» въ территоріальныхъ владѣніяхъ европейской Турціи.

Державы вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаютъ, что мѣропріятія Европы не должны разсматриваться въ качествѣ посягательства на суверенитетъ Султана и территоріальную цѣлость оттоманской имперіи, и что настоящая декларація сохраняетъ за ними право послѣдующаго коллективнаго обсужденія реформъ [1]). Два дня спустя, «великія державы» сталятъ Порту въ извѣстность, что, принимая къ свѣдѣнію публичное заявленіе турецкаго правительства о согласіи на введеніе реформъ, онѣ безотлагательно приступятъ къ переговорамъ по этому предмету, въ соотвѣтствіи съ духомъ ст. 23 Берлинскаго трактата и закона 1880 г. [2]).

[1]) См. Jahrb. d. Völkerr., l. c., Nr. V, S. 14 fg.

[2]) l. c., Nr. VII, S. 15.

17 января 1913 г. «великія державы», оказавшіяся безсильными предотвратить возникновеніе балканскаго пожара, завершившагося пораженіемъ Турціи, обращаются къ Портѣ съ коллективнымъ совѣтомъ, въ интересахъ скорѣйшей ликвидаціи войны, уступить Адріанополь «союзникамъ» и передать судьбу Эгейскихъ острововъ въ руки «европейскаго концерта», обращая вниманіе оттоманскаго правительства на то обстоятельство, что дальнѣйшее продолженіе войны можетъ поставить на очередь вопросъ о Константинополѣ и привести къ перенесенію театра военныхъ дѣйствій въ предѣлы азіатскихъ провинцій имперіи. Въ случаѣ удовлетворенія своихъ требованій, державы обѣщаютъ обезпечить интересы мусульманъ въ Адріанополѣ и неприкосновенность различныхъ памятниковъ и священныхъ реликвій въ означенномъ городѣ, а также—разрѣшить вопросъ объ островахъ Архипелага, согласно съ безопасностью и благополучіемъ Турціи [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, «державы» оказываютъ давленіе и на «союзниковъ», но возможности умѣряя ихъ требованія и предлагая свое «посредничество» въ переговорахъ съ оттоманскимъ правительствомъ.

Въ цѣляхъ избѣжанія братоубійственной войны между «союзниками» при дѣлежѣ турецкаго наслѣдства, русскій императоръ, ссылаясь на текстъ балканскаго союзнаго договора, предлагаетъ свой арбитражъ въ этомъ спорѣ, къ сожалѣнію, неосуществившійся [2]). Сепаратными, но тождественными по редакціи нотами (7-го авг. 1913 г.) державы требуютъ отъ Турціи, поспѣшившей воспользоваться ссорой союзниковъ, соблюденія принциповъ, легшихъ въ основу Лондонскаго трактата и, въ частности, постановленій касательно пограничной линіи «Эносъ-Мидія» [3]). При заключеніи Бухарестскаго мира возникаетъ вопросъ о ратификаціи «великими державами» мирнаго договора или хотя бы только обмѣнѣ взглядовъ по поводу его содержанія, принимая во вниманіе, что Бухарестскій миръ вноситъ радикальное измѣненіе въ «statu quo» на балканахъ [4]). Какъ видно изъ 10-го протокола засѣданія отъ 26-го іюля/8-го августа 1913 г., Австро-Венгрія, а также Россія, сохраняютъ за собой право послѣдующей ревизіи трактата [5]).

Во врему румыно-болгарскаго конфликта по поводу территоріальныхъ «компенсацій», требуемыхъ Румыніей, державы пытаются, воздѣйствуя на обѣ стороны, предупредить развитіе дальнѣйшихъ осложненій. Согласно отзыву *Take Ionescu*, спеціальнаго делегата Румыніи на Лондонской конференціи, всѣ иностранные представители выражаютъ свое

---

1) l. c., Nr. XXII, S. 32 fg.
2) См. выше.
3) l. c., Nr. CLXXV, S. 190.
4) l. c., Nr. CLI, S. 156.
5) l. c., Nr. CLXVIII, S. 172.

удивленіе по поводу несвоевременности румынскихъ притязаній [1]). 1/14 февраля 1913 г. *Sir George Barclay*, представитель Англіи въ Бухарестѣ, дѣлаетъ Румыніи оффиціальное предложеніе прибѣгнуть къ коллективному или индивидуальному «посредничеству» державъ. Предложеніе это поддерживается и другими «великими державами» [2]).

Къ сожалѣнію, «европейскій концертъ» не обнаружилъ надлежащаго единодушія. Въ его дѣйствіяхъ ясно отобразился тотъ дуализмъ, который лежалъ въ основѣ дипломатическихъ группировокъ данной эпохи. Въ декабрѣ 1912 г. румынскій посланникъ кн. Гика сообщаетъ, что по свѣдѣніямъ, идущимъ изъ австро-венгерской миссіи, Россія считаетъ невозможнымъ поддерживать уступку Силистріи [3]). 18/31 янв. 1913 г. представитель Румыніи въ Петербургѣ доноситъ своему правительству: «министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ мнѣ, что въ случаѣ нападенія на Болгарію «le gouvernement Impérial ne serait plus maître de la situation en face de l'effervescence du monde slave» [4]). Отрицательно относится къ румынскимъ притязаніямъ и Франція. 20-го янв./2-го февр. 1913 г. румынскій посланникъ въ Парижѣ доводитъ до свѣдѣнія своего правительства, что занятіе Силистріи, несмотря на протесты Болгаріи, въ особенности до заключенія «союзниками» мира съ Турціей, произвело бы самое тягостное впечатлѣніе на общественное мнѣніе Европы [5]).

Иную позицію въ данномъ вопросѣ заняли Германія и Австро-Венгрія. Депешей отъ 28 декабря 1912 г./10 января 1913 г. представитель Бухареста въ Берлинѣ доноситъ, что румынскія притязанія поддерживаются и будутъ впредь неизмѣнно поддерживаться германскимъ правительствомъ [6]). 1/14 янв. румынскій делегатъ на Лондонской конференціи сообщаетъ, что германскій посолъ обѣщалъ ему предложить своимъ коллегамъ воздѣйствовать въ этомъ направленіи на Софію [7]). День спустя, румынскій посланникъ въ Петербургѣ передаетъ отзывъ австро-венгерскаго посольства, что въ случаѣ выступленія Россіи изъ-за Силистріи Австро-Венгрія, въ свою очередь, возьмется за оружіе, что неизбѣжно вызоветъ всеобщую войну [8]). 15/28 янв. *кн. Гика* говоритъ о серьезномъ внушеніи, которое было сдѣлано *Гешову* германскимъ представителемъ въ Софіи [9]). Интересенъ также отзывъ румынскаго посланника въ Пе-

---

[1]) l. c., Nr. LXI, S. 88.

[2]) l. c., Nr. C., S. 109.

[3]) l. c., Nr. LX, S. 88. Дипломатич. переписка Россіи изложена въ цитиров. выше *Оранж. кн.* №№ 306 и сл.

[4]) l. c., Nr. LXXXVII, S. 102.

[5]) l. c., Nr. LXXXVIII, S. 102.

[6]) l. c., Nr. LXVII, S. 90.

[7]) l. c., Nr. LXXII, S. 93.

[8]) l. c., Nr. LXXIII, S. 94.

[9]) l. c., Nr. LXXXV, S. 100.

тербургѣ по поводу отрицательной въ общемъ позиціи, которую заняли державы тройственнаго согласія по адресу Румыніи въ вопросѣ объ уступкѣ Силистріи. Отношеніе Великобританіи признается «откровенно враждебнымъ», Франціи—«несогласнымъ», а Россіи—«неопредѣленнымъ» [1]).

Отношеніе балканскихъ державъ къ «европейскому концерту» можно характеризовать слѣдующими чертами. Что касается Турціи, то въ періодъ первой балканской войны она выражаетъ готовность приспособляться къ директивамъ «великихъ державъ». Въ своемъ отвѣтѣ на коллективную ноту послѣднихъ отъ 10 окт. 1912 г. оттоманское правительство соглашается на реформы [2]). 23 окт./5 ноября того же года Порта обращается къ державамъ съ ходатайствомъ о «посредничествѣ» [3]). Въ концѣ января 1913 г. Турція соглашается на частичную уступку Адріанополя (по правому берегу Марицы) [4]). 2 апрѣля она принимаетъ условія прелиминарнаго договора, выработанныя «европейскимъ концертомъ» [5]). 3 мая 1913 г. слѣдуетъ согласіе Турціи на немедленное прекращеніе военныхъ дѣйствій и открытіе въ Лондонѣ окончательныхъ мирныхъ переговоровъ, завершившихся 30 мая 1913 г. подписаніемъ мирнаго трактата [6]). Во время второй балканской войны Турція рѣзко измѣнитъ свое первоначальное отношеніе къ «европейскому концерту». Она занимаетъ позицію, явно враждебную для Болгаріи (что и было своевременно учтено Румыніей). Нотой отъ 20 іюля 1913 г. на имя державъ, оттоманское правительство излагаетъ мотивы вторичнаго занятія Адріанополя. На требованіе державъ соблюдать установленную Лондонскимъ трактатомъ пограничную линію Энось—Мидія, Порта отвѣчаетъ вѣжливымъ, но тѣмъ не менѣе рѣшительнымъ отказомъ [7]).

Столь же неустойчива политика «союзниковъ». Какъ видно изъ ноты болгарскаго правительства на имя турецкаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Софіи отъ 13 окт. 1912 г. «союзники» согласны, совмѣстно съ «великими державами», взять на себя задачу осуществленія въ европейской Турціи реформъ, предусмотрѣнныхъ ст. 23 Берлинскаго трактата [8]). Послѣ разрыва мирныхъ переговоровъ въ Лондонѣ 28 янв., они принимаютъ «посредничество» «великихъ державъ» и соглашаются на условія мира, проектированныя «европейскимъ концертомъ» [9]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ періодъ

---

1) l. c., Nr. CX. S. 119 fg.
2) l. c., Nr. X, S. 17 fg.
3) l. c., Nr. 1, S. 82.
4) l. c., Nr., XXIV, S. 36 fg.
5) l. c., Nr. XXXII, S. 42.
6) l. c., Nr. XXXVIII, S. 45, Nr. XXXIX, S. 46 fg.
7) l. c., S. 189 fg.
8) l. c., Nr. VIII, S. 16.
9) l. c., S. 40—43.

непосредственно предшествовавшій вооруженному столкновенію съ «союзниками», Болгарія измѣнитъ свое первоначальное намѣреніе использовать русскій арбитражъ и внезапно нападаетъ на Сербію. Съ другой стороны, въ своемъ (сначала мирномъ) конфликтѣ съ Румыніей по вопросу о «компенсаціяхъ», а также во время второй балканской войны (когда достаточно обнаружилась неудача болгарскаго оружія) Болгарія ищетъ опоры въ «европейскомъ концертѣ», особенно въ державахъ «тройственнаго согласія» и преимущественно въ Россіи. Какъ извѣстно, примирительныя попытки державъ оказались безплодными. Лондонскій протоколъ 16/29 янв. 1913 г. констатировалъ рѣшительное разногласіе между Румыніей и Болгаріей [1]). Столь же неудачны переговоры въ Софіи [2]). Петербургскій протоколъ 26 апр./9 мая [3]), хотя и одобренный обѣими сторонами, не прекратилъ конфликта, въ виду разногласія членовъ пограничной смѣшанной комиссіи, созванной 8/21 іюня во исполненіе постановленій означеннаго протокола [4]). Споръ былъ ликвидированъ лишь разгромомъ Болгаріи. Достаточно двойственной являлась и политика Румыніи: ссылаясь на свои заслуги передъ Европой (въ качествѣ постояннаго фактора мира на «ближнемъ востокѣ» [5]) и угрожая опасностью всеевропейскаго пожара [6]), Бухарестское правительство побуждаетъ «великія державы» воздѣйствовать на Болгарію въ пользу удовлетворенія румынскихъ притязаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, озабоченная исключительно собственными интересами [7]) и подозрительно относясь къ «европейскому концерту», Румынія стремится по возможности использовать свое выгодное положеніе путемъ непосредственныхъ переговоровъ съ Болгаріей, уклоняясь отъ умѣряющаго вліянія третьихъ державъ [8]). Это стремленіе избѣгнуть иностраннаго вмѣшательства въ балканскія дѣла выражено дипломатической перепиской Румыніи, а также Греціи и Сербіи въ періодѣ ликвидаціи второй балканской войны [9]).

Подобная политика становится тѣмъ болѣе понятной, что сами «великія державы» высказывались противъ «концерта». Въ этомъ смыслѣ телеграфируетъ 21 іюня/4 іюля 1913 г. своему правительству румынскій посланникъ въ Лондонѣ по поводу сообщенія о мобилизаціи румынской арміи [10]). Того же мнѣнія и румынскій посланникъ въ Парижѣ [11]). Со-

---

[1]) l. c., Nr, LXXXVI. S. 100 ff.
[2]) l. c., Nr. XCV. S. 105. Nr. XCVI, S. 105.
[3]) l. c., Nr. CXVI, S. 122 ff.
[4]) l. c., S. 126 ff.
[5]) l. c., S 92 fg. 117.
[6]) l. c., Nr. CXII, S. 120 fg.
[7]) l. c., Nr. LVI, S. 87.
[8]) l. c., Nr. LXXI, S. 91, Nr. LXXV, S. 94, Nr. LXXVIII, S. 95.
[9]) l. c., Nr. CXXXVIII, S. 150, Nr. CXLIII, S. 151, Nr. CL, S. 155 fg.
[10]) l. c., Nr. CXXX, S. 147.
[11]) l. c., Nr. CXXXII, S. 148.

гласно донесенію румынскаго посланника въ Берлинѣ отъ 28 іюня/11 іюля, приказъ о вступленіи румынской арміи на болгарскую территорію встрѣченъ сочувственно германскимъ правительствомъ [1]). Еще характернѣе отзывъ послѣдняго, изложенный въ донесеніи отъ 13/26 іюля [2]).

При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что платоническіе протесты «европейскаго концерта» по адресу Турціи были обречены на неудачу и что вопросъ о «ревизіи» Бухарестскаго трактата, возбужденный Австро-Венгріей и Россіей, былъ предрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ [3]).

Признавая неудачу «европейскаго концерта», не слѣдуетъ, однако, совершенно игнорировать его заслугъ. Въ годъ своего расцвѣта онъ былъ несомнѣннымъ факторомъ международнаго равновѣсія, утверждавшаго правопорядокъ Европы. Равновѣсіе это не обладало надлежащей устойчивостью, но все же миръ, который съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ поддерживался «великими державами», былъ положительной цѣнностью. Въ немъ чувствовалась также извѣстная тенденція державъ къ взаимнымъ ограниченіямъ и сдержкамъ ради общихъ интересовъ, поскольку послѣдніе имѣлись налицо [4]).

Ближайшею цѣлью «концерта» въ восточномъ вопросѣ (и вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ обезпеченія мира) признавалось возможное сохраненіе «statu quo» на Балканахъ. Считали наиболѣе цѣлесообразнымъ зафиксировать на неопредѣленное и, по возможности, продолжительное время ту эклектическую группу различныхъ политическихъ отношеній, которыя сложились въ историческихъ условіяхъ существованія Турціи въ предѣлахъ Европы. Избѣгая всякихъ «принципіальныхъ» постановокъ ближне-восточнаго вопроса, державы не только падѣялись приблизить его разрѣшеніе къ реальнымъ запросамъ текущей дѣйствительности, но также, въ извѣстной степени, руководствовались и представленіями нормативнаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, если соображенія цѣлесообразности, руководящія политикой, не свободны отъ вліянія «позитивно-правового комплекса», или дѣйствующаго общественнаго правопорядка, какъ совокупности нормъ поведенія подлежащихъ субъектовъ, то въ основѣ послѣдняго, въ свою очередь, всегда лежатъ опредѣленные «факты» соціальной дѣйствительности—нѣкоторый «данный» жизненный матерьялъ, къ которому приспособляется «право». Этотъ процессъ приспособленія не устранитъ, конечно, противорѣчія между «сущимъ» и «должнымъ». Но все же онъ стремится связать реальную дѣйствительность съ идеальными требованіями права путемъ обоснованія «нормы» на жиз-

---

[1]) l. c., Nr. CXXXVI, S. 149.
[2]) l. c., Nr. CLVIII, S. 158.
[3]) l. c., Nr. CLXXII, 184 ff.
[4]) См. по этому поводу *Hanotaux*, op. cit., p. 27 et ss.

менно-устойчивыхъ данныхъ соціальной дѣйствительности. Иначе говоря, процессъ приспособленія, о которомъ идетъ рѣчь, постулируетъ извѣстный отборъ и оцѣнку фактовъ нормативной значимости. Совокупность послѣднихъ образуетъ основу «правового комплекса», сообщающаго опредѣленную окраску и отношеніямъ «политическаго» характера. Аналогичный процессъ «приспособленія» къ фактамъ исторической дѣйствительности обнаружился и въ политической ориентировкѣ державъ въ «восточномъ вопросѣ».

То, что разумѣли подъ «statu quo» на Балканахъ—представляясь множествомъ историческихъ данныхъ, на основѣ которыхъ сложилась вся система политико-правовыхъ отношеній Европы въ предѣлахъ и по поводу Турціи. Здѣсь не было строгаго внутренняго единства и выраженіе «система» не вполнѣ удачно. Передъ нами масса неоднократныхъ наслоеній, созданныхъ длиннымъ рядомъ вѣковъ. При всемъ своемъ несовершенствѣ и очевидной обреченности на дальнѣйшій распадъ, этотъ конгломератъ установившихся (хотя и неодинаково устойчивыхъ) положеній получалъ извѣстную правовую значимость: фактъ коллективнаго (открытаго или молчаливаго) «признанія» «statu quo» возводилъ его на степень «позитивно-правового комплекса», опредѣлявшаго оцѣнку текущей дѣйствительности подъ угломъ зрѣнія сложившагося на Балканахъ порядка вещей.

Планомѣрное разрѣшеніе балканскаго вопроса представлялось въ высшей степени труднымъ. Турецкій переворотъ, на который одно время возлагались большія надежды, не содѣйствовалъ водворенію мира. Наоборотъ, можно сказать, что онъ лишь ускорилъ развитіе событій въ направленіи все возраставшаго антагонизма. Политика «младо-турокъ», ихъ обѣщанія широкихъ реформъ и стремленіе «возстановить территоріальную цѣлость оттоманской имперіи» прежде всего побудили Австрію поспѣшить съ ликвидаціей Босніе-Герцеговинскаго вопроса и окончательно закрѣпить за собой тѣ турецкія территоріи, которыя номинально продолжали считаться состоящими подъ «суверенитетомъ» Турціи [1]). Такимъ образомъ, осуществилась «аннексія» Босніи и Герцеговины, едва не повлекшая за собой войну Австро-Венгріи съ Сербіей, въ сущности говоря, уже предрѣшенную, но пока отсроченную до болѣе удобнаго времени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ подготовилось измѣненіе «statu quo» въ «средиземномъ бассейнѣ». Германія соглашается предоставить Марокко Франціи, которая утверждаетъ надъ султанатомъ «протекторатъ», значительно расширяющій сферу ея вліянія въ сѣверной Африкѣ. Въ свою очередь, Италія стремится къ аналогичнымъ компенсаціямъ: захватъ Триполитаніи и Киренаики долженъ послужить противовѣсомъ французскому протекторату

---

[1]) *Driault*, op. cit., p. 282.

въ Марокко. Но онъ влечетъ войну съ Турціей и открываетъ дальнѣйшую перспективу грозныхъ событій.

Не удалась и попытка разрѣшенія балканскаго вопроса при посредствѣ политическаго блока балканскихъ державъ. Оборонительный и наступательный союзъ Болгаріи, Сербіи, Черногоріи и Греціи, призванный *вписать новую блестящую страницу въ печальную лѣтопись восточнаго вопроса*, не привелъ къ достаточно положительнымъ результатамъ въ дѣлѣ умиротворенія Балканъ. Побѣда «союзниковъ» надъ Турціей, привлекшая вниманіе всего цивилизованнаго міра, завершилась братоубійственной распрей, къ сожалѣнію, неизбѣжной въ виду крайняго соперничества балканскихъ народностей при дѣлежѣ турецкаго наслѣдства.

Балканскій вопросъ осложнялся слѣдующими данными:

1) Распаденіе Турціи, подготовленное длиннымъ рядомъ событій, представлялось *фактомъ неизбѣжной* исторической дѣйствительности. Внутри турецкаго господствующаго населенія не оказалось въ нужный моментъ тѣхъ жизненныхъ элементовъ, той животворящей общественности, безъ которой немыслимы никакія обновляющія реформы. Турція, очевидно, гибла и никакія внѣшнія усилія не могли ее спасти.

2) Агонія турецкой государственности, столь болѣзненно протекавшая для Балканъ и Европы, сопровождалась двоякимъ процессомъ: постепенной политической эмансипаціей народностей, населявшихъ Турцію, и конкуррирующими притязаніями «великихъ», «среднихъ» и «малыхъ державъ, желавшихъ принять участіе въ раздѣлѣ турецкаго наслѣдства.

3) Эта конкурренція державъ, въ свою очередь, служила неодолимымъ препятствіемъ на пути какихъ бы то ни было серьезныхъ попытокъ обновленія оттоманской имперіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, создавала ту сумму различныхъ политическихъ противовѣсовъ, въ силу которыхъ нежизнеспособное, обреченное на смерть государство продолжало влачить свое искусственное существованіе, порождающее всеобщую смуту.

Разрѣшеніе восточнаго вопроса требовало, во-первыхъ, политическаго размежеванія народностей, населявшихъ имперію, что было въ высшей степени трудно, и, во-вторыхъ, удовлетворенія «справедливыхъ» притязаній державъ, заинтересованныхъ въ полученіи компенсацій—что являлось еще болѣе трудной задачей.

Разложеніе прежняго «statu quo» на Балканахъ требовало созданія новаго. Но этотъ путь обновленія былъ угрозой европейскому миру. При всякомъ капитальномъ ремонтѣ обветшавшаго аппарата соціальныхъ отношеній, правовое сознаніе отрѣшается отъ прежнихъ фактическихъ данныхъ и въ накопившихся матеріалахъ новой дѣйствительности ищетъ разрѣшенія назрѣвшихъ проблемъ переустройства. Въ этомъ процессѣ творчества и упраздненія, нормативная оцѣнка событій «de lege ferenda»

неизбѣжно покидаетъ привычную основу «позитивно-правового комплекса» и обращается къ принципу цѣлесообразности, нерѣдко крайне опасному— при сдвигѣ позитивныхъ устоевъ распадается вся система раніе приспособленныхъ отношеній, нарушается равновѣсіе коллидирующихъ противодѣйствій, скрытый антагонизмъ становится явнымъ и, внезапно, крутая волна соціальныхъ потрясеній широкимъ размахомъ прокатывается по мертвой зыби прежнихъ ритмическихъ колебаній общественной жизни.

Настоящій процессъ, зачастую принимающій катастрофическіе размѣры, особенно характеренъ для судьбы «восточнаго вопроса», неразрывно связаннаго многообразными узами съ другими, не менѣе важными проблемами міровой политики. Распутать этотъ «гордіевъ узелъ» мирными средствами не представлялось возможнымъ въ напряженной атмосферѣ государственнаго индивидуализма и общаго сдвига междувластныхъ отношеній. Равновѣсіе Европы, поддерживаемое системой различныхъ политическихъ группировокъ, было достаточно поколеблено колоссальнымъ ростомъ политической мощи Германіи и множествомъ различныхъ частныхъ событій, потрясавшихъ непрочное зданіе турецкой государственности. При вспышкахъ уже давно занимавшагося мірового пожара, Европа вооружалась съ головы до ногъ, готовясь къ неизвѣстному будущему. Создавались непримиримыя притязанія, росла борьба за «сферы вліяній», державы пробивали брешь въ ветхомъ зданіи оттоманской имперіи, пролагая путь на ближній востокъ, ради возможно бо́льшаго захвата цѣнностей. Идея права, основаннаго на «общихъ» интересахъ, уступала мѣсто суммѣ индивидуальныхъ правосознаній, воодушевленныхъ своими частными, коллидирующими интересами. Слѣдуетъ ли удивляться, что при данныхъ условіяхъ дѣйствительно серьезное удовлетвореніе какихъ бы то ни было «справедливыхъ» притязаній на международной политической аренѣ оказалось неразрѣшимой задачей для «европейскаго концерта».

Если 1912—1913 гг. обнаруживаютъ крайнюю шаткость «солидарной» политики «европейскаго концерта» въ ближневосточномъ вопросѣ, то дипломатическая переписка, вызванная «Сараевскимъ убійствомъ», открываетъ картину полнаго крушенія всѣхъ предшествующихъ начинаній Европы. Глубокій расколъ въ составѣ «великихъ державъ», дававшій себя чувствовать и раньше при всякомъ «коллективномъ выступленіи» европейской дипломатіи, принявъ въ 1914 г. размѣры міровой войны, вовлекшей въ водоворотъ кровавыхъ событій крупнѣйшія изъ современныхъ имперій.

Лѣтопись текущей войны, судьбы которой теряются въ неясныхъ контурахъ будущаго, начинается съ извѣстной ноты австро-венгерскаго посланника въ Бѣлградѣ отъ 10/23 іюля, формулировавшей рядъ требо-

ваній императорско-королевскаго правительства по адресу Сербіи [1]). Содержаніе ноты, ея «ультимативный» характеръ, наконецъ, общая напряженность политической атмосферы—все указывало на серьезность надвигавшихся событій.

Ориентировка «великихъ державъ» опредѣлилась очень скоро. Россія, взявшая на себя защиту сербскихъ интересовъ, дѣлаетъ попытку создать условія, необходимыя для спокойнаго разрѣшенія спора. Въ этихъ цѣляхъ, телеграммой отъ 11 іюля на имя русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Вѣнѣ (одновременно сообщенной въ Лондонъ, Берлинъ, Римъ, Парижъ и Бѣлградъ) *Сазоновъ* настаиваетъ на продленіи срока (даннаго Сербіи для отвѣта) [2]). Русское предложеніе поддерживаетъ Франція и Англія [3]). Германія, наоборотъ, сомнѣвается «удобно ли Австріи уступать въ послѣднюю минуту и не усилитъ ли это самоувѣренность Сербіи» [4]). Что касается самой Австріи, то она рѣшительно высказывается противъ всякой отсрочки [5])

На вопросъ *Грея*—какое значеніе придаетъ Вѣна своей «ультимативной» нотѣ — австрійскій посолъ въ Лондонѣ разъясняетъ, что нота отъ 10/23 іюля не «ультиматумъ», но «выступленіе, вызывающее, въ случаѣ отсутствія отвѣта или неудовлетворительнаго отвѣта къ означенному сроку, разрывъ дипломатическихъ сношеній и немедленный отъѣздъ австро-венгерскаго посланника изъ Бѣлграда, но не немедленное начало военныхъ дѣйствій» [6]). Между тѣмъ, какъ видно изъ телеграммы русскаго посла въ Парижѣ отъ 14 іюля, австро-венгерское правительство, признавъ отвѣтъ Сербіи неудовлетворительнымъ (хотя въ дѣйствительности Сербія согласилась на рядъ самыхъ унизительныхъ для нея уступокъ) довело до свѣдѣнія Франціи, что въ Вѣнѣ рѣшено предпринять «энергичныя дѣйствія»—рѣчь шла «о переходѣ черезъ сербскую границу, объ ультиматумѣ и даже объ объявленіи войны» [7]). Въ томъ же смыслѣ высказался *гр. Берхтольдъ* русскому послу въ Вѣнѣ [8]).

Съ самаго начала іюльскихъ событій, Россія, убѣждая Сербію дать возможно полное удовлетвореніе австрійскимъ притязаніямъ, вмѣстѣ съ

---

[1]) См. Сборникъ дипломатическихъ документовъ (Оранжевая книга). Переговоры отъ 10 до 24 іюля 1914 г., предшествовавшіе войнѣ. (Изд. Мин. Иностр. Д.) С.-Петербургъ 1914 г. №№ 1—3. По поводу „іюльскихъ дней“ см. *баф. Нольде* Внѣшняя политика, Петроградъ 1915 г.

[2]) О. Кн., № 4.

[3]) О. Кн., №№ 15 и 16.

[4]) О. Кн., № 14.

[5]) О. Кн., №№ 11 и 12.

[6]) О. Кн., № 16.

[7]) О. Кн., № 37.

[8]) О. Кн., № 66.

тѣмъ стремилась положить нѣкоторый предѣлъ чрезмѣрнымъ домогательствамъ Вѣны: Австрія должна считаться съ суверенитетомъ сербскаго королевства—вотъ формула русскаго компромисса [1]). Но Вѣна не захотѣла принять эту формулу. *Гр. Берхтольдъ* заявилъ, «что онъ вполнѣ сознаетъ серьезность положенія и всѣ преимущества откровеннаго объясненія съ нами по этому поводу, но что австро-венгерское правительство, весьма неохотно рѣшившееся на столь рѣзкіе шаги по отношенію къ Сербіи, въ настоящій моментъ не можетъ уступить» [2]). Что касается Германіи, къ которой русское правительство обратилось за содѣйствіемъ, то она отказалась «совѣтовать Австріи» принять предложеніе Россіи [3]). Такимъ образомъ, обѣ державы, связанныя другъ съ другомъ союзнымъ договоромъ, занимаютъ явно непримиримую позицію по отношенію къ Сербіи и, косвенно, Россіи.

Во время русско-австрійскихъ переговоровъ, Англія беретъ на себя иниціативу «добрыхъ услугъ» и «посредничества» четырехъ великихъ державъ—Германіи, Франціи, Италіи и Англіи [4]). Россія тотчасъ же присоединяется къ англійскому предложенію: въ отвѣтъ на сообщеніе *гр. Бенкендорфа* отъ 14 іюля касательно проекта *Грея* «о медіаціи 4-хъ правительствъ» [5]), *Сазоновъ*, циркулярной телеграммой отъ того же числа (посламъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и Римѣ) спѣшитъ увѣдомить, въ самыхъ категорическихъ выраженіяхъ, что «русское правительство готово принять англійское предложеніе, это, или всякое другое, способное мирно разрѣшить конфликтъ, если бы непосредственныя наши объясненія съ вѣнскимъ кабинетомъ не наладились» [6]). На слѣдующій день *Сазоновъ* телеграфируетъ русскому послу въ Лондонѣ: «послѣдствіе военныхъ дѣйствій между Австро-Венгріей и Сербіей—необходимо скорѣйшее воздѣйствіе Англіи съ цѣлью посредничества и немедленная пріостановка военныхъ дѣйствій Австріи противъ Сербіи» [7]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, 16 іюля *Сазоновъ* ставитъ въ извѣстность германское министерство иностранныхъ дѣлъ (черезъ посредство русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Берлинѣ), что «наилучшимъ способомъ использовать всѣ мѣры къ мир-

---

[1]) О. Кн., № 25; также №№ 60, 67.

[2]) О. Кн., № 45.

[3]) О. Кн., № 38.

[4]) О. Кн., № 22; „...единственная возможность оказать какое-либо посредническое или умѣряющее вліяніе состоитъ въ томъ, чтобы Германія, Франція, Италія и мы, какъ не имѣющіе прямыхъ интересовъ въ Сербіи, дѣйствовали солидарно въ интересахъ мира, одновременно въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ (Сэръ Э. Грей—Сэру Ф. Берти, $^{24}/_{11}$ іюля, см. англ. *Бѣлую Книгу*, № 10), см. также №№ 11, 36 и др.

[5]) О. Кн., № 31.

[6]) О. Кн., № 32.

[7]) О. Кн., № 48.

ному разрѣшенію кризиса намъ представляются параллельные переговоры четверной конференціи Англіи, Франціи, Италіи и Германіи и одновременно наши непосредственныя сношенія съ вѣнскимъ кабинетомъ, какъ это было въ наиболѣе острые моменты прошлогодняго кризиса. Мы полагаемъ, что послѣ уступокъ, сдѣланныхъ Сербіей, найти компромиссъ по остающимся пунктамъ разногласій не представлялось бы труднымъ, если бы Австрія проявила добрую волю и Германія направила бы усилія въ томъ же примирительномъ смыслѣ» [1]). Предложеніе это, энергично поддержанное Франціей [2]), встрѣчаетъ, однако, подъ внѣшнимъ покровомъ принципіальнаго одобренія, уклончиво-отрицательное отношеніе со стороны Германіи [3]). Въ краткомъ обозрѣніи французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ(составленномъ къ моменту возвращенія въ Парижъ президента) мы читаемъ: «...Германія, повидимому, отказывается отъ мысли воздѣйствія только на Россію и склоняется къ посредническому воздѣйствію какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Вѣнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ Германія, такъ и Австрія стремятся затянуть дѣла. Германія возражаетъ противъ конференціи и не указываетъ ни на какой практическій образъ дѣйствій. Австрія ведетъ явно затяжные переговоры въ Петербургѣ» [4]). 16 іюля *Извольскій* телеграфируетъ *Сазонову* по поводу обмѣна взглядовъ между французскимъ правительствомъ и германскимъ посломъ въ Парижѣ касательно «медіаціи державъ»: «На замѣчаніе *Вивіани*, что если Германія желаетъ мира, она должна поспѣшить примкнуть къ предложеніе Англіи о медіаціи, баронъ *Шёнъ* отвѣтилъ, что слово конференція или арбитражъ пугаютъ Австрію. *Вивіани* сказалъ, что дѣло не въ словахъ и что не трудно пріискать иную форму медіаціи» [5]).

Іюльская дипломатическая переписка свидѣтельствуетъ о солидарности и миролюбіи державъ «согласія». Равнымъ образомъ, обнаруживается несомнѣнное тяготѣніе къ послѣднимъ Италіи, поддерживавшей англійскій проэктъ «медіаціи». Всѣ державы «согласія» стоятъ на точкѣ зрѣнія общеевропейскаго значенія настоящаго конфликта. Россія съ самаго начала исходитъ изъ этого принципа; такъ еще 12 іюля *Сазоновъ*

---

[1]) О. Кн., № 49.

[2]) О. Кн., №№ 28, 39. По поводу французской позиціи, см. „Желтую Кн." (Дипломат. Арх. т. V. Петроградъ).

[3]) См. донесенія русскихъ представителей въ Парижѣ и Берлинѣ, О. Кн., №№ 34, 39; отрицательное отношеніе Германіи къ англійскому проекту подтверждается и германской „Бѣлой Книгой", см телеграмму имперскаго Канцлера германскому послу въ Лондонѣ отъ 27 іюля (н. ст.): „... Il nous est impossible d'amener notre alliée devant un tribunal européen à l'occasion de sen différend ovec la Serbie", см. Le livre blanc allemand. (Парижское изд. Pages d'histoire 1914—15) Annexe 12.

[4]) О. Кн., № 53.

[5]) О. Кн., № 55.

телеграфируетъ въ Лондонъ: «Въ случаѣ дальнѣйшаго обострѣнія положенія, могущаго вызвать соотвѣтствующія дѣйствія Великихъ Державъ, мы разсчитываемъ, что Англія не замедлитъ опредѣленно встать на сторону Россіи и Франціи, чтобы поддержать то равновѣсіе въ Европѣ, за которое она постоянно выступала и въ прошломъ и которое будетъ несомнѣнно нарушено въ случаѣ торжества Австріи» [1]). Эта оцѣнка положенія вещей всецѣло раздѣляется самой Англіей. По отзыву *Грея*, австро-сербскій споръ самъ по себѣ «лишь косвенно» затрагиваетъ англійскіе интересы, но должно предвидѣть, что «австрійская мобилизація вызоветъ мобилизацію Россіи и что съ этого момента возникаетъ положеніе, въ коемъ заинтересованы будутъ всѣ державы. Англія въ этомъ случаѣ предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствій» [2]). 14 іюля русскій посолъ въ Лондонѣ телеграфируетъ: «*Грей* только что отвѣтилъ германскому послу»— если Австрія «пойдетъ на военныя дѣйствія, это будетъ означать, что она намѣрена уничтожить Сербію. Вопросъ, поставленный на этой почвѣ, вызоветъ положеніе, при которомъ можетъ послѣдовать война, въ которую будутъ втянуты всѣ державы. *Грей*, наконецъ, заявилъ, что Великобританское Правительство готово самымъ искреннимъ образомъ содѣйствовать Германскому Правительству, пока дѣло идетъ о сохраненіи мира, въ противномъ случаѣ Англія предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствія» [3]). Вполнѣ солидарна съ Россіей и Франціи: *Вивіани* открыто заявляетъ германскому послу въ Парижѣ, «что Франція искренно желаетъ мира, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшила дѣйствовать въ полномъ единеніи со своими союзниками и друзьями и что онъ, *бар. Шёнъ*, могъ убѣдиться, что эта рѣшимость встрѣчаетъ живѣйшее сочувствіе страны» [4]). 16 іюля *Сазоновъ* телеграфируетъ *Извольскому* о «вѣроятной неизбѣжности войны» съ Германіей и проситъ поставить объ этомъ къ извѣстность французское правительство, а также передать ему «нашу искреннюю благодарность» по поводу заявленія французскаго посла о томъ, «что мы можемъ въ полной мѣрѣ разсчитывать на союзническую поддержку Франціи» [5]). Но Россія не ищетъ войны: «Если Австрія, признавая, что австро-сербскій вопросъ принялъ характеръ общеевропейскаго вопроса, заявитъ о готовности исключить изъ своего ультиматума пункты, которые нарушаютъ суверенныя права Сербіи, Россія обязуется

[1]) О. Кн., № 17.

[2]) О. Кн., № 20.

[3]) О. Кн., № 42. „Три дня спустя, Бенкендорфъ телеграфируетъ: „германскій посолъ спросилъ Грея, почему Англія принимаетъ военныя мѣры какъ сухопутныя, такъ и морскія. Грей ему отвѣтилъ, что эти мѣры не имѣютъ агрессивнаго характера, но что положеніе таково, что каждая держава должна приготовляться". (О. Кн., № 65).

[4]) О. Кн., № 55.

[5]) О. Кн., № 58.

прекратить свои военныя приготовленія» [1]). Мало этого, по предложенію Англіи, русское правительство соглашается измѣнить эту формулу: «Если Австрія согласится остановить движеніе своихъ войскъ на сербской территоріи и если, признавая, что австро-сербскій конфликтъ принялъ характеръ Европейскаго вопроса, она допуститъ, чтобы Великія Державы разсмотрѣли вопросъ о томъ удовлетвореніи, которое Сербія могла бы дать австро-венгерскому правительству безъ нанесенія ущерба своимъ правамъ суверенная государства и своей независимости,—Россія принимаетъ на себя обязательство сохранять свое выжидательное положеніе» [2]).

Задача Германіи—«локализовать» австро-сербскій конфликтъ; въ этомъ смыслѣ высказывается германскій посолъ въ Парижѣ [3]); принципъ «локализаціи» получилъ также официальное признаніе въ «письменномъ сообщеніи», переданномъ германскимъ посломъ въ Петербургѣ министру иностранныхъ дѣлъ 12 іюля [4]). Германская дипломатія вмѣстѣ съ тѣмъ стремится «изолировать» Россію, тщетно убѣждая Францію и Англію воздѣйствовать на русское правительство въ интересахъ удовлетворенія австро-венгерскихъ притязаній [5]).

Цѣль Австро-Венгріи—поставить Европу передъ «fait accompli». Весьма характерно, по этому поводу, признаніе германскаго статсъ-секретаря французскому послу *Камбону:* «въ случаѣ слишкомъ явнаго давленія Австрія поспѣшитъ поставить Германію предъ совершившимся фактомъ [6]) 16-го іюля *Извольскій* телеграфируетъ: «Австрія»...«предпринимаетъ активныя дѣйствія, и если эти дѣйствія будутъ допущены, требованія ея соразмѣрно возрастутъ. Весьма желательно, чтобы Россія оказала полное содѣйствіе проекту медіаціи, съ которымъ выступитъ сэръ Э. Грей. Въ противномъ случаѣ, Австрія, подъ предлогомъ «гарантіи», можетъ фактически измѣнить территоріальный статутъ восточной Европы» [7]).

Агрессивность австрійской политики тщательно маскируется миролю-

---

[1]) О. Кн., № 60.

[2]) О. Кн., № 67.

[3]) О. Кн., № 8. См. также германскую „Бѣлую Кн.“: „...Le devoir de préserver, si c'est possible, l'Europe d'une guerre générale, nous impose en même temps l'obligation de seconder tous efforts tendant à la localisation du conflit“. (Le chancelier de l'Empire aux Etats confédérés, Berlin, le 28 juillet 1914, Annexe 2 b). При этомъ (что особенно характерно) „...notre avis est que la question doit rester localisée de telle sorte que les Puissances s'abstiennent d'intervenir“. (Телеграмма имперскаго Канцлера германскому послу въ Лондонѣ отъ 25 іюля н. ст. 1914 года Annexe 13).

[4]) О. Кн., № 18.

[5]) О. Кн., №№ 20, 28, 35, 41, 42.

[6]) О. Кн. № 51.

[7]) О. Кн., № 53.

бивыми завѣреніями, исходящими изъ Вѣны и Берлина. «Сегодня управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ» (телеграфируетъ 13 іюля русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ) «вновь посѣтилъ германскій посолъ, давшій слѣдующія объясненія: «Австрія объявила Россіи, что она не ищетъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и не угрожаетъ цѣлости Сербіи. Ея единственная цѣль—обезпечить собственное спокойствіе» [1]). Въ дополненіе къ донесенію *Севастополо,* 14 іюля *Извольскій* телеграфируетъ: «Сегодня утромъ бар. *Шёнъ* письменно подтвердилъ сдѣланное имъ вчера заявленіе» [2]). 17 іюля *Сазоновъ* сообщаетъ русскимъ посламъ въ Германіи, Австро-Венгріи, Франціи, Англіи и Италіи: «Германскій посолъ, только что бывшій у меня, спросилъ, не можемъ ли мы удовлетвориться обѣщаніемъ, которое могла бы дать Австрія,—не нарушать цѣлостности Сербскаго королевства, и указать, на какихъ условіяхъ мы еще согласились бы пріостановить наши вооруженія» [3]). На слѣдующій день русскій посолъ въ Вѣнѣ телеграфируетъ: «Несмотря на всеобщую мобилизацію, я продолжаю обмѣнъ мыслей съ *гр. Берхтольдомъ* и его сотрудниками. Всѣ они настаиваютъ на отсутствіи у Австріи какихъ-либо агрессивныхъ намѣреній противъ Россіи и какихъ-либо завоевательныхъ стремленій относительно Сербіи» [4]). Мало того, согласно телеграммѣ *Извольскаго* отъ 19 іюля, «Австрійскій посолъ былъ вчера вечеромъ у *Вивіани* и заявилъ ему, что Австрія не только не имѣетъ намѣренія нарушить территоріальную цѣлость Сербіи, но готова обсудить съ другими державами свой споръ съ Сербіей по существу» [5]). Въ тотъ же день *Извольскій* телеграфируетъ: «Со словъ президента, за послѣдніе дни австрійскій посолъ усиленно увѣрялъ предсѣдателя совѣта министровъ и его самого, что Австрія выразила намъ готовность уважать не только территоріальную цѣлость Сербіи, но и ея державныя права, но что мы преднамѣренно замолчали это заявленіе. Я категорически отрицалъ это» [6]).

Таковы обѣщанія и завѣренія Вѣны и Берлина [7]). Къ сожалѣнію, съ ними не вяжутся факты: всеобщая мобилизація австрійской арміи, вооруженныя дѣйствія противъ Сербіи, наконецъ,—война съ Россіей, мотивированная отвѣтной русской мобилизаціей.

Кто больше виноватъ въ этихъ печальныхъ событіяхъ, Германія или Австрія? Не будемъ касаться этого вопроса. Несомнѣнно лишь то, что

---

[1]) О. Кн., № 28.
[2]) О. Кн., № 35.
[3]) О. Кн., № 60.
[4]) О. Кн., № 66.
[5]) О. Кн., № 73.
[6]) О. Кн., № 75.
[7]) Они положены въ герм. „Бѣлой Книгѣ“ (см. Annexes, 2b, 3, 5, 10, 10a, 10b, 18).

«стрѣла была выпущена» изъ австро-германскаго лагеря, и что Германія сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобы намѣченная цѣль—«разъ стрѣла выпущена»—оказалась достигнутой [1]).

III. Конфликтное упраздненіе междувластнаго отношенія (сюда прежде всего относится война) приводитъ къ реальной переоцѣнкѣ подлежащихъ нормъ „позитивно-правового комплекса“ [2]).

а) *Нормы, инструментальныя въ данной конкретной обстановкѣ, сохраняютъ свою правовую значимость.* Такъ, въ эпоху итало-турецкой войны не возникло никакихъ осложненій по поводу морской блокады итальянцами Ливійскаго побережья, начавшейся съ самаго открытія военныхъ дѣйствій (29 сентября), а также послѣдующей частичной блокады береговъ Краснаго моря (съ 22 января 1912 г. [3]). Обѣ блокады были, повидимому, вполнѣ «эффективны», лишній разъ подтвердивъ практическое превосходство формулы Парижской деклараціи 1856 г., сравнительно со ст. 4-й акта «вооруженнаго нейтралитета» [4]). Во время балканской войны Греція объявила блокаду бухты «Prevesa»; нѣкоторое время поддерживалась ею и блокада Лемноса. Турки краткое время блокировали болгарское побережье [5]).

---

[1]) Въ своемъ докладѣ Рейхстагу 3 авг. (п. ст.) *Bethmann-Hollweg* (какъ и слѣдовало ожидать) возлагаетъ всю тяжесть отвѣтственности на Сербію и Россію (см. цитиров. герм. „Бѣлую Книгу“, стр. 4 и сл.).

[2]) Событія текущей великой борьбы народовъ крайне показательны для интересующаго насъ вопроса и особенно подтверждаютъ значимость принципа „reb. s. st.“ для динамики междувластныхъ правоотношеній. Въ частности, подъ вліяніемъ всеобщей милитаризаціи населенія (призыва къ оружію всѣхъ гражданъ, способныхъ принять активное участіе въ войнѣ) значительно стерлась принципіальная грань, отдѣлявшая такъ назыв. „комбатантовъ“ отъ „некомбатантовъ“ (между тѣмъ, различіе этихъ двухъ категорій лежало въ основѣ постановленій гаагскихъ мирныхъ конференцій, формулировавшихъ итоги всей предшествовавшей эволюціи международнаго права войны). Равнымъ образомъ, несомнѣнный переворотъ въ нормахъ права войны вызоветъ развитіе техники подводной и воздушной войны. Эти примѣры не имѣютъ, конечно, сколько нибудь исчерпывающаго значенія. Несмотря на громадную важность современныхъ матерьяловъ, мы не станемъ ихъ касаться въ виду невозможности (до окончанія войны) плодотворной научной оцѣнки еще не опредѣлившихся явленій международной дѣйствительности.

[3]) *Jahrb d. Völkerr.*, Bd. II, 1 Hälfte, S. 478 ff.

[4]) Лондонская морская декларація воспринимаетъ формулу Парижской, присовокупляя (вполнѣ основательно, что „эффективность“ блокады—вопросъ факта (question de fait), подлежащій обсужденію соотвѣтственно особенностямъ отдѣльныхъ случаевъ, см. *Rapisardi-Mirabelli*, op. cit. p. 108.

[5]) *K. Strupp*, op. cit., S. 595.

b) *Нормы, противорѣчащія непреложному ходу событій, обречены на безсиліе.* Сюда слѣдуетъ отнести различныя безплодныя попытки остановить развитіе военной техники (начиная съ «соборныхъ» постановленій касательно «баллистаріевъ» и «сагистаріевъ», послѣдующихъ порицаній по адресу огнестрѣльнаго оружія и, наконецъ, современной галантской регламентаціи минной войны, а также запретительныхъ распоряженій по поводу военной авіаціи).

c) *Нормы съ недостаточно устойчивымъ жизненнымъ основаніемъ обнаруживаютъ соотвѣтственныя явленія практической неустойчивости.* Въ такомъ положеніи, несмотря на предшествующіе труды Лондонской декларации, оказался ко времени итало-турецкой войны вопросъ о «военной контрабандѣ». Примѣнительно къ ст. 216 кодекса торговаго мореплаванія, итальянское правительство распубликовало лишь одинъ списокъ запрещенныхъ вещей, въ которомъ послѣ краткаго, чисто примѣрнаго, перечисленія дается общее опредѣленіе предметовъ военной контрабанды: къ числу послѣднихъ пріурочивается все, что̀ можетъ, безъ предварительной обработки, непосредственно служить морскому или сухопутному вооруженію [1]). Никакого различія между «абсолютной» и «относительной» контрабандой въ смыслѣ Лондонской декларации (Италіей не ратификованной) не устанавливается. Тѣмъ не менѣе, въ «инструкціи» командирамъ военныхъ судовъ [2]), правительство рекомендуетъ придерживаться постановленій «декларации», не противорѣчащихъ законамъ королевства. Что касается Турціи, то первоначально весьма подробный списокъ «абсолютной» контрабанды былъ впослѣдствіи (примѣнительно къ итальянской декларации) сокращенъ, причемъ не вошедшіе въ новый списокъ (но приведенные въ первомъ) предметы были пріурочены къ «относительной» контрабандѣ (согласно Лондонской декларации). Дополнительнымъ разъясненіемъ оттоманскаго правительства они вовсе изъемлются изъ категоріи «военной контрабанды» [3]).

Противорѣчивость теорій «военной контрабанды» не могла не отразиться и на призовой практикѣ. Отмѣтимъ по этому поводу два довольно существенныхъ инцидента изъ лѣтописей итало-турецкой войны, вызвавшихъ горячую журнальную полемику и дипломатическую переписку, завершившуюся третейскимъ разбирательствомъ. Мы имѣемъ въ виду задержаніе въ открытомъ морѣ двухъ французскихъ пакетботовъ— «Carthage» и «Manouba». Первый былъ остановленъ 16 янв. 1912 г. итальянскимъ контръ-миноносцемъ «Agordat» (въ 17 миляхъ къ югу отъ Сардиніи) и послѣ осмотра, обнаружившаго нахожденіе на немъ аэро-

---

[1]) *Archives dipl.*, 1911, T. 120, pp. 63 et ss.

[2]) *Rapisardi-Mirabelli*, op. cit. (Revue de dr. int. et de legisl. comp., 1913, II Serie, T. 15, pp. 132 et ss.).

[3]) *Archives dipl.*, 1911. T. 120, pp. 64 et ss.).

плана, отведенъ въ портъ Кальяри. По мнѣнію *La Pladelle* [1]), дѣйствіе итальянскихъ властей являлось неправомѣрнымъ, такъ какъ, согласно Лондонской декларація, аэропланъ—предметъ «относительной» (условной) контрабанды, на которую не распространяется начало «единства пути», между тѣмъ судно, о которомъ идетъ рѣчь, направлялось изъ нейтральнаго порта въ нейтральный. Наоборотъ, *Rapisardi-Mirabelli* [2]) раздѣляетъ итальянскую точку зрѣнія: задержаніе судна и конфискація аэроплана, принадлежавшаго французскому авіатору Дювалю, вполнѣ оправдывались тѣмъ обстоятельствомъ, что настоящій грузъ, очевидно, предназначался для нуждъ турецкой арміи (съ транзитомъ черезъ Тунисъ). Что же касается Лондонской декларація, то установленное ею различіе условій захвата для «абсолютной» и «относительной» контрабанды не могло юридически связывать Италію, такъ какъ послѣдняя не ратифицировала ея постановленій. Посредствующую позицію занялъ *De Boeck* [3]), хотя и разсматривающій дѣло «Carthage» подъ угломъ зрѣнія Лондонской декларація, но вмѣстѣ съ тѣмъ признающій ея формальную необязательность для Италіи. Постоянная Палата третейскаго суда въ Гаагѣ [4]), коей поручено было (на основаніи франко-итальянскаго компромисса) ликвидировать настоящій споръ, не вынесла какого-либо принципіальнаго рѣшенія. Судъ напередъ уклонился отъ оцѣнки вопроса о томъ, къ какой категоріи контрабанды (абсолютной или относительной) слѣдуетъ пріурочить аэропланъ Дюваля, а также—приложима ли вообще къ данному случаю теорія «единства пути». Арестъ «Carthage» былъ признанъ неправильнымъ на томъ основаніи, что въ показаніяхъ итальянскихъ властей отсутствовала надлежащая аргументація «враждебнаго назначенія аэроплана», что само по себѣ уже исключало законность захвата. Согласно *Ruzé* [5]), въ основу настоящаго третейскаго рѣшенія положена правильная теорія «des «motifs suffisants de croire» à un trafic de contrebande», поскольку рѣчь могла итти лишь о мотивахъ строго «юридическаго порядка». Что касается Лондонской декларація, то надлежитъ отмѣтить, что хотя она и не была ратифицирована итальянскимъ правительствомъ,—это не исключало ея обязательности, принимая во вниманіе,

---

[1]) См. его отзывъ въ „Matin“ отъ 17 янв. 1912 г.

[2]) Op. cit., p. 131.

[3]) Les incidents franco-italiens (Journ. de Clunet, 1912, №№ III, IV, p. 462 et ss.).

[4]) Sentence rendue le 6 mai 1913 par le Tribunal Arbitral dans l'affaire du vapeur postal français „Carthage“ (Revue de dr. int. et de législ. comp., II Série, T. XVI, 1914, p. 103 et ss.).

[5]) Un arbitrage franco-italien. L'Affaire du „Carthage“ et l'affaire du „Manouba“ (Revue de dr. internat. et de législ. comp., II Serie, T. XVI, 1914. p. 101 et ss.).

что по содержанію своему она вполнѣ соотвѣтствовала общепризнаннымъ началамъ международнаго права и, въ этомъ смыслѣ, обладала авторитетомъ «международнаго обычнаго права». Ссылка на нее «à ce titre» вполнѣ допустима.

Аналогичный инцидентъ возникъ вслѣдствіе задержанія и привода въ Кальяри (18 янв. 1912 г.) другого французскаго пакетбота «Manouba», захваченнаго тѣмъ же предпріимчивымъ контръ-миноносцемъ. *Rapisardi-Mirabelli* [1]) полагаетъ, что арестъ «Манубы», имѣвшей на своемъ бортѣ 29 турецкихъ пассажировъ (будто бы членовъ санитарнаго отряда) не посягалъ на ст. 10 Гаагской конв. 18 окт. 1907 г. касательно примѣненія къ морской войнѣ принциповъ Женевской конв., такъ какъ означенная статья гарантируетъ неприкосновенность санитарнаго персонала «qui est traitement tel» и, во всякомъ случаѣ, не исключаетъ «toutes recherches ayant pour but de vérifier l'existence de ce caractère». Вслѣдствіе возникшаго разногласія между французскимъ и итальянскимъ правительствами, споръ былъ переданъ Гаагскому третейскому трибуналу [2]). Судебное рѣшеніе, постановленное въ томъ же составѣ судей, что и по дѣлу «Carthage», признало необходимымъ раздѣлить и подвергнуть самостоятельной оцѣнкѣ три различныхъ момента, а именно,—захватъ «Манубы», ея приводъ въ Кальяри и арестъ 29 оттоманскихъ пассажировъ. По поводу двухъ первыхъ моментовъ судъ призналъ дѣйствія взятеля неправильными, такъ какъ, во-первыхъ, капитану «Манубы» не было своевременно (до захвата) предъявлено требованіе о выдачѣ означенныхъ пассажировъ и, во-вторыхъ, не имѣлось никакихъ достаточныхъ основаній сомнѣваться въ «bona fides», какъ арматора, такъ и капитана «Манубы». На арестъ пассажировъ судъ взглянулъ иначе: принимая во вниманіе, что въ данномъ случаѣ имѣлись налицо законные мотивы подозрѣвать членовъ турецкаго санитарнаго персонала (по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ) въ принадлежности къ составу непріятельской арміи и что капитанъ французскаго судна (уже послѣ привода его въ Кальяри) отказался немедленно выдать этихъ лицъ, судъ нашелъ, что при данныхъ условіяхъ итальянскія власти были въ правѣ принять всѣ необходимыя мѣры принужденія и, въ частности, задержать «Манубу», пока не послѣдуетъ выдача турецкихъ пассажировъ. Настоящее судебное рѣшеніе, по справедливому отзыву *Ruzé* [3]), интересно въ особенности потому, что оно разсматриваетъ данный казусъ съ точки зрѣнія общихъ принциповъ права.

---

[1]) Op. cit., p. 136.

[2]) Постановленіе суда по дѣлу „Manouba“ отпечатано въ Revue de dr. internat. et de législ. comp., II Serie, T. XVI, 1914, p. 109 et ss.

[3]) Op. cit., p. 128 et ss.

Въ эпоху балканскихъ войнъ, греческое правительство, въ согласіи съ постановленіями Лондонской декларации, распубликовало два списка предметовъ контрабанды, «абсолютной» и «относительной», придерживаясь, въ вопросѣ о назначеніи груза, статей (30 и 33) означенной декларации. Что касается распредѣленія предметовъ по спискамъ, то здѣсь оно нѣсколько отступило отъ ея постановленій. Такъ, къ категоріи «абсолютной контрабанды» были (вопреки ст. 24 Лондонской декл.) отнесены «горючіе матерьялы»; съ другой стороны, Греція отказалась впослѣдствіи отъ конфискаціи «относительной контрабанды». Кромѣ того, включенные въ первый списокъ «горючіе матерьялы», какъ-то: уголь, нефть и т. п., были дополнительно признаны «абсолютной контрабандой» только въ томъ случаѣ, когда они направляются въ турецкія гавани Дарданеллъ. Впослѣдствіи, однако, это распоряженіе было отмѣнено и данные предметы отнесены къ категоріи «абсолютной контрабанды» даже при назначеніи ихъ въ какой-либо иной турецкій портъ, хотя бы находящійся внѣ Дарданельскаго пролива. Что касается Турціи, то она равнымъ образомъ приняла за образецъ Лондонскую декларацію [1]).

Не всякое, однако, нарушеніе нормы международнаго права слѣдуетъ разсматривать, какъ признакъ ея неустойчивости. Вторая балканская война—вопреки постановленіямъ Гаагской конвенціи—возникла безъ предварительнаго объявленія войны, въ силу факта нападенія болгарской арміи на сербскія и греческія войска. Спустя нѣсколько дней послѣ начала военныхъ дѣйствій, циркулярной депешей отъ 19 іюня/2 іюля 1913 г. на имя румынскихъ посланниковъ въ Софіи, Аѳинахъ и Бѣлградѣ, предсѣдатель румынскаго кабинета *(Maioresci)* освѣдомляется: въ какой мѣрѣ правительство, при коемъ они аккредитованы, признаетъ войну возникшей безотносительно къ вопросу о формальномъ объявленіи послѣдней [2]). Въ тотъ же день *кн. Гика* (румынскій посланникъ въ Софіи) отвѣчаетъ: «полагаю, что болгарское правительство не будетъ формально признавать войны, пока сраженія, хотя бы и весьма крупныя, имѣютъ мѣсто лишь въ Македоніи (dans la zone contestée ou de condominium) [3]). Наоборотъ, согласно отзывамъ двухъ другихъ дипломатическихъ агентовъ, Греція и Сербія считали себя уже находящимися въ состояніи войны съ Болгаріей [4]). Что касается румыно-болгарской войны, то еще 26 дек. 1912 г./8 янв. 1913 г. *Maioresci* пишетъ спеціальному румынскому делегату въ Лондонѣ, что Румынія рѣшила, въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія Болгаріи, занять Добруджу вооруженной силой, не мобилизуя арміи и не

---

[1]) *K. Strupp*, op. cit., S. 593 ff.

[2]) *Jahrb d. Völkerr.*, II Bd. 1 Hälfte, S. 79.

[3]) l. c., S. 79.

[4]) l. c., S. 79 fg.

объявляя войны [1]). Циркулярной депешей отъ 20 іюня/3 іюля иностранныя державы извѣщаются о состоявшемся королевскомъ приказѣ касательно мобилизаціи румынской арміи [2]). Недѣлю спустя, румынское правительство доводитъ до свѣдѣнія Болгаріи (черезъ посредство своего представителя въ Софіи), что арміи отданъ приказъ о вступленіи на болгарскую территорію [3]). Наконецъ, 30 іюня/13 іюля *Mairesci*, ссылаясь на ноту отъ 27 іюня, передастъ болгарскому посланнику въ Бухарестѣ, что «l'état de guerre existe actuellement entre nos pays» [4]).

d) *Преходящая коллизія въ общемъ безспорной нормы съ болѣе устойчивыми интересами сопровождается явленіями временной «дерогаціи».* Таковы, напр., случаи внѣдоговорнаго ограниченія театра военныхъ дѣйствій въ цѣляхъ обезпеченія доминирующихъ интересовъ «нейтральныхъ» (см., напр., итало-турецкую войну).

e) *Особенности конфликтной обстановки порождаютъ спеціальныя политико-правовыя отношенія.* Балканскія войны 1912—1913 гг. поставили на очередь вопросъ о такъ называемомъ «дружественномъ нейтралитетѣ». Такъ, ст. 1 секретнаго приложенія къ договору о дружбѣ и союзѣ между Сербіей и Болгаріей отъ 29 февраля 1912 г. предусматриваетъ возможность сепаратныхъ вооруженныхъ выступленій одного изъ союзниковъ. Въ этомъ случаѣ, другая сторона обязуется соблюдать «une neutralité amicale», мобилизовать, въ границахъ предусмотрѣнныхъ конвенціей, свои вооруженныя силы и, наконецъ, притти на помощь контрагенту, если какая-либо третья держава станетъ на сторону Турціи [5]). Въ аналогичномъ смыслѣ составлена ст. 5 болгаро-сербской военной конвенціи [6]). Дополнительная декларація къ греко-болгарскому союзному договору отъ 16/29 мая 1912 г. предусматриваетъ «une neutralité bienveillante» со стороны Болгаріи въ случаѣ нападенія Турціи на Грецію *по поводу допущенія въ греческій парламентъ* (противъ желанія оттоманскаго правительства) депутатовъ острова Крита [7]). Ст. 4 военной конвенціи, подписанной данными сторонами 22 сентября, говоритъ о «дружественномъ нейтралитетѣ» въ пользу «союзника» при объявленіи (безъ предварительнаго соглашенія съ контрагентомъ) войны какому-либо третьему государству [8]).

Помимо отмѣченныхъ случаевъ, гдѣ обязанность «дружественнаго

---

[1]) l. c., Nr. LXIV, S. 89.
[2]) l. c., Nr. CXXVII, S. 146.
[3]) l. c., Nr. CXXXIII, S. 148.
[4]) l. c., Nr. CXXXVII, S. 149.
[5]) l. c., S. 5.
[6]) l. c., S. 8.
[7]) l. c., S. 12.
[8]) l. c., S. 14.

нейтралитета» относилась къ державамъ, связаннымъ формальнымъ союзнымъ договоромъ, вопросъ о «дружественномъ», или «доброжелательномъ» нейтралитетѣ былъ возбужденъ Болгаріей: въ самомъ началѣ балканскихъ событій болгарское правительство, подробно излагая (вербальною нотой отъ 5/18 октября 1912 г.) мотивы, побудившіе «союзниковъ» прибѣгнуть къ оружію, выражаетъ увѣренность въ «благожелательномъ нейтралитетѣ» Румыніи [1]) (послѣдняя впослѣдствіи ссылается на него, какъ на основу своихъ «притязаній» по адресу Болгаріи). О такомъ же «благожелательномъ нейтралитетѣ» Румыніи хлопочетъ Болгарія за нѣсколько дней до своего нападенія на Сербію, вызвавшаго вторую балканскую войну [2]). Теорія «дружественнаго нейтралитета», давно осужденная наукой международнаго права, снова, повидимому, воскресаетъ, создавая особый статусъ сотрудничества, занимающій посредствующую позицію между «строгимъ нейтралитетомъ» и «активнымъ военнымъ союзомъ».

Ст. 2-я цитированнаго выше сербо-болгарскаго «приложенія» устанавливаетъ «condominium» союзниковъ въ отношеніи всѣхъ территорій, которыя будутъ пріобрѣтены ихъ совмѣстными дѣйствіями (согласно ст. ст. 1 и 2 союзнаго трактата и ст. 1 настоящаго «annexe» ликвидація «кондоминія» предполагалась въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ заключенія мира [3]). Какъ извѣстно, судьба этого «совмѣстнаго властвованія» оказалась еще печальнѣе судьбы австро-прусскаго «кондомината» въ отношеніи Шлезвигъ-Гольштейна.

f) *Измѣненіе междувластныхъ отношеній сопровождается иногда приспособленіемъ прежней формулы къ новымъ условіямъ.* Подобную эволюцію пережила, между прочимъ, извѣстная «доктрина Монроэ» [4]), въ свое время призванная оградить С.-А. Соединенные Штаты отъ политики вмѣшательства «Священнаго Союза» (и вліянія враждебныхъ республиканскому режиму Штатовъ правительственныхъ принциповъ, которые исповѣдывались въ эту эпоху «великими державами» европейскаго континента). Впослѣдствіи «доктрина» была приспособлена къ обоснованію анти-японской политики, а также болѣе или менѣе выраженнаго стремленія великой Сѣверо-Американской республики установить протекторатъ надъ прочими американскими государствами.

Феноменологія междувластныхъ отношеній, изложенная на предшествующихъ страницахъ, касается лишь незначительной группы тѣхъ жиз-

---

[1]) l. c., Nr. XLVII, S. 81 fg.

[2]) l. c., Nr. CXIX, S. 125 fg.

[3]) l. c., S. 5.

[4]) *Lehr*, La doctrine de Monroe, ses origines, son but et ses dangers (R. de dr. internat. et de législ. comp., T. 15, II Serie, p. 50 et ss).

ценныхъ данныхъ, которыя, заполняя неустойчивое русло «потока» международныхъ событій, вмѣстѣ съ нимъ теряются въ неопредѣленной перспективѣ грядущаго. Задача нашего краткаго очерка—намѣтить нѣкоторые, важные для проблемы права, моменты, опредѣляющіе тѣсную связь правового уклада съ динамикой соціальной дѣйствительности, служащей не только «объектомъ», но и «основаніемъ» нормативной оцѣнки «de lege lata» и «de lege ferenda», подъ угломъ зрѣнія «reb. s. st.» и «reb. mut.». Принципъ «динамо-телеологической оцѣнки» раздвигаетъ границы права и подчеркиваетъ тотъ психологическій фактъ, что въ планѣ соціальнаго становленія постоянно обнаруживается процессъ индивидуальной и коллективной юридической раціонализаціи текущихъ событій, ирраціональныхъ для «позитивно-правового комплекса», но получающихъ глубокій нормативный смыслъ и значеніе, поскольку они освѣщаются «динамо-телеологической» оцѣнкой, прагматически приспособляющей правовой укладъ къ эволюціонирующимъ условіямъ жизненнаго порядка. Подобная постановка вопроса дастъ возможность вскрыть правовые элементы въ области такъ назыв. «политики», обычно противополагаемой «праву». Правовая оцѣнка—и въ этомъ ея выдающаяся жизненная значимость—относится къ соціальной дѣйствительности во всей полнотѣ ея содержанія, являющагося человѣческому сознанію въ двоякомъ и неразрывномъ аспектѣ постоянства и измѣненія, неподвижности и вѣчно движущейся смѣны переживаемыхъ нами событій.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.